

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
ИТОГИ НОВОГОДНЕГО КОНКУРСА ПИРОЖКОВ	3
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА	
Александра Гольцева. «Конец войны».....	4
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
Татьяна Сизинцева. «Рецензия на книгу «Ермошка Добродей и волшебные часы».....	6
Валерий Копнинов. «Новости из первых рук».....	8
Юлия Михайлова. «Алтайские историко-литературные хроники. Эпизод 2. Птенец культурного гнезда».....	11
ГОСТЬ НОМЕРА	
Святослав Логинов. «Берег потерянной бутылки».....	16
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА	
Светлана Шагако. «Падал итальянский снег».....	17
Аржан Салбашев. «Объяснительная записка».....	20
Лариса Торощина. «Ошибочное мнение».....	23
ГОСТЬ НОМЕРА	
Ольга Такмакова. Стихи.....	24
ПРОСТО ФАНТАСТИКА	
Елена Вознюк. «Красная или синяя?».....	26
Наталья Гриневич. «Новые технологии».....	29
Кирилл Голубев. «Тихие будни директора Феникса».....	31
Сергей Матюшенко. «Bella donna».....	36
Елизавета Селиванова. «Плюс сайз».....	39
СТИХИ	
Владимир Глушков.....	44
ПРОСТО ФАНТАСТИКА	
Кристиан Бэд. «Чего ты хочешь, женщина?».....	46
КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН	
У нас в гостях народное литературное объединение «Заполярье».....	62
Вадако" Ларь. «Хасава судбя».....	63
Инга Артеева. Стихи.....	66
Валентина Коскова. «Коза рогатая». Стихи.....	68
Светлана Коныгина. Стихи.....	70
Валерий Селиверстов. Стихи.....	71
Ольга Латышева. «Мари Паба».....	72
СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН	
Владислав Бусов. Стихи.....	74
Надежда Доронина. «Хейкки и дух соснового бора».....	76
Юлия Гликенфрейд. Стихи.....	78
Антонина Косачёва. «Апельсины для Фёдора, или Житейская мудрость».....	80
ЖИВЫЕ СТИХИ	
Анна Самойлова.....	83
СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН	
Маргарита Ивлева (Шашина). Стихи.....	84
Надежда Жигалова. Стихи.....	86
КЛУБНЫЙ ДНЕВНИК «НЕО-ЛИТА»	88

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СРЕДА № 15, 2021

16+

Журнал литературного агентства
«НЕО-ЛИТ», г. Барнаул

Руководитель и главный редактор журнала:
Анна Самойлова

Редакторы: Н. Ревкова, Е. Бызова,
В. Копнинов, А. Шинакова, Н. Володина

Вёрстка: В. Бызов, К. Бэд,
Н. Ревкова, Ю. Морозевич

Корректор: Н. Гриневич

Адрес для переписки:
эл. почта: anna_samoilova@rambler.ru

В интернете:
samlib.ru/f/fantasticheskaja_s/
vk.com/agentstvo_neo_lit

Подписано в печать: 22.01.2021.

Формат 200x297
Печать офсетная, бумага офсетная
Заказ № 102

Тираж 500 экз.
Отпечатано в: ИД «ОСТ», id-ost@mail.ru

Перепечатка материалов допускается только
с разрешения редакции.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Добрый день, уважаемые читатели!

Прошедший год был очень непростым. COVID-19 смешал все планы. В результате в 2020 году у нас вышел всего один номер.

Но было бы неправильно вспоминать прошедший год только плохими словами. Писателям он дал много возможностей: самоизоляция и карантин – лучшее время и место для того, чтобы писать. Надеемся, что каждый наш автор по итогам года порадует читателей интересными произведениями.

Ещё это время было удобно для обучения онлайн. Мы провели *онлайн-курс* по написанию динамичных сцен. Лучшее произведение, написанное на курсе, обещали опубликовать. Вот, сдерживаем слово. Публикуем рассказ Александры Гольцевой «Конец войны».

Мы очень любим *Святослава Логинова*. Он уже не в первый раз гость нашего номера. И мы надеемся, что он и впредь будет радовать читателей своими произведениями. Здоровья ему и долгих лет творческой жизни! Кстати, у Святослава Владимировича в этом году юбилей! Ему 70 лет! Вашему вниманию предлагаем рассказ «*Берег потерянной бутылки*».

В этом году у *Алтайской краевой писательской организации «Союз писателей России»* тоже юбилей. И тоже 70 лет! В честь юбилея мы начинаем публиковать произведения членов писательской организации. В этом номере читайте стихи замечательной *Ольги Такмаковой*.

По-прежнему основной костяк номера составляют произведения студийцев литературного агентства «Нео-Лит». Как только будут сняты карантинные ограничения, мы продолжим работу *студий*. Но рассказов накопилось много, читайте их на страницах нашего журнала.

Представляем новую рубрику – «*КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН*».

Эта мысль пришла ко мне, когда я в низовую метель – тэнзёр неслась на снегоходе по бескрайней тундре...

В декабре 2020 года мне удалось исполнить свою мечту – увидеть Auriga Vorealis и устроить пикник на берегу Северного Ледовитого океана. И даже принять участие в юрковании оленей.

Если хотите узнать, как это было, то в газете «Наръяна вындер» вышла статья о моём путешествии.

В Нарьян-Маре состоялись встречи с местными литераторами. И мы подумали: а почему бы нам не обменяться колоритными стихами и прозой.

Хочу сказать огромное спасибо принимающей стороне: ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа», исполняющей обязанности директора Ольге Ефремовне Латышевой и лично редактору отдела информационной и редакционно-издательской деятельности ГБУК «ЭКЦ НАО»

Ирине Михайловне Селивёрстовой и критику Любови Викторовне Царьковой! И всем литераторам, которые приходили на встречи, задавали вопросы, брали интервью, возили на экскурсии и ловили вместе со мной северное сияние. Благодаря им мне в Нарьян-Маре было тепло и уютно.

Итоги новогоднего конкурса пирожков!

2020 год прошёл! Мы решили отметить его стишками-пирожками – это такой поэтический жанр.

В жанровом отношении прототипами пирожков называют, с одной стороны, частушку, и особенно её разновидность – нескладуху, а с другой – традиционные жанры японской поэтической миниатюры: танка, хайку и особенно шуточное трёхстишие сэнрю.

Пирожки называют жанром интернет-фольклора, комическим речевым жанром, направлением литературы нонсенса.

Пирожок представляет собой четверостишие, написанное четырёхстопным ямбом по схеме 9-8-9-8 (то есть по 9 слогов в первой и третьей строчках и по 8 слогов – во второй и четвёртой), без рифмы, без знаков препинания и дефисов, строчными русскими буквами.

Тут важен игровой характер пирожков. Он выражается в нестандартном, отклоняющемся от нормы использовании языка и неожиданных смысловых поворотах.

Пример

как можно жить совсем без хлеба
и с непомытою плитой
спросил андрей и сразу умер
по крайней мере для меня

А теперь лучшие пирожки!

Анна Самоилова

вас поздравляю с новым годом
пусть будет больше разных книг
пускай идёт за дудкой крыса
и вновь качается бычок

Анна Тончарова

Спеши, Бычок, к нам, белоснежный,
С добром, здоровья принеси!
А то у Крысы високосной
Рога, копыта, нос-пятак...

Юлия Кречетова

Вас поздравляю с Новым годом,
Пусть льётся творчество рекой!
Пусть «Нео-Лит» вас вдохновляет
И жжёт его звезда сердца!

Локомотив Уикуев

сияет лампочками ёлка
как пограничный столб времён
год сбрасывает шкурку крысы
и рядится в доспех быка

Анастасия Баталова

Не жаль: закончился двадцатый,
какой-то слишком странный год...
Пускай добро приходит в хаты,
а зло затаенет в дымоход.

Ольга Денисова

я всем желаю вдохновенья
и мне оно не повредит
пусть музы стаями роятся
весь год у нас над головой

4

Лариса Владыкина

пусть дед мороз быка навьючит
а крысе он поддаст под зад
с собой возьмём мы только лучшее
и не воротимся назад

Яна Узотова

Нас поздравляет с Новым годом
Наиприятнейший Бычок.
Писатель! Будь всегда с народом!
Решись на творческий скачок!

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА

Александра Тольцева

Конец войны

– Сэр Рональд, я считаю, что благородный человек отличается от подлеца тем, что умеет с честью признавать ошибки. Смею надеяться, что таковым вы меня и считаете. Отдам вам должное, вы славный рыцарь, и я, сэр Джеффри Ноттингемский, поступил в высшей степени недостойно, нанеся вам пусть и невольное, но оскорбление. Знайте же, что наказание меня настигло: недооценив вас, я навредил себе.

Сэр Джеффри Ноттингемский выглядел гораздо более измождённым, чем когда он последний раз виделся с сэром Рональдом: напоминавшие меха волынки щёки впали, потускнели оливковые глаза и тени залегли под ними в глубоких складках кожи. Помолчав, он продолжил:

– Я и мои люди прибыли сюда, чтоб прекратить бессмысленные и беспощадные сражения и заключить столь долгожданный мир меж нами.

Плотное, изнурённое долгим походом лицо молодого сэра Рональда вытянулось. Он прибыл к месту встречи с мыслью, что битва неизбежна и она уже близка. Но теперь его уверенность заметно пошатнулась: насколько искренен сэр Джеффри в своих речах? Не за падня ли это?

Сэр Рональд и сам денно и нощно вынашивал мысль о мире. Он был неуверен в своих способностях сокрушить непобедимое войско противника. Но теперь, когда одно слово могло бы погасить конфликт, сомнения хлынули мощным потоком. А что если сэр Джеффри стал так слаб, что вынужден просить мира, дабы избежать позора поражения?

При этой мысли остроконечное лицо рыцаря озарила самодовольная ухмылка. И сэр Рональд, даже не стараясь скрыть нотки превосходства в голосе, ответил:

– Вам, как благородному рыцарю, должно быть известно, что подобные ошибки нельзя исправить. Они должны смываться кровью! Поэтому прекращайте эти смехотворные попытки избежать сражения иступите, наконец, достойно. – Захлопнулось забрало, из-за чего высокий голос рыцаря зазвучал чуть глуше. – Признайте же своё поражение или дайте бой. Я и мои люди ждём.

Сэр Джеффри резко покраснел, нахмурился и надул щёки.

– Смехотворные?! – прогремел он в ответ сэру Рональду. – Вы посмели назвать меня шутом?

Не прошло и секунды, как лицо разъярённого рыцаря тоже скрыло забрало. Он поднял меч. Взметнулись золотистые и красные знамёна, как будто языки пламени. Повинуясь призыву главнокомандующих, кавалерия устремилась в бой. Встали частоколом копья. Клинки засверкали, как молнии. Воздух наполнился стонами, криками, лязгом и грохотом оружия.

Ни войско сэра Джеффри Ноттингемского, ни его противника не уступали в силе или в мужестве друг другу.

Но тут раздался трубный вой небесных валторн, и спокойное дыхание зефира сменилось шквалистым норд-остом.

Слезящийся от ветра глаз знаменосца внезапно сумел выловить у горизонта странный силуэт, за которым, будто мантия королевы, ползла необъятных размеров туча.

Ночь среди бела дня накрыла поле боя. Казалось, сама Смерть явилась за жатвой. Она приблизилась к двум рыцарям, стоявшим на защите сэра Джеффри. Неясный шепот из-под капюшона заставил их отступать.

– Что... что ты здесь делаешь? – пролетел рыцарь.

Но едва он успел открыть рот, как ужасная гостья откинула капюшон.

– Ты что тут устроил, паршивец?! Всё в войнушку свою играешь, а родной матери помочь – шиш!

Один из оруженосцев, повидавший многое, едва не выронил из рук верный меч.

Побагровевший сэр Джеффри отвернулся, чтобы никто не сумел уличить его в слабости. Откашлявшись в рыцарскую перчатку, он прошептал:

– Прошу, мам, давай поговорим попоже. Я хочу...

– Перехочешь! – отрезала мать. – Сколько раз тебе повторять: не сутулься!

Стоило ей шлёпнуть по спине сэра Джеффри, как благородный рыцарь сразу стал ниже ростом, пропали доспехи и боевой конь.

– Ну, мааам... – захныкал он, заметив, как наворачиваются слёзы смеха на глаза его верных оруженосцев.

– Не мамкай! А ну быстро домой! – Мать обернулась к оруженосцам, тут же прекратившим сдержанно хихикать и застывшим с каменными лицами. – И что всё за собой убрали. Сейчас же!

Войска медленно расходились, озадаченные внезапным окончанием битвы.

Наблюдая, как противники дружно идут подбирать свои деревянные мечи, сидящий на скамейке дворник со вздохом произнёс:

– Если б только все войны так заканчивались...

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Поздравляем с победой Татьяну Сизинцеву из с. Сростки!

Представляем победителя авторского конкурса рецензий на книги Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и заколдованная кукла» и «Ермошка Добродей и волшебные часы».

Татьяна Сизинцева родом из легендарного шукшинского села Сростки Алтайского края.

Она получила денежный приз, диплом и книгу «Ермошка Добродей и волшебные часы» с автографом автора, именно ту книгу, на которую и была написана её победная рецензия.

Первая книга цикла «Ермошка Добродей и волшебные часы» была издана в серии «Победители краевого конкурса на издание литературных произведений», и тираж был распределён по всем городским и муниципальным детским библиотекам Алтайского края. Её можно найти и на сайте «ЛитРес»: <https://www.litres.ru/uliya-anatolevna-nifontova/ermoshka-dobrodey-i-volshebnye-chasy>

Вторая книга серии выставлена там же: <https://www.litres.ru/uliya-anatolevna-nifontova/ermoshka-dobrodey-i-zakoldovannaya-kukla>

Татьяна Сизинцева

Рецензия на книгу Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы»

Так случилось, что именно в День библиотек прочла книгу Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы». Книга адресована детям старше шести лет и их родителям.

Произведение по жанру – волшебная сказка. О чём она? О любви. О материнской любви. Точнее, о нехватке этой самой любви.

Любовь бывает разная. У Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» тоже о любви, о том, как старик любил свою старуху, а она не ценила.

У Нифонтовой девочка любит свою мать, но у той пока другие ценности, она устраивает личную жизнь, а дочку спланировала к бабушке. Каждая незамужняя женщина решает для себя, кто ей важнее: мужчина или собственный ребёнок, с которым она будет встречать старость.

От нехватки родительского внимания часто рождаются литературные герои. Так когда-то появились Карлсон,

Том Сойер, Пеппи Длинныйчулок, Золушка. Так появился и Ермошка.

Главную героиню зовут Оля. Кстати, это моё любимое женское имя, мою дочь тоже зовут Оля.

На протяжении всего произведения мама присутствует лишь на фотографии, на которой они вместе с дочерью, где на всякий случай подписано, кто есть кто.

Ребёнок живёт в окружении игрушек и домашних животных. Оля добрая девочка: любит кота, вместе с бабушкой выходила раненого воронёнка.

С первой главы я обратила внимание на язык, на эту известную с детства замечательную приговорку: «Водичка, водичка, умой моё личико. Чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок». Интересное слово «фафудья» – не слышала никогда. Или «по-банному крытая»...

Нет смысла пересказывать сюжет, он незамысловат, как и все сказки. Главное – рядом с Олей её верные друзья.

А Ермошка проявляет истинные мужские качества: храбрость, ответственность, верность. Не случайно возникает запись: $O + E = M!$

И всё-таки он Домовёнок. Зато в финале появляется Серёжа, который с удовольствием смотрит концерт – «от переизбытка радости глупо хихикал там, где вовсе и не нужно». Когда-нибудь он будет сопровождать Олю в школу и, возможно, носить ей тот самый портфель, без которого и сказки бы не было.

Концерт смотрит и новый мамин муж: «скачая, с неизбывной тоской разглядывая носок собственного ботинка. Так всегда делают большие высокомерные дядьки, которым вовсе не интересно возня чужих детей».

И всё-таки сказка о любви. «Вдруг из золочёного циферблата, освещающая сумрак сарая, на свободу выплыло пылающее слово «ЛЮБОВЬ». «Вот он, огненный автограф из пророчества. Любовь – единственная в мире сила, которая может помочь маленькой девочке одолеть лютых колдунов и совершить настоящее волшебство...»

Герои сказки уже давно вышли за пределы книги: самостоятельно жи-

вёт песенка о маме, дети на занятиях в кружках своими руками вяжут куклу Варюшку, которая, чтобы помочь своей подруге-хозяйке, даже жизнью рискует – начинает распускаться (вот где преданность!).

Отдельный разговор – иллюстрации, которые никакое словесное рисование не заменит. Книжка яркая, имеет своё лицо!

И всё равно мне стало как-то грустно. «Мама смотрела весёлый концерт со слезами, с растерянным печальным лицом, она уже знала, что Оля не пойдёт к ней жить и останется с бабушкой/.../И только бабушка смотрела на Олю добрыми, полными любви и восторга глазами, именно такими, какими и нужно смотреть детский концерт».

Эта книга открывает книжную серию о необыкновенных приключениях девочки Оли. Очень хочется увидеть героиню по-настоящему счастливой. Никакие мальчишки, подружки, домашние питомцы, игрушки, даже бабушки не заменят мамину любовь. Это как в детской припевочке про бабушку: «Добрым-добрым-добра, да не маманька родна».

«Ермошка Добродей и заколдованная кукла»

Книга «Ермошка Добродей и заколдованная кукла» – это продолжение сказки «Ермошка Добродей и волшебные часы».

Сама по себе тряпичная кукла, даже если у неё огромный нос – не представляет большой опасности. Другое дело, когда она попадает в руки злых и хитрых колдунов, живущих в старом сарае.

Тогда игрушка может превратиться в страшное и беспощадное оружие. Но на страже покоя дома и его обитателей стоят отважный домовёнок Ермошка и его подруга – девочка Оля.

Во второй книге из серии «Ермошка Добродей» маленькие читатели продолжают знакомиться с духами подворья, становятся очевидцами волшебных превращений и необыкновенных приключений героев.

Сказка адресована детям младшего школьного возраста, а также будет интересна и их родителям.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Валерий Коннинов

Новости из первых рук

*(Несколько субъективных строк
о поэтическом сборнике Юрия Татаренко «Новости-бирск»)*

В наше время можно по-разному относиться к выходу бумажной книги. Книги вообще и книги стихов в особенности. Что тут поделаться – интернет берёт своё. Да и чужое – тоже, вытесняя литературу из книг, новости из газет и т. д. Чаше – не заменяя, а подменяя. Но охватывающая большие человеческие массивы. Со своими плюсами и минусами. В конечном итоге решать автору – «быть или не быть» его книге на бумаге. И автор, решающий в пользу «быть», невольно (но однозначно) вызывает уважение. И не только как автор, но и как человек.

Юрий Татаренко.

Фото: Кристины Кармалиты

Человек – по-прежнему звучит гордо, хотя не так оптимистично, как раньше. А без оптимизма, да ещё мотивированного, жить грустно. И на фоне унылой статистики, видится мне, что бумажные книги печатают именно мотивированные оптимисты. Поэты (и прозаики), которым не чуждо ничто человеческое.

Может, это и анахронизм, когда поэту ничто человеческое не чуждо, но анахронизм, служащий на пользу дела.

И новосибирский поэт Юрий Татаренко – как раз один из немногих мотивированных оптимистов, с определённой периодичностью выпускающий поэтические сборники. Нынешний – девятый. «Новости-бирск».

Новая книга стихов Юрия с таким говорящим названием – не просто увековеченное на бумаге мгновение, порою прекрасное, порою в своей красоте сомнительное, но в любом случае – в каждом остановленном мгновении теплится жизнь, сохранившая и движение, и дыхание...

Может, именно для сохранения внутреннего движения (и для сохранения статусной традиции) сборник «Новости-бирск» предложен Юрием

как «стихи в авторской редакции». И другие предположения тасовать и рассматривать совершенно не хочется. Авторская редакция для Татаренко – это когда всё ставится на кон (выбор и возвышающий поэта, и делающий его в какой-то степени беззащитным), чтобы случилась сугубо личная беседа с читателем. Когда слово – не воробей, вылетело – не поймаешь.

Она даже задекларирована автором – эта значимость звучащего слова. Чем? Тем, что многое из вошедшего в сборник уже неоднократно опробовано на слух – читано и в большом, и в малом круге.

Потому как Юрию важна эта читка на людях с её живой реакцией. Только так можно проверить достоверность иллюзии (иллюзии, создаваемой по законам искусства) «сугубо личной беседы» – возникновения живого слова здесь и сейчас. А ещё, чтобы понять, насколько за иллюзией удалось скрыть тот «сор» (ведомый авторам), из которого растут стихи.

*Поэты знают, что стихотворенье
Шагает в мир не с чистого листа.*

Поэты, конечно же, знают, хотя... Вот скажи про поэта, что он «зрелый мастер», и тем окажешь ему медвежьей услугой. Мастерство, тем более зрелое, это же палка о двух концах!

Или хуже того – объяви, что стихи такого-то поэта «экзистенциальны». О-о-о-о!.. Но что поделать, если в стихах Юрия и мастерство, и экзистенция – несомненны, обоснованны и гармоничны между собой, как Европа и Азия, составляющие единый материк.

Хочешь не хочешь, а говорить умные слова придётся.

К примеру, вот такие: для Юрия Татаренко публикация очередного сборника стихов не просто суммирование накопившегося материала – это скорее определённый этап, желание поделиться собственными открытиями в познании материального и нематериального мира (зная Юрия лично, могу утверждать с точностью).

И «история с географией» совсем не случайна, экзистенциальная география поэта Юрия Татаренко – как всё тот же материк Евразия, где поэзия и жизнь имеют в определённой степени условную, но, несомненно, существующую границу.

А стоит тот «материк» не на трёх китах, а как раз на мастерстве, на умении, находясь на грани двух реальностей (жизни и поэзии), не смешивать одну с другой, имея свободный доступ в обе.

Вот пример «выскальзывания» поэта в финале стихотворения из реальности поэзии в реальность жизни.

*Поэзия, смешны твои фанаты:
На рельсах прозы стыки незаметней.
Всё хорошо – прости, старик Державин,
Смотрящего в окошко обормота...
Одной рукой за поручень держаться –
Приятная трамвайная забота.*

А вот пример обратный, когда автор «убегает» в реальность поэзии, оставляя читателя (собеседника) перед распахнутой дверью.

*Аэропорт домодедовский
Быстро багаж выдаёт.
Ангелы вписаны в ведомость.
Значит, получат своё.*

Игра? Да, игра. Игра хоть и не наскучившая, но достаточно привычная. И Юрий играет с читателем в эту игру не потому, что другой придумать не может, а потому, что знает (верит в то, что знает) этой игре цену. Результат игры – подтверждение, что жизнь с помощью стихов постижима. И это программное заявление. Стихи разум-

ней религии, для которой отводится (она опиум – по К. Марксу) всего лишь значимость «наркотика», позволяющего не жить, а существовать. Спорно? Разумеется. Но спор лучше вынести за скобки (в коридоры, кулуары...), чтобы не мешать звучать стихам.

*Я прихожу к ухоженным могилам
Ответить на вопрос, зачем живу –
И доказать, что родственно кадилло
Закатанному наспех рукаву.*

Эти строчки – фактически экзистенциальное кружево. Тонкое, но не рвущееся, имеющее практическое применение – стихи уравнивают и жизнь и то, что за гранью жизни. Стихи – прообраз бессмертия. Красота – бессмертна. А мир, как известно, «красотой спасётся».

Стихи живут – во имя красоты.

Красота в глазах смотрящего. И поэту, чтобы быть адекватным своим же собственным стихам, – надо жить. Жить на полную катушку. Не откладывая на потом, торопиться жить и спешить чувствовать. Идти в ногу за стремительным (что и в страшном сне не снилось пушкинскому Евгению Онегину) временем. Чтобы не просто находиться в контексте новостей, а самому в этих новостях являться как минимум составной частью, а как максимум – информационным поводом. Возражая (искренне уважаемым) классикам.

*Затянем пояса и песни.
Слова толкуются впрямую.
«Мороз и солнце, день чудесный...»
Ну, ничего, перерифмуем.*

И тут можно было бы остановиться и сказать, что автор перегибает палку. Ту самую, что о двух концах. Да, да, да... Если бы не авторская ирония, благодаря которой рассыпается весь пафос прямолинейного восприятия жизни.

Ирония, что скрыта автором в рукаве, как птица у фокусника, про которую все знают, что она должна появиться, но, когда птица появляется, никто не может понять – как.

Ирония, оставленная автором про запас, на самый крайний случай. На чёрный день, когда явится публика, от которой стихи – как от стенки горох.

Ирония дальних, неявных, невольных ассоциаций, чьи уши торчат, к примеру, в названии сборника «Новости-бирск», в сокрытом беге для дурашливого перевода-парафраза: «Новости пивного города».

Шесть лет назад в предисловии к одному из сборников Юрия Татаренко «Грусть винограда» Владимир Михайлович Костин написал: «Юрий хорошо знаком с современной русской поэзией, но, думается, связан с ней слишком тесно и не всегда в полной мере критичен к ней. Надо расширять диалог с традицией: внимательно перечитывать классику...»

Непреренно надо перечитывать классику, и непременно – внимательно. Следуя закону сообщающихся сосудов. Ведь классики – они субъективны.

Да и поэты в целом – субъективны по определению. По крайней мере, в лирических стихах. Субъективность, как и красота, – в глазах смотрящего.

И в глазах смотрящего – поэта Юрия Татаренко – субъективна (лирична) и природа: осень – замкнутая, неискренняя, в ней «душу распахнуть боится листопад», но есть возможность отдохнуть, отдышаться, прийти в себя благодаря тому, что «греет душу русская зима», хотя следом уже спешит невнятная «весна – а за окном, то снег с дождём, то дождь со снегом» и всё никак не наступит долгожданное лето, засидевшееся «на удалёнке».

А что будет дальше – неотвратимо и непредсказуемо. Субъективно, одним словом.

Времена года у Юрия Татаренко – это не только время, но и (родные стены) пространство, без которого невозможно ведение диалога поэта с внешним миром. И здесь поэту необходима (и достаточна) здоровая доля консерватизма, и вместе с тем требуется поиск нешаблонного соотношения внутреннего и внешнего миров.

Но можно ли соединить взаимоисключающее? А если можно, то каким образом? Только через субъективное. Через человека.

Одна лишь диалектика объективна. В том числе диалектика любви. Объективна – в своём движении по спирали.

*«Я кто тебе?» В ответ заминка.
«А листьям – неба не хватает...»
На наших летних фотоснимках
Влюблённость первой выцветает.
Письмо в неровных восемь строчек
Уже в костре за голубятней...
И жизнь на облако короче
И на глоток вина понятней.*

Виток за витком.

*Но снегу точность рифмы не важна.
Смакует дождь ритмические сбои...*

*Безмолвие. Молчанье. Тишина.
Сгорели письма. Слабый запах боли...*

И опять – виток за витком.

*На щеках блестят досвиданности,
Но в глазах стоят благодарности.
Рукоблизость – вид зоркодальности,
А срок годности – срока давности.*

И если любовь выглядит как болезнь (вирусная) – с горячкой, бредом, жаром... То одиночество – это состояние, когда температура 36,6.

Но каждый раз, когда автору (или «герою» автора – автору, который немножко придумывает сам себя) кажется, что он (вечно путая желание любви с любовью) разгадал, до тонкости понял природу любви (как правило, в тот момент, когда любовь покинула его), любовь предстаёт перед ним в новом, неожиданном образе и манит к самопознанию.

И порой эта новая любовь (входит в стихи) предстаёт вот так: без правил, без грамматики, без заглавных букв, на откровенности, на одних лишь интонациях. Интонациях, отданных на откуп читательской интерпретации. Но, интерпретируя, читатель присваивает предложенную ситуацию, погружаясь...

*в гости пришла
пъём чай
и так нам не хочется
пить этот чай
ты говоришь
давай кто быстрее разделется*

И даже здесь, в верлибре (а может быть, в верлибре – прежде всего), присутствует неизменная, особая мелодика стиха, озвученная не инструментом, а голосом (догадываетесь чьим?). То нащёпанная с придыханием, то невнятно пробормотанная, а то нервно задранная в фальцет.

И вы скажете: «Неужели всё это можно услышать, прочитав стихи Юрия Татаренко? Книга ведь не аудио, она – бумажная!»

Конечно, можно. И нужно!

Попробуйте. Откройте книгу «Новости-бирск», и она зазвучит.

В наше время можно по-разному относиться к выходу бумажной книги. Книги вообще и книги стихов в особенности... А я стараюсь относиться субъективно, как и положено человеку, уважающему мотивированных оптимистов.

Чего и вам желаю.

Юлия Михайлова

Алтайские историко-литературные хроники

Эпизод 2. Птенец культурного гнезда

Говорят, плохие времена становятся хорошими воспоминаниями.
Фредерик Бегбедер

Будущее неизвестно. Настоящее изменчиво. Человек такой, какой он есть, – только в прошлом. Может, поэтому прошлое притягивает нас и побуждает узнавать о нём все детали, все тонкости, от великого до простого.

Эта история о простом. О поэте, чей путь связан с Алтаем, в некотором роде он птенец нашего «культурного гнезда». В 1929 году о нём говорили как о барнаульском поэте. Правда, в литературных энциклопедиях жизнь его и творчество практически не оставили следа.

Культурное гнездо

Обстановка в культуре Сибири в 1917-1919 годы была исключительно трудной для развития искусства. Великая Октябрьская революция уже внесла новую краску в развитие литературного процесса в крае. У нас появились первые «свои» писатели – «самосочинители», как назовут их на Первом писательском съезде Сибири. У них не было какого-то серьёзного образования, да что там – иногда просто не хватало грамотности, но они старательно навёрстывали упущенное и занимались активной издательской деятельностью. Придумали книжную серию «Сибирский рассвет», в которой решили печатать произведения только сибирских писателей, и в первую очередь местных – Г. Гребенщикова, В. Шишкова, С. Исакова, А. Ершова А. Жиликова и других. Но без того неустойчивый литературный процесс в отдалённом от центра аграрном регионе прерывался событиями военными и политическими. Попытка сохранить зародившуюся на Алтае активную литературно-издательскую деятельность проходила на фоне перехода власти от красных к белым и Гражданской войны. При этом литературный кружок в Барнауле во времена колчаковщины признан наиболее многочисленным в Сибири.

Супруга писателя А. С. Новикова-Прибой – Мария Новикова, вспоминая события 1919 года, перечисляя местных литераторов, упомянула нашего героя как «молодого и талантливого поэта Ивана Морозова».

Москва тогда голодала, а в Барнауле, когда собирались большой компанией писатели и поэты, то «обычно при та-

А. С. Новиков-Прибой и его жена Мария Новикова

ких встречах устраивались пельмени». Неудивительно, что в Сибирь из столицы были направлены поезда для обмена мануфактуры на продовольствие. С этой миссией и оказался в Барнауле в 1918 году начальник такого состава писатель А. С. Новиков-Прибой. На обратном пути из Барнаула, когда мануфактура была обменена, после отхода первого поезда, в котором был писатель, мост через Обь частично взорвали белогвардейцы, супруга писателя вместе с сыном вынуждена была остаться

в Барнауле. «Я тут же ушла с поезда, – вспоминает она, – и вскоре нашла работу в Алтайском союзе кооперативов, где заняла место помощника заведующего издательским отделом и находилась под начальством сибирского писателя Пушкарёва Глеба Михайловича». В поисках семьи Новиков-Прибой стремился вернуться в Сибирь. В этом ему помог Луначарский, который послал в Сибирь группу писателей и художников для культурно-просветительской работы. «Из московских писателей в «сибирской» группе были Низовой Павел Георгиевич и Новиков-Прибой. Художник Яковлев и скульптор Надольский Степан Романович. Они поселились с нами в Барнауле и работали до своего возвращения в Москву», – пишет М. Новикова. Упомянутый Г. М. Пушкарев, один из организаторов литературно-издательской жизни в Барнауле тех лет, заметил в своих воспоминаниях, что два писателя-«центровика» взбудоражили местное сообщество литераторов и с их подачи и началось издание нового литературного журнала «Сибирский рассвет».

Это название знаковое для литературы Алтая. Так называлась книжная серия, так был назван книжный магазин, который был приобретён культурно-издательским отделом, читай писателями, и, наконец, литературный журнал «Сибирский рассвет», единственный в своем роде на просторах Сибири и ставший, по признанию литературоведов, заметным культурным явлением первого послеоктябрьского 10-летия. Настоящим культурным гнездом – первичной ячейкой общерусской культуры. Тогда сложилось все, что характеризует это понятие: и круг лидеров – деятелей культуры, и постоянная деятельность, и обеспечение преемственности (выдвижение старшими младших).

Имел ли отношение к «Сибирскому рассвету» наш герой – поэт Иван Морозов?

В некоторых источниках, посвященных биографии А. С. Новикова-Прибоя, без обиняков заявляется, что он был начинателем и создателем журнала «Сибирский рассвет». Но, замечу, что на Алтае к этому времени уже был накоплен свой значительный издательский опыт, в том числе и литературных произведений. Не беря во внимание более ранние издания и библиотечку «Сибирский рассвет», выходили газеты, выходил журнал «Алтайский крестьянин», часть страниц которого тоже отдавалась под художественные произведения. Думаю, выдержка из письма

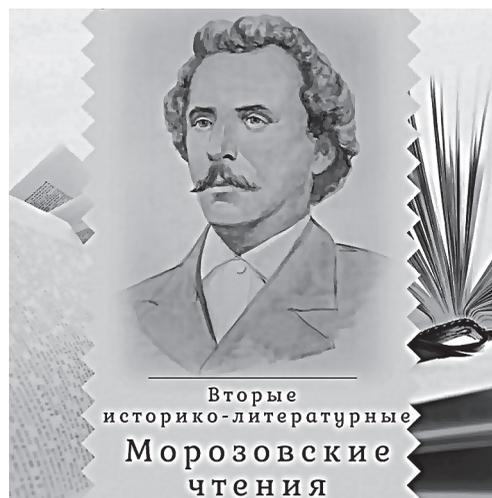
Г. Гребенщикова – Степана Исакова, который с декабря 1918 года приступил к редактированию журнала, ярко демонстрирует взаимодействие наших и «московских». В письме от 6 апреля 1919 года он пишет: «Публика у нас пёстрая. Российская публика – Новиков-Прибой, Тупикив, начали было «зарываться», но нашим пришлось их немного осадить, и теперь они на своих местах, сошли с олимпа». В состав редакционного совета журнала вошли в качестве ответственного редактора и писателя П. А. Казанский, учёный В. С. Семёнов, писатель П. Г. Тупикив, член правления Культурно-просветительского союза И. И. Ржанников и приглашённый временно для организационных работ в качестве секретаря редакции поэт Ю. Ревердатто (фамилии Новикова-Прибоя в архивных документах не упоминается). Редактором С. Исаковым было разработано содержание шести первых номеров журнала «Сибирский рассвет». Судя по архивным материалам, П. Казанский и С. Исаков работали и над идеей создания паевого товарищества для издания журнала.

*«Поэт не человек – он
только дух»*

Путём несложных интернет-поисков я нашла поэта Ивана Морозова (1883–1942) – известного в литературных кругах первой половины XX века. Был знаком и дружен со знаменитыми писателями XX века: А. М. Горьким, С. А. Есениным, В. А. Гиляровским, А. С. Новиковым-Прибоем.

Кажется, все сходится – это он! – этот Иван Морозов и был в барнаульском литературном кружке 1919 года.

Сегодня в Московской области есть мемориальная Луховицкая библиотека им. И. Морозова. Систематически под эгидой библиотеки проходят конференции, посвящённые творче-

ству поэта. Но вот загадочная история, по данным исследователя, кандидата исторических наук, доцента Московского государственного социально-гуманитарного университета Андрея Шаблина, который изучил эпистолярное наследие поэта, Иван Морозов не мог оказаться в 1918-1919 годах в Барнауле.

«Я посмотрел достаточно много писем Ивана Морозова за 1917-1920 годы, и в них нет даже намёка на его пребывание на востоке страны. Он описывал друзьям события своей московской жизни, поездки из Москвы в Луховицы», – написал мне Андрей.

Обращаюсь к нему повторно:

«Но в “Сибирской советской энциклопедии” написано, что литературный кружок в Барнауле во времена колчаковщины был, и вот состав: “Исаков, Жилияков, Ершов <...> Морозов и др.”. Может быть, был другой Иван Морозов?»

«Другого поэта Ивана Морозова (во всяком случае, сколько-нибудь заметного по своему таланту) точно не было», – получила я ответ.

Кто же тогда загадочный «наш» Иван Морозов? Более тщательные поиски всё-таки извлекли нашего героя из небытия. В материалах для Сибирского словаря писателей (1927) Н. В. Здобнова находим фамилию «Морозов, А. (псевдоним А. Ванин), поэт, родился в Омске 19 янв. 1881 года, сотрудник «Сиб. Рассв.» (1919), «Пролет. Побег» (1922)».

Так вот какая путаница произошла – Мария Новикова перепутала псевдоним и имя.

Заглянем в журнал «Сибирский рассвет» за 1919 год. В апрельском №6 стихотворение «Весеннее»:

*В зеленом кружжеве осолнечной опушки
Плетут тяжёлую и мирную тоску
Глухие выкрики бездомницы-кукушки
Ку-ку! <...>*

А в №9 (ноябрь) – «Тревога»:

*Затягвал пулемет...
Бросая чемодан с закупоренной смертью,
Вдохнула пушка...
Рассыталась и зацвела избушка,
Щетиня огненно-живые волоса <...>*

Автор пытается играть со словом, экспериментировать, выразительность даже в графическом виде стихотворения.

Стихи есть, поэт есть, но имя его неизвестно. Продолжим поиски.

У составителя Словаря псевдони-

мов русских писателей, ученых и общественных деятелей (1960) Масанова И. Ф. нахожу: «Морозов, Алексей Алексеевич – поэт. Псевдонимы: Ванин, А. Периодические издания: Сибирский Рассвет, 1919; Пролетарские Побег, 1922. Примечание: и в барнаульск. газетах 1910-20-х гг. (Масанов)». Хотя составитель ссылается на Словарь Н. В. Здобнова 1927 года, но дата и место рождения у поэта другие – «11 авг. 1896 в д. Петровка, Череповецк. у. Новгородск. губ. —?».

Новость – оказывается А. Морозов (Ванин) печатался в барнаульских газетах начиная с 1910-х годов. Значит, совсем неудивительно, что в 1929 году критик Г. Вяткин в журнале «Сибирские огни», разбирая книжку стихов поэта «На камнях у Коёна»¹, называет его барнаульцем. Критик отмечает, что А. Ванин сибиряк, барнаулец, и поэтическая книга – это дебют автора. «Книга производит двойственное впечатление. С одной стороны – перед нами человек с поэтическим дарованием. Как прекрасно он сказал, например, о наступающей зиме:

*Пушистым мягким полотном
Дорог перевязала раны
И тихо встала за окном...*

Озера у него – “глубокие глаза долин”, девичий смех – “золотые бубенцы”, у деревенских писем – “сосновый запах”. Ванин умеет образно мыслить, давать простой и выразительный рисунок. Он хорошо чувствует современность, ряд его стихов посвящен темам рабочего и красноармейского быта. “Новый, небывалый строй” Ванину близок и дорог, он верит в его крепость и недаром рифмует его с Волховстроем. Таковы плюсы поэта. Но есть и немало минусов <...> далее критик говорит о недостаточном мастерстве и небрежности поэта. «Резюмируем: Ванин – не без таланта, но у него совершенно отсутствуют самокритика, а подчас ему не хватает даже грамотности». Добавлю, что первая книга поэта была издана во Владивостоке.

Принял участие Алексей Морозов (Ванин) и в молодёжном издании тех лет – «Пролетарские побег». Журнал вышел всего в нескольких номерах (поскольку был критически разгромлен «старшими товарищами») в 1922 году в Ново-Николаевске тиражом от 4000 до 5000 экземпляров. И здесь обращает на себя внимание графическая задача стихотворения нашего поэта. Замечу, что известная «лесенка» появилась в стихах В. В. Маяковского и затем

стала его фирменным знаком только в 1923 году. Хотя оборванные строки встречались и раньше в русской поэзии – у А. Пушкина, Н. Некрасова, А. Белого. Так ли уж безграмотен был А. Морозов (Ванин)?

Закат

Падает солнышко.
 Ниже и ниже все катится.
 Запад смеется, кровавится.
 Плещет в глубокую
 Тишь синеокую
 Жидкое золото, красное золото.
 По небу
 Прыгают
 Мечутся
 Прядают
 Красные отблески.
 Солнышко падает
 В сумку глубокую,
 Сумку закатную.
 Тихо
 встают,
 и растут,
 и мотаются
 Тени, лохматые
 тёмные
 длинные.
 Это ленивая ночь поднимается,
 пьяная
 тёмная
 летняя ночь.

(1918, Барнаул)²

Нет на Дальнем Востоке более известной фигуры, чем Владимир Клавдиевич Арсеньев (10 сентября 1872 года, Санкт-Петербург – 4 сентября 1930 года, Владивосток) – географ, этнограф, писатель, автор популярной повести-путешествия «Дерсу Узала».

Имя поэта Алексея Морозова и исследователя Владимира Арсеньева связаны благодаря воспоминаниям поэта, опубликованным «Сибирскими огнями» в 1930 году. А. Морозов (Ванин) рассказывает о встречах с известным исследователем: «Как-то после лекции в клубе я пригласил Вл. Клавдиевича к себе на стакан чая. Он много говорил, много смеялся <...> Однажды я зашёл к нему на квартиру по какому-то делу и просидел несколько часов. О «деле» мы говорили пару минут, а остальное время «бродили по тайге». Владимир Клавдиевич рассказывал <...> по-

следний раз встретились в 1928 году у подъезда городского театра, и Арсеньев с радостной улыбкой показал письмо из Италии от Горького...» Итак, они были дружны и запросто общались. Был ли знаком Алексей Морозов с семьями В. Арсеньева (он был женат дважды)? Неизвестно, но дальше судьба удивительным образом продолжила переплетение с Алтаем.

Надо отметить, что после смерти В. К. Арсеньева во владивостокской газете «Красное знамя» от 16 июля 1931 года вышла уничижительная статья «В. К. Арсеньев как выразитель идеи великодержавного шовинизма», которая, вкупе с последующими «разоблачающими» статьями и критическими публикациями, серьёзно подорвала научный авторитет Арсеньева и положила начало посмертным гонениям. Досталось и семье. Вторая жена и дочь подверглись репрессиям. Сын от первого брака Владимир Владимирович в 1939 году был направлен на учёбу в Ленинград в Лесную академию. Но вместо учёбы он получает предписание покинуть Дальний Восток. «К этому времени у него уже была большая семья: мать Анна Константиновна, жена Клавдия Григорьевна и дети: Юрий – 11 лет, Игорь – 3 года, Вадим – 2 года. Вначале семья уезжает в Челябинск, затем на Алтай. Первое место жительства – станция Тальменка. Там прожили недолго и на подводах уехали в Ширпотреб (этого поселка в настоящее время нет), примерно 100 км, ехали три дня. Вскоре началась Великая Отечественная война, и 10 сентября 1941 года Владимир Владимирович был призван на фронт, но в начале 1942 года по состоянию здоровья был освобождён из армии. А в августе 1942 года добровольцем вновь уходит на фронт. Воюет в противотанковой батарее, но, получив тяжёлые ранения в июне 1943 года, возвращается домой. Подрастали и учились дети, старший Юрий уже ушёл в армию, но жажда к знаниям не оставляет Владимира Владимировича, и в 1949 году он поступает в Бийский лесной техникум и заочно оканчивает его в 1955 году с присвоением квалификации «лесовод». Кроме этого, он учится в Общественном заочном университете Всесоюзного научно-инженерно-технического общества лесной промышленности и лесного хозяйства СССР. В 1953 году он представляет реферат на тему «Теоретические основы степного лесоразведения»³.

От марта 1953 года в архивном фонде Алтайской писательской организации сохранился документ. Черновик

письма-обращения первого ответственного секретаря И. Фролова и выписка из решения бюро Алтайского краевого отделения ССП – о материальном положении вдовы писателя В. Арсеньева – А. К. Арсеньевой. Ей 80 лет, она находится на иждивении сына. Решили: просить бюро отделения ССП СССР о предоставлении права Арсеньевой А. К. получить гонорар за переиздание произведений своего мужа до 1 января 1960 года. Просить выдать единовременное пособие в размере 5 тыс. рублей. Подпись – Фролов⁴.

В 1957 году по ходатайству Союза писателей СССР Владимир Владимирович получил гонорар за издания отца 1951-1953 годов и разрешение вернуться на Дальний Восток.

Послесловие

Нашлись рукописи стихотворений А. Морозова (Ванина) и в Российском архиве литературы и искусства. Несколько – в фонде критика и библиографа Евдоксии Никитиной. Об этой женщине ходили слухи, сплетни, легенды. Её упрекали в неразборчивости и беспринципности, восхищались щедрым вкладом в отечественную культуру. Она сумела сберечь коллекцию литературных материалов, в 1957 году – передала их государству и... вскоре получила свой архив обратно в качестве музея «Никитинские субботники» (филиала Государственного литературного музея). На субботниках у Никитиной царила домашняя атмосфера, читали и обсуждали новые произведения, научные доклады, выступали актёры, певцы, проходили музыкальные вечера, устраивались новогодние ёлки. Был ли Алексей Алексеевич вхож

в этот круг? К середине 20-х годов объединение насчитывало свыше 140 членов. В него мог вступить любой литератор, подав заявление о приёме и предложив свои произведения на обсуждение. Рукописи, принятые к изданию, не возвращались – так и складывалась коллекция.

И ещё три стихотворения Алексея Морозова хранятся среди рукописей журнала «Новый мир», одно из них носит название «Надпись на картине “Сталин в детстве”», и стоит дата – 19 февраля 1945 года.

Воевал ли наш поэт? Неизвестно, уж очень распространённые у него фамилия, имя и отчество. Его полные тезки в разных званиях были награждены и за оборону Москвы, и за оборону Ленинграда, и за победу над Японией. По крайней мере, мы знаем, что войну поэт А. А. Морозов (Ванин) пережил. Было ему в ту пору от 50 до 64 лет. Не старость – зрелость! И ещё важная деталь – судя по всему, любовь к слову поэтическому он пронёс через всю жизнь, не став знаменитым и даже заметным, думаю, он вносил свою посильную лепту в то, что мы называем сегодня «формирование культурной среды».

¹ Коён – река, недалеко от Бердского залива Новосибирской обл.

² Ванин, А. Закат/Ванин, А. Альманах «Пролетарские побеги». – 1922. – № 3 – С. 6.

³ Иванова М., краевед. Потомки Анны Константиновны и Владимира Клавдиевича Арсеньевых <http://nakhodka-lib.ru/потомки-анны/>

⁴ ГААК Фонд Р-485 оп.1 п. 7

Жена В. К. Арсеньева

ГОСТЬ НОМЕРА

Святослав Логинов

*БЕРЕТ
ПОТЕРЯННОЙ
БУТЫЛКИ*

– Осторожно, – сказал капитан, носком ботфорта отбрасывая в песок причудливую бутылку зелёного стекла. – Не разбей. Там внутри записка, а в ней наверняка важные сведения, которые не должны пропасть.

– Так взять и прочесть, что там, – предложил я.

– Нельзя. Я один, а бутылок с записками много. Это место так и называется: «Берег потерянной бутылки». Сюда выносит сотни, тысячи бутылок, брошенных в море, и в каждой записки, а в них мольбы о помощи, сведения о кораблекрушениях, сообщения о важных открытиях. Не могу же я заняться всеми сразу... Да ты не беспокойся, каждое письмо найдёт своего адресата. Главное, не торопить время.

Бутылки покачивались на волнах, лежали, полупогрузившись во влажный песок. Их опутывали водоросли, пятнали наросшие ракушки. Сложенные записки тускло просвечивали через стекло.

– Ты гляди, какая элегантная бутылка! – заметил капитан. – В ней наверняка что-то любопытное.

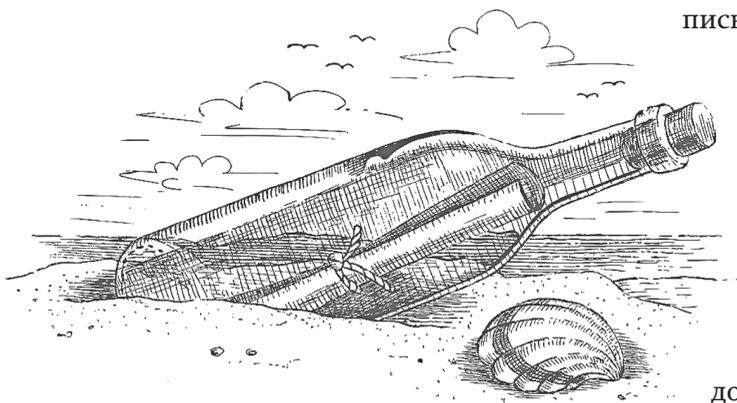
С лёгким хлопком пробка покинула горлышко. Сложенное письмо упало в подставленную ладонь.

– Это же моё собственное письмо! – воскликнул капитан, взглянув на подпись. – Я его написал, то есть напишу через три года. Должно быть, тогда произойдёт что-то необычное, раз я примусь писать столько сообщений. Никак это десятое письмо от меня, адресованное мне.

Капитан упибал непрочитанную записку в бутылочное горлышко, заткнул пробкой и, размахнувшись, зашвырнул бутылку в море.

– Что же вы не прочитали письмо? – закричал я. – Ведь можно было предотвратить неведомую беду!

– Нехорошо читать ещё не написанные письма, – наставительно произнёс капитан. – Все-му своё время: время плыть и время доплывать. Это письмо ещё не доплыло до адресата.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Светлана Шлаико

Падал итальянский снег

В Рождество случился сказочный снегопад. Все улицы и здания города укрыла пушистая снежная шуба. Вполне привычная картина для меня, сибирячки. Но я-то провожу это Рождество в Италии, в Риме!

А здесь снег – крайне редкое явление, почти чудо. Для коммунальщиков вообще стихийное бедствие, нарушающее жизнь города. На расчистку улиц пришлось вызывать военных.

Бедствие и для автомобилистов, учитывая, что весь личный транспорт в Риме ездит на летней резине.

Жителям города рекомендовали не выходить из дома без особой необходимости. Но они как раз были рады снегу, спешили играть в снежки, пока не растаял. Делали санки из полиэтиленовых пакетов и катались с холмов.

Туристы укрывались от снега зонтами и делали селфи на фоне заснеженных улиц. Выкладывали фото в Инстаграм.

По новостям передавали, что эту погоду вызвал массивный холодный фронт, пришедший из Сибири.

Выходит, я сбежала из снежной зимы, а снег меня догнал и здесь...

Я была не готова к такой погоде в Италии, не взяла тёплых вещей.

В номере отеля было холодно, и я опасалась простыть.

Я сидела, закутавшись в шерстяной плед, с чашкой горячего ароматного чая и смотрела в окно. Думала о тебе. Перебирала в памяти моменты нашей совместной жизни. Вспоминала подробности, как мы познакомились. Ту случайную встречу в «Красной стреле» по дороге в Москву.

Это было моё первое большое самостоятельное путешествие. По неопытности я не рассчитала финансы, и к концу путешествия пришлось сделать выбор между покупкой билета в купе и обедом. Я решила, что мне хватит обеда в самолёте. Но до самолёта было ещё несколько часов. Не смертельно, конечно, но неприятно.

И вдруг за несколько минут до отправления поезда в купе стремительно ворвался ты. Занял соседнее место и предложил разделить с ним его ужин.

Следующее чудо не заставило себя ждать. Я в самолёте мёрзла у иллюминатора, но тут появился ты и накинул на меня тёплый шерстяной плед...

После этого мы не расставались ни на день, пока не наступили зимние каникулы. В последний день перед каникулами ты пришёл с большой кожаной сумкой, мы провели вечер вместе, и ты сообщил, что уезжаешь в командировку...

Целых две недели я ничего не знала о тебе! Ни звонка, ни сообщения...

Потом ты снова появился в моей жизни как ни в чём не бывало.

Я сердилась, хотела получить объяснения, но ты включил музыку и пригласил меня на танец...

И снова год счастья, пока не наступил Новый год. И снова расставание на две недели...

Я возненавидела зиму и снег.

Вспомнила нашу последнюю встречу. Вечер так чудесно начинался! Ты сказал, что этот Новый год мы проведём вместе. И такой неожиданный и чудесный подарок: путевки в Италию... Я была счастлива!

До сих пор не понимаю, что я сделала не так и почему всё испортила!

Мы дурачились, радовались, как дети, читали в интернете об Италии и о новогодних традициях этой страны. Прочли о забавном обычае выкидывать старые вещи в окно... И тут мне на глаза попала твоя кожаная сумка, с которой ты каждый Новый год уходил от меня в свои загадочные командировки. И я, смеясь, выкинула её в окно...

Что могло быть ценного в этой сумке с рабочей одеждой? Почему мы так и не нашли её под окном?

И опять ты ушёл без всяких объяснений...

Забавная сцена во дворе за окном отвлекла меня от воспоминаний. Среди детей, которые играли на улице в снежки, прошёл Дед Мороз с мешком, в ярком красном тулупе до пят. Он вглядывался в адресные таблички на дверях. Дети оживились, а я задёрнула плотные шторы. Дед Мороз напомнил мне о моей несбывшейся рождественской сказке...

И тут я резко остановилась.

Дед Мороз?!

Рождество?!

Но ведь в Италии нет Деда Мороза, да и Рождество здесь прошло уже давно.

Мне это почудилось?

Вернулась к окну и отдёрнула штору, но на улице уже никого не было.

Вздохнула: так и есть – почудилось.

Раздался телефонный звонок.

Я взяла трубку и услышала голос администратора с ресепшен, говорили по-английски:

– К вам посетитель. Вы кого-то ждёте?

Машинально хочу ответить «нет», но интерес пересиливает, и я отвечаю:

– Да, пропустите, пожалуйста.

Даже если кто-то ошибся, это будет лучше, чем сидеть в одиночестве весь день.

Через некоторое время раздаётся стук в дверь.

Я бросаю быстрый взгляд на себя в зеркало и иду открывать.

Открыла дверь и замерла.

– Дед Мороз?

Самый настоящий: в расписном красном тулупе, шапке и... валенках! Даже посох прихватил! А за спиной огромный мешок! Борода седая, длинная и, похоже, настоящая.

Я с большим трудом подавила в себе детское желание дернуть за бороду, чтоб убедиться в этом.

Он выглядел так, будто вышел прямиком из русской сказки. Необычным было только то, что Дед Мороз в солнцезащитных очках.

Я на время потеряла дар речи. Вот это сюрприз!

– В-вы к кому? – произнесла, заикаясь от растерянности.

– К вам, с подарком! – басовито ответил он и протянул мне небольшую коробочку.

Аккуратно взяла, рассмотрела. Коробка как коробка, в обёртке. Подняла глаза, а Деда Мороза уже нет.

– Чудеса! – выдохнула я.

Выглянула в коридор, но там тоже пусто. Закрыла дверь и зашла в комнату, мне не терпелось развернуть подарок – он-то не исчез.

Когда разноцветная обёртка слетела на пол, моему взору предстал снежный

шар – один из популярных сувениров. Внутри заснеженная площадь с фонтаном, рождественским базаром, украшенная гирляндами и разноцветными огоньками. Один в один площадь рядом с моим отелем! У фонтана – целующаяся парочка.

Улыбнулась. Как мило!

А потом вдруг стало не по себе. Вспомнила о нашей неудавшейся совместной поездке...

Захотелось завернуть шарик обратно в упаковку и убрать подальше, но под стеклом среди мельтешащих снежинок вдруг проступила надпись: «Жду тебя в 24.00».

Удивительно. Кто может ждать меня здесь? Наверное, это ошибка, кто-то хотел сделать возлюбленной сюрприз, а тут я...

Что же делать? И загадочный Дед Мороз ушёл – не спросить.

Наверное, стоит пойти на площадь и рассказать влюблённому, что произошла ошибка, его девушка не получила подарок.

Но у меня даже нет подходящей обуви! Я промочила кроссовки на прогулке, и они ещё не высохли! Простыну и остаток каникул просижу в номере...

Но это же из-за моего легкомыслия и любопытства чьё-то свидание не состоится!

Будь что будет, но мне нужно исправить ситуацию...

Время тянется ужасно долго. Все мысли заняты только походом на площадь. Как же я найду этого мужчину в толпе, ведь я не знаю, как он выглядит? Рим в эти дни полон туристов, очень многолюдный!

Решила, что буду разбираться по ходу дела.

Оделась и вышла на улицу. Около полуночи – я уже у фонтана.

Вокруг яркие огни. Несмотря на поздний час, площадь полна людей.

Выбрала местечко в кафе, снежный шар держу на виду, чтобы меня было легко узнать.

И вот полночь.

Никого не вижу. Одиноких мужчин на площади нет. По крайней мере, мне так кажется.

Ещё раз бросаю взгляд на снежный шар и с удивлением вижу, как под стеклом появляется новая надпись!

«Я тебя вижу».

По коже пробегает мурашки. Оглядываюсь по сторонам и вдруг замечаю, что у фонтана стоит тот самый настоящий русский Дед Мороз!

Подскакиваю и со всех ног бегу

к нему. Лишь бы не ушёл! Шар-то надо вернуть!

Люди вокруг меня расступаются, но чудо-метель не прошла даром: поскальзываюсь и на секунду теряю Деда Мороза из вида.

Ана Изотова

Я мечтаю жить в бунгало!

Когда Анжелика появилась в дверях литературной студии с рукописью романа, я чуть не упала со стула! Ох уж эта мне Анжелика! Живёт прямо-таки по пословице: «Деньги к деньгам, а мужики к мужикам». Этой – всё: и деньги, и мужик упакованный, вечно встречающийся на добротной тачке. Нет, я тоже бизнесом занимаюсь! У меня своя литературная студия, платная, без этого сейчас не проживёшь. Правда, почти всё аренда съедает... Нахожу, конечно, способы как-нибудь выкружить, только с ИХ доходами моим не сравниться.

Сама Анжелика какая-то бесцветная, бывший библиотекарь, но за мужиком-красавцем! Поди, без конца и края ей изменяет... А она развлекается... Бездарные рассказы пописывает, а тут – на тебе: целый роман! Да ещё название какое придумала: «Я мечтаю жить в бунгало!» Вот сидит теперь, изображая смущение, просит мнение высказать, рукопись на прочтение студийцам дать.

Я уже много лет студией «Золотое перо» руковожу, поддержки никакой, не замужем, молодость пролетела как один день. Какое уж тут бунгало... А у этой все шансы...

И чем же она, позвольте узнать, лучше, чем я? Почему такую моль замуж взяли, а меня (в девичестве вообще была кровь с молоком) нет?

Ставлю её без конца на место. Из раза в раз делаю замечания, скажу прямо, докапываюсь. Что хорошо получится – вроде не замечаю... Советую ещё и ещё над текстом поработать. А как ляп какой встретится – обращаю на него внимание всех: «Не повторяйте грубейших ошибок!»

Другая плюнула бы и сюда дорожку забыла... А эта, вредная, цепляется за своё никчёмное творчество, как утопающий за соломинку, всё в писатели лезет...

– Но у меня к вам большая просьба, Антонина Дмитриевна, сохранить рукопись, это единственный экземпляр. Когда я закончила её и распечатала, сломался компьютер. После ремонта

Когда я снова поднимаю взгляд, на его месте стоит... стоишь ты.

С посохом и мешком подарков и счастливо улыбаешься мне.

И я всё понимаю и улыбаюсь в ответ.

ничего не сохранилось. Так что теперь, честно говоря, очень боюсь за роман: вдруг потеряется?

– Не беспокойтесь, через мои руки столько всего прошло! – заверила я, промолчав про ксерокс в соседнем кабинете.

Дома прочла роман. Доботно, интересно написан. Только сама писала или нет? Не удивлюсь, если и наняла кого, её муженёк деньги лопатой гребёт... Нет, нельзя роман пускать в обсуждение! Слишком жирно ей будет – через студию публиковать!

Раз экземпляр один, сначала я на занятии студийцев в следующую пятницу охарактеризую его в общих чертах, а потом можно будет дать остальным на прочтение. Но я всей душой против, не хочу – и баста!

Итак, пятница. Очередное собрание студии подходит к концу.

– И последнее... У нас есть новый роман... Нашей Анжелики... – провозглашаю я. – Так... А где?.. А где рукопись? Вы не видели? – старательно шарю рукой по столу.

Наконец с интонацией ужаса и трагизма выдыхаю:

– Рукопись пропала!

– Было бы чему пропадать! – равнодушно пробормотала пышнотелая, страдающая одышкой автор фэнтези Ольга Яковлевна. – Завтра найдётся! Всё когда-нибудь и где-нибудь находится. Давайте уже по домам...

– Так и знала, говорила, что потеряется!.. – воскликнула Анжела, заламывая руки. – Я работала над ней полгода, не спала ночей...

– Да уж найдётся, не сомневайтесь! Столь «гениальное» не пропадает, – процедила Эльвира Павловна, автор любовных романов. – Меня вообще-то муж дома ждёт, изголодавшийся. Я из-за ваших виршей ночевать тут не собираюсь.

Эльвира Павловна когда-то поступала на тот же филологический факультет, где училась Анжелика, но недобрала баллов. И тогда пошла по пути наи-

меньшего сопротивления – выучилась в техникуме на продавца, да так до пенсии за прилавком и простояла. Время прошло, а осадочек остался!

Тихим проникновенным голосом старожил нашей студии «деревенщица» Софья Леопольдовна стала успокаивать Анжелику:

– Милочка, не переживайте, даже если не найдётся рукопись... Я никогда вам этого не говорила, но, поверьте, то, о чём вы пишете, современному читателю, возможно, и не слишком интересно: искусство ваше бесконфликтно. Я намного старше вас и уж знаю, что писательство – дело избранных.

От этих слов Анжелика съёжилась, побледнела, на её глазах показались слёзы.

Неужели до неё наконец дошло, что она сплошным бумагомарательством занимается?

На этой прекрасной ноте я уже хотела закончить занятие, но вдруг стул подо мной закачался, и я шумно рухнула на пол.

А со стула вместе со мной упала и рукопись, на которой я всё это время сидела.

Повисла тишина. Все на секунду замерли. А потом быстро засобирались домой.

Анжелика схватила свой роман и, прижимая его, как ребёнка, к груди, покинула студию.

Результат произошедшего не заставил себя долго ждать. Не буду пересказывать всех перипетий, но, видимо, муж Анжелики вступился за свою благоверную, иначе бы на меня так

жестоко не наехала налоговая. Самое трагичное в этой истории то, что с «Золотым пером», моим детищем, делом жизни, куда я вложила столько души, пришлось навсегда расстаться. А ведь я стольким начинающим писателям дала путёвку в жизнь! Ведь в студию многие из них приходили «никакие», деревня Красный Лапоть... А потом становились членами местной писательской организации, некоторые и в Москве сегодня печатаются. И всему – полный крах! Думала, что не переживу, слягу от инсульта или инфаркта. Не случилось. Физически от природы, видимо, крепкая. А духом упала... Такое безразличие ко всему наступило: ничто уже не радует, гори всё синим пламенем...

Теперь лечусь у психотерапевта – сухопарой, коротко стриженной женщины лет сорока. Задаёт какие-то глупые вопросы: как относились к вам родители? А как они могли ко мне относиться? Хорошо! Не хуже других! Допытывается, почему замужем не была, что сдерживало? Ничего! Отсутствие достойных мужчин!

В конце беседы таким доброжелательным, проникновенным голосом спрашивает:

– Скажите, Антонина Дмитриевна, о чём вы мечтаете?

Мое терпение заканчивается, я встаю, под её слегка удивленным взглядом иду к двери, потом оборачиваюсь и выразительно произношу:

– Я мечтаю жить в бунгало!

Она ободряюще и несколько загадочно улыбается:

– О! Вы уже на верном пути...

Аржан Салбашев

Объяснительная записка

Высокий блондин в роговых очках, с сумкой-планшетом на плече, словно ошпаренный, выскочил из проходной и кинулся к подержанной «Хонде», одиноко стоящей у побеленного известью забора.

Это был Дмитрий Анатольевич Малышкин, мужчина средних лет, в самом расцвете сил, кладовщик-наборщик.

Уже сидя за рулём, нервно протирая носовым платком линзы очков, он пытался сосредоточиться, переварить обрушившуюся на его несчастную голову информацию.

Если опустить все ругательства

главного инженера, сказанные только что в его адрес, в сухом остатке были бы два слова: «Малышкин – вор!»

Шеф дал срок до завтра, чтобы он в объяснительной записке на имя гендиректора изложил причины пропажи со складов строительных материалов. Иначе ему, как материально ответственному лицу, светит уголовная статья – хищение имущества в особо крупных размерах.

Рубаха липла к спине Малышкина. Он сводил лопатки, поднимал-опускал плечи, чтобы избавиться от неприятного чувства. Ему хотелось быть волком.

«А ведь это дядя Карл сосватал мне эту должность, – нервно дёрнул он подбородком, водружая очки на нос. Перед его взором нарисовалась круглая веснушчатая физиономия в обрамлении рыжей шевелюры. – Как он уверещивал! Говорил: работа непьющая, тяжелее карандаша поднимать ничего не придётся, только бумажки с одной стопки в другую перекаладывать будешь!»

Тень сомнения мелькнула в глазах Малышкина: «Интересно, дядя участвовал в хищении?»

Некоторое время он смотрел прямо перед собой, постукивая тонкими длинными пальцами по рулю в кожаной оплётке. В его голубых глазах, увеличенных чуть ли не вдвое толстыми линзами, читалась напряжённая работа мысли.

«Да как – нет?! Поддоны с кирпичами, неподъёмные чугунные ванны и всё прочее, они что, на горбу таскали?! Не-е-т!!! Дядя Карл – на своём каре!» – восхитившись собственной сообразительностью, Малышкин хлопнул себя по лбу, отчего очки чуть не слетели.

«Но что на это скажет мама? Всё-таки дядя Карл нам родня. А дядя тоже хорош: заварил кашу за моей спиной и мне ничего не сказал. Родственничек, называется! Наверное, думал – я в долю захочу».

С другой стороны, предложи ему дядя такое, Малышкин ни за что бы не согласился! Не зря же мама всю жизнь внушала, что воровать – плохо! Взять чужое, не своё, для Малышкина значило – солгать маме, обмануть её надежды!

От гордости за себя у Малышкина на щеках проступил румянец.

«Как я раньше не догадался, что дядя Карл – вор? Откуда он взял деньги на дом? Прилетел из своей Швеции с одним чемоданом и нате вам, пожалуйста, женился, коттедж себе отгрохал! И маму уговорил продать «двушку» в хрущёвке и купить участок».

Малышкин решительно провернул ключ зажигания в замке...

Малышкин с дядей Карлом катались по полу в просторной прихожей новенького коттеджа, дрыгая ногами в поисках упора. По очереди, то дядя племянника, то племянник дядю – дядя чаще, – мутузили друг друга по спине, голове и другим частям тела, пока не входили обратно в клинч.

Фрида Боковна, супруга дяди Карла, дородная женщина, в белом фартуке

поверх цветастого халата, с каштановыми волосами, собранными в пучок на макушке, в прошлом – няня Малышкина, с громкими воплями кружила над драчунами в тщетных попытках разнять.

Вскоре на крики прибежала и мама Малышкина, рыжеволосая хрупкая женщина с причёской каре, в очках и светлом платье.

Совместив усилия, женщины не без труда растащили мужчин в разные стороны.

– Что, малыш, прозрел? – тяжело дышал дядя Карл. Сидя на полу, он прикладывал низ майки-алкоголички к разбитой в кровь нижней губе, оголив при этом круглый, как мяч, живот. – Хотел до конца жизни оставаться маменькиным сыночком и не вышло?!

Малышкин оставил его издевательские высказывания без внимания. Щурясь, он ползал на четвереньках по полу в поисках слетевших очков.

– Да что приключилось-то?! Вы же родня! Как вы могли! – тихо причитая, мама Малышкина присоединилась к сыну в поисках оптики.

– Если бы не обстоятельства... – Дядя Карл нервно дёрнул подбородком, видимо, вспомнил о тех самых «обстоятельствах», вынудивших его спешно покинуть Швецию и искать убежище в другой стране. – Я бы ни за что сюда не переехал!

Он зло сплюнул на новый линолеум, за что тут же получил подзатыльник от жены.

– Нашла! – Мать Малышкина выгудила пропажу из-под журнального столика. – Надень, мой малыш.

– Ты его ещё на горшок усади! – издевательски ухмыльнулся дядя Карл.

Поднялся на крепкие короткие ноги, подтянул до середины живота синие трусики и пошёл к кухне.

Послышался звон бутылок, шипение, бульканье.

– Ты кого, сестра, вырастила? – Вернулся дядя Карл с высоким бокалом пива в одной руке и миниатюрным беспроводным вентилятором – в другой. – Тю-тю, сю-сю, малыш, попробуй, малыш, скушай! Вырос на всём готовом, не знает до сих пор, с какой стороны к молотку подходить!

Задрал голову, дядя Карл залпом осушил бокал и направил жужжащий вентилятор себе на лицо.

– Из-за чего вы подрались, Митя?! – Мать уставилась на сына испуганными глазами.

– Проверка выявила недостачу, и за это мне грозит тюрьма. – Малыш-

кин встал, надел очки и со страдальческим видом полез в карман брюк за носовым платком.

– Эт-т-то правда?! – пошатнувшись, словно от удара, Фрида Боковна обхватила правую грудь двумя руками, позабыв, что сердце находится на другой стороне.

– Да кому он нужен – садить его в тюрьму! – Дядя Карл пощупал кончиком языка ссадину на губе. – Ишь, авторитет криминального мира нашёлся! До него воровали, никого не посадили, и после – не посадят! Так, премии лишат для острастки, дело-то житейское!

Дядя снова ушёл на кухню за пивом.

От такой наглости у Малышкина помутнело в глазах. Он нацепил протёртые очки на нос.

– Это тебя надо посадить в тюрьму за воровство! – Малышкин гневно выставил указующий перст. – Мама, знай, твой брат – вор! В объяснительной я так и напишу!

Раздался звон разбитой посуды, из кухни выскочил рыжий комок нервов. Но Фрида Боковна была начеку. Раздвинув руки и ноги в стороны, она противотанковым ежом встала на пути мужа.

– Ты слышала, сестра, как твой сосунок меня назвал?! Вор! – настала очередь дяди Карла гневно тыкать пальцем из-под могучей руки супруги в сторону племянника. – И это после того, что я для вас сделал! Да если бы я не продавал стройматериалы на сторону, вы бы до сих пор гнили в своей хрущёвке!

– Мы построили свой дом на честные деньги! Мама продала нашу квартиру...

– Придурок! Этого хватило только участок купить и цокольный этаж поднять! Да что я тебе рассказываю, ты у матери своей спроси!

Малышкин во все глаза смотрел на маму: сейчас она поставит на место своего зарвавшегося родственника!

Но та, вопреки его ожиданиям, опустив голову, нервно шарила в карманах платья. Не найдя там ничего, принялась поправлять сползающие на нос очки.

– Не смей!.. – дрогнул её голос.

– И в нашу контору я тебя устроил по просьбе твоей матери! – Дядя Карл злорадно вбивал клин отчуждения между Малышкиным и его матерью. – А уж как она слёзно просила, чтобы я не рассказывал тебе про наши дела!..

Это был плевков в душу! Хуже! Удар ножом в самое сердце!

Малышкину стало невыносимо больно смотреть в глаза матери.

«Мама, как она могла?! Всю жизнь направляла меня на путь праведный, а сама...»

Его мир рушился! Такой уютный, милый, когда всё шло своим чередом и не надо было задумываться о смысле жизни.

Обида планетарного масштаба давила. Хотелось упасть на пол. Биться руками и ногами об линолеум. Об этот проклятый дорогой линолеум, который Малышкин когда-то, уже не в этой жизни, помогал дяде Карлу стелить.

Утром Малышкин вырвал страницу из тетради, убористым почерком начал писать:

Отдел кадров
Генеральному директору
ООО УПТК «Спецмонтаж»
В. С. Несунову

Объяснительная записка

Настоящим довожу до сведения руководства, что вчера при внеплановой проверке складских помещений на предмет соответствия количества наличествующего товара с количеством оприходованного ранее инвентаризационной комиссией выявилась недостача. Факт кражи вверенных мне материальных ценностей не подтверждаю. Разница могла возникнуть при некорректном оформлении сопроводительной документации, при транспортировке грузов, при заключении сделок менеджером по продаже, отсутствии контроля со стороны руководства. Дело-то житейское!

Дата. Подпись.

Глубокий
ВДОХ.
ВЫДОХ.
Повтори
еще раз

Мариса Торошина

Ошибочное мнение

Торопясь к бабушке, Светка заскочила в полупустой трамвай.

Занятия в институте в этот день закончились поздно, и она, голодная, быстро перекусив, забрала из холодильника заранее подготовленные продукты для бабушки. Поставила их в сумку. Подняла. Оказалось, тяжело. Чтобы не тащить лишнее, свою дамскую сумку Светка оставила дома и вышла из квартиры.

В трамвае села на пустое сиденье у окна, на соседнее поставила тяжелую сумку. Огляделась.

Молодёжь сидела одиночно, уткнувшись в свои телефоны. Бабульки позади обсуждали дачные посадки.

И тут взгляд Светки упал на пассажира, сидящего на переднем одиночном месте у окна.

Сильно сторбившись, исподлобья, зло и в то же время настороженно он оглядывал всех пассажиров трамвая. Лысый, с грубыми складками на лице и маленькими юркими глазами – симпатии он точно не вызывал. Одет плохо. В изношенную робу тёмного цвета.

Напротив него, тоже на одиночном месте, сидела кудрявая женщина лет сорока. В длинной футболке, джинсах и чёрных очках. На коленях она крепко держала небольшую дамскую сумку.

Светка заметила, что женщина периодически посматривала на пассажира перед собой. И, к удивлению Светки, под воздействием взгляда этой кучерявой особы у зэка, как мысленно обозвала его Светка, пропадала злость. Он становился спокойнее. Опускал глаза и несколько минут сидел так. Но потом опять начинал сверлить пассажиров настороженным взглядом.

«Всякую шваль в трамвай пускают!» – зло подумала Светка и отвернулась к окну.

– Оплааа-чиваем за про-ее-зд, – услышала она растянутый и недовольный голос подошедшей к ней кондукторши.

– У меня проездной, – отмахнулась Светка.

– По-ка-зы-ваем, – пропела кондукторша.

Светка привычно потянулась к дамской сумке, с которой ходила постоянно. Но вместо нее ощутила холодные банки и вспыхнула.

– Эээ-х! Вот блин!

Она оставила сумку дома. А там проездной, кошелек с деньгами, телефон...

– Я проездной дома забыла! – выпали-

ла она, надеясь на милость кондукторши.

Толстая тётка с сумкой денег на животе стояла на своём.

– Оплачиваем тогда проезд!

Светка быстро пошарила рукой по карманам. И покраснела.

Денег не было.

– Кошелёк я тоже забыла.

– Выходим тогда из трамвая! – невозмутимым голосом заявила кондукторша.

– Ну, понимаете, я к бабушке еду. Она болеет. Я везу ей продукты. Вот, видите, банки с едой, – Светка указала на хозяйственную сумку. – Можно мне бесплатно проехать? Мне всего пять остановок осталось! Не идти же мне пешком с тяжёлой сумкой! – взмолилась Светка.

Но кондукторша была непреклонна.

– Меня не волнует, кому ты чё везешь! Нет денег – выходи из трамвая!

Светка почувствовала, как к глазам подступают слезы.

– Ну у меня же есть проездной! Я за него уже заплатила в начале месяца. Просто я его дома оставила. Бывает же такое!

– Ты чё, оглохла? Нет денег – пошла вон из трамвая! Пока я тебя за шиворот не выкинула!

Светка встала с сиденья, потянула за собой сумку и, чуть не плача, направилась к выходу.

Но, к ее удивлению, к кондуктору подскочил зэк.

Он молча толкнул в бок кондукторшу.

Та оглянулась и, увидев зэка, испуганно отшатнулась.

Он протянул деньги за проезд, кивая в сторону Светки.

– А, так вы вместе?! – спохватилась кондукторша и жирной ручищей сгребла мелочь. – Ну так бы сразу и сказал!

Кондукторша оторвала билет и сунула ему в руку. И пошла дальше по салону.

Светка стояла, опустив голову и чувствуя себя виноватой. Ещё пару минут назад она плохо подумала о человеке, который буквально спас её! Ей не придётся топтать пешком пять остановок с тяжелой сумкой.

Она посмотрела в глаза зэку и пробормотала:

– Спасибо вам большое!

Зэк отдал ей билет и быстро прощмыгнул на свое место.

Кучерявая женщина в чёрных очках, внимательно наблюдавшая за происходящим, улыбнулась ему.

Всю оставшуюся дорогу зэк сидел, светясь от счастья!

ГОСТЬ НОМЕРА

Ольга Такмакова ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Лиловый сон

Заголосила с переливом
в лесу лиловая корова.
На елях
вяленая слива
Росла, ликующе лилова.

Сварился
день
в костре заката.
Светилось
озера корыто.
Смеялся сыч
придурковато,
сметаной
сумерек
облитый.

Смешенье
шлягера
с сонетом
в мозгу
заклинившем
металось.
Окутанное фиолетом,
С землёю небо целовалось.

Лиловой дымкой испарилась
Ночных видений злая власть.
Мне чушь лиловая приснилась,
А утром осень началась.

Счастливыи сон

Я твоих не видел глаз,
Я твоих не слышал слов –
Ведь судьба столкнула нас
В голубом пространстве снов...

Сон счастливый досмотрю,
Не вином – тобою пьян.
На прощанье подарю
Свет ромашковых полян.

В голубом пространстве снов
Где ты, милая, сейчас?
Я твоих не слышу слов.
Я твоих не вижу глаз...

Ассоциативное

Закат краснее киновари,
как альый отсвет при пожаре.
Слог «ре» напрасно безударен –
пусть он поёт, как нота «ре».
Она шагает по жаре
и бодро жарит на гитаре,
а звук, как ливень в декабре,
плывёт, не нужен и бездарен.

Романса робкие наброски
творят лягушки, чьи подмости –
кувшинок листья, что так плоски.
На них темнеют там и тут,
поскольку населяют пруд,
пиявок серые полоски.
Пиявки вниз не упадут,
ведь у пиявок есть присоски.

При-соски... Это я – при соске,
при стирке, при пелёнках, при горшках,
с младенцем беспокойным на руках.
Он не желает спать при свете.
Я забываю о стихах.
Но верить или нет примете:
сгорает солнце в облаках –
должно быть, завтра будет ветер?

Февральская бессонница

«Февраль.
Достать чернил и плакать!»
Б. Пастернак

Голова пуста, как миска
из-под супа на столе...
Слёзы близко, очень близко,
и тягучий, как ириска,
каждый вечер в феврале.

В снежных чашах бродят йети –
Жизнь на воле нелегка...
Кто-то правильно заметил:
от любви рождаются дети,
а от разума – тоска.

Говорят, что время лечит...
Вот будильник зазвонил!
Я оплакиваю вечность,
потому что плакать легче,
чем пойти достать чернил...

***

Ненавижу погоду, как тему
Разговоров, положенных быть.
Не люблю уравнений систему –
Мне её никогда не решить.

Ненавижу углы и загадки,
И всё то, что любовью звалось...
Костяничник
    пронзительно-сладкий
Топчет в ярости раненый лось.

Кукольный театр

Люди играют в куклы.
Куклы живут на сцене
В доме, где эхом гулким –
Голоса отраженье.

Люди вполне нормальны.
Куклы для них – работа,
И, отыграв сценарий,
Людам домой охота.

Помнят они едва ли
О театральном чуде:
Здесь, в опустевшем зале,
Куклы играют в люди.

Ссорятся и хохочут,
Ставят на плитку чайник,
Ходят к друзьям... А впрочем,
Пусть остаётся тайной

Ночь, что к утру сгорает,
День, что назавтра будет.
Люди спектакль играют,
Куклы играют в люди...

Путь в никуда

«Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет».
А. Блок

Бескрайнее снежное поле.
Ни тропки кругом, ни следа.
Ты знаешь, стремление к воле
похоже на путь в никуда.

На этом пути окаянном,
что к ложной свободе ведёт,
тебе не поставят капкана.
Но, впрочем, никто и не ждёт.

Там нет ни врага и ни друга.
Постой! Далеко ль до беды!
Но поздно... Слепящая вьюга
твои замечает следы.

А ты всё шагаешь упруго
в надежде на призрачный свет,
по кругу, по кругу, по кругу –
за счастьем, которого нет...

Ева

Не выжать из камня воду.
Не выбить из глаз слезу...
Зарницы по небосводу –
иду на грозу!

Оденусь в цветы, как в платье.
Доколе Тобой болеть?!
Не радость Твои объятья –
горячая плеть!

Из райского выйду сада,
от радости закричу:
– Мне яблоч Твоих не надо!
Свободы хочу!!!

***

Мне голоса не хватало –
Кричать сквозь вороний грай.
Мне было свободы мало –
Теперь её через край!

Теперь она – неизбежность,
Как в поле полынь-трава.
Отпущенное на нежность
Растрчено на слова,

Которых не нужно. Тише!
Цветные листья сны,
Свой голос опять услышу,
Но как бы со стороны.

Ликуя, душа напишет
Летучим крылом на снегу:
«Благодарю, Всевышний, –
Я снова любить могу!»

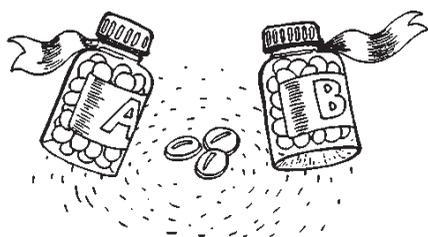

ПРОСТО ФАНТАСТИКА!

Елена Вознюк

Красная или синяя?

Глава 1

По заросшему травой полю шли два путника. На вид обоим было от двадцати до двадцати трёх лет, оба одинаково одетые: в тёмные холщовые штаны и доходящие почти до самых колен серые накидки. На спине у каждого был небольшой дорожный рюкзак.

Над головами путников нависало угрюмое, серое небо. Оба уже несколько часов напряжённо молчали, но наконец один из них, не выдержав, заговорил:

– Ох и ждут нас с тобой неприятности, Уд, когда из Гиблых земель вернёмся... Если вернёмся, конечно...

Второй путник, смекнув, что намечается разговор, остановился. В Гиблых землях во время передвижения лучше было не болтать, а внимательно смотреть под ноги, чтобы ненароком не угодить в ловушку эрэспэхи.

– Тебя, Рукожар, никто не просил вместе со мной Маносферу покидать, – резко ответил он. – Ты сам это решил. Можешь назад повернуть, если боишься. Я не обижусь. А своего друга я в беде не оставлю, так и знай.

Рукожар тяжело вздохнул.

– Не кипятись ты так! Тестис мне такой же друг, как и тебе, и я не меньше за его судьбу переживаю. Да и тебя одного мне тоже оставлять не хотелось бы. Но, если попадёмся, эрэспэхи нас с тобой не пощадят...

– Вот именно, если попадёмся. ОЖП хоть существа и опасные, но весьма примитивные и недалёкие, эволюционные ошибки, не более того. Своё стойбище они никак не огораживают. А зачем? Они ведь свято уверены, что братья их как огня боятся и никогда к ним сами не сунутся. Вот на этом и сыграем. Пропробуем туда ночью, когда ОЖП будут спать, охранниц сонными дротиками вырубим – и прими-

*Если у вас нет паранойи, это не значит, что за вами никто не следит.
128-й манускрипт братьев*

*Вернись, лесной олень,
По моему хотенью,
Умчи меня, олень,
В свою страну оленью...
836-й манускрипт братьев*

ком к жертвенному дому, он в глубине стойбища расположен, самый большой. Они там своих пленников держат.

– Всегда удивлялся, откуда ты про них так много знаешь...

– От старших братьев. Я же у них архивариусом служу. Что-то сам из древних манускриптов вычитываю, что-то мне рассказывают...

Рукожар дотронулся до руки Уда.

– Скажи, а правда, что ОЖП из братьев кровь пьют, или страшилки всё это детские?

– Правда, Рукожар. Они так сырьё для своих личинок добывают.

– Личинок?

– Это научный термин. Прицепов то есть.

Лицо Рукожара вмиг побледнело. Парень сглотнул слюну.

– А если они уже скормили Тестиса своему выводку?

– Нет, Рукожар, не паникуй. Я про это много читал. Это процесс длительный. Сначала они у нашего брата забирают биологический материал. Да, да, тот самый, который на руке остаётся. – Тут Уд внимательно посмотрел на встревоженного Рукожара. – Как они его забирают – опустим. Лучше тебе не знать, психику не травмировать. Скажу одно: для жизни это неопасно. А уже из нашего материала они личинку формируют. По времени примерно столько же, сколько вызревание детского клона в инкубаторе. Весь этот период они похищенного брата откармливают, словно зверьё домашнее, ведь им расходный материал пожирней нужен. Ну а когда личинка на свет появляется, там уже сам знаешь, что происходит. Братья редко после кровопускания выживают, а того, кто всё-таки выжил, в поле или лесу оставляют опустошённого, там уж пустожор да эрэспэхи за него берутся. Но

случается так, что в период вызревания личинки иной брат умом трогается и по собственной воле всю кровь отдаёт. Почему так происходит, никто не знает, но он уже зомбирован и навсегда для Маносферы потерян, его и горой красных таблеток не отпоишь. Такого ОЖП убивать не станут, ведь он для них что-то вроде раба добровольного, всю работу тяжёлую выполняет. Тестиса недавно похитили. Он ещё на самой первой стадии, до зомбирования ему далеко.

От всего услышанного у Рукожара в буквальном смысле подкосились ноги. Уд, увидев состояние друга, ободряюще произнес:

– Не переживай, Рукожар. Да, эти твари могут нас убить. Если, конечно, поймают. Но не более того. Видишь ли, мы с тобой для них особого интереса не представляем, поскольку оба вазэктомированные... и там... и на голову, чтобы при виде оголённой ОЖП разум не затмился. Тестиса они не утащили бы, если бы он вовремя вазэктомию себе сделал, но он всё о неприкосновенности своего тела кричал, как и многие братья. Вот они для ОЖП – отличные доноры, их и похищают.

Едва Уд успел закончить фразу, как оба путника почувствовали внезапный порыв ветра.

Уд насторожился.

– Похоже на пустожор... Ложимся! –скомандовал он.

Оба путника упали лицом в траву и затаились, как мыши. Ещё со времён школы они хорошо знали, что пустожор не редкость в Гиблых землях. На уроках географии им рассказывали, что сам пустожор подобен воронке, которая поглощает на своём пути всё, что подаёт хоть какие-то признаки жизни. Для того чтобы от него спастись, необходимо лечь на землю и замереть, притворившись мёртвым.

Путники пролежали в траве минут десять. Когда порывы ветра утихли, Уд приподнял голову.

– Пронесло, кажется...

– Может, это обычный ветер был? Ложная тревога? – спросил Рукожар, приподнявшись на локте.

– Может, и ложная... Но в Гиблых землях лучше бдительности не терять и лишний раз перестраховаться.

Они поднялись на ноги и снова продолжили путь.

– Скажи, Уд, а почему зомбированных братьев аленями называют?

– Ты лучше под ноги смотри, болтун, а то попадёшь в ловушку эрэспэхи. Алени – это животные такие, бестолковые, на Земле

когда-то давно водились. Их после Великой пандемии ОЖП поели...

Тут Уд остушился и стремительно покатился вниз. Ударившись головой обо что-то твёрдое, он потерял сознание.

В себя пришёл от истошных криков Рукожара.

– Уд! Уд! Ты живой?

Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на дне глубокой ямы. Сверху на него испуганно глядел Рукожар.

– Да здесь я! Не вопи! У меня и так голова от удара болит!

– Уд, как я рад, что ты жив! Как тебя вытаскивать будем?

– Надо палку найти длинную или сук с дерева отломить! Беги в рошу! А я пока стены осмотрю! Если это ловушка эрэспэхи, то здесь проход тайный должен быть в её логово! Из него можно наружу выбраться!

– А если там эрэспэха с выводком?

– Если бы они там были, то уже бы напали! Ты не беспокойся! У меня же кистень с собой!

– Хорошо, брат! Держись! Я быстро!

Рукожар убежал.

Оставшись один, Уд начал шарить руками по стенам ямы. Нашупав большой камень, он навалился на него. Камень сдвинулся с места, и Уд упал в образовавшийся проход. Стремительно вскочив на ноги, он понял, что находится в довольно просторном тоннеле. Где-то вдалеке брезжил свет. Держа наготове кистень, Уд осторожно двинулся туда.

В самом тоннеле никого не оказалось. Пройдя по нему, Уд уперся в каменные ступени, которые вели к выходу. Поднявшись по ним, он выбрался наружу через небольшую нору, вырытую в холме.

«Оригинальная конструкция... Вот твари хитрые... Чего только не придумают, чтобы нашего брата изловить!..»

Отряхнув одежду, Уд огляделся по сторонам, соображая, где он находится.

Вдалеке увидел Рукожара, бегущего по полю с большой палкой наперевес.

– Рукожар, я здесь! – закричал Уд, размахивая руками.

Рукожар в недоумении остановился. Уд направился в его сторону.

– Надо уходить отсюда как можно быстрее. Похоже, эрэспэха выводок на охоту повела. Если они вернуться, нам несдобровать.

Рукожара не пришлось уговаривать.

Глава 2

Весь вечер Уд с Рукожаром следили за стойбищем ОЖП, выглядывая из-за ствола большого дуба.

– Ничего понять не могу, – прошептал Уд.

– Может, это ловушка? – спросил не менее озадаченный Рукожар. – Может, они специально затаились: нашего появления ждут?

– Скорее всего, так и есть. Похоже, нам с тобой одними сонными дротиками не обойтись. Придётся мне кистень в ход пускать. А ты свой самопал бери. Прикрывать будешь меня. При таком раскладе не имеет смысла дожидаться ночи. Сейчас атакуем.

Рукожар достал из заплечного мешка самопал и начал заряжать его самодельной дробью.

Когда всё было готово, Уд скомандовал «В атаку!» и бросился к стойбищу, размахивая кистенём. Рукожар побежал следом, держа самопал наготове.

Однако, вопреки ожиданиям, никто не выскочил из домов и не бросился им наперерез.

Рукожар уже хотел было опустить оружие, как вдруг увидел, что Уд упал, и услышал его истошный крик.

От неожиданности Рукожар пальнул куда попало и бросился к Уду.

– Уд! Уд! Дружище! Что с тобой?

– Колено ударил кистенём, – простонал Уд, корчась от боли.

– Фу-у... А я уж подумал, в тебя выстрелили или метнули чем-то. Похоже, здесь и вправду никого нет. Сейчас, потерпи, я аптечку достану.

Рукожар начал было стягивать мешок с плеч, но заметил, как из-за домов к ним стремительно приближается кто-то высокий.

Ужас охватил Рукожара. Поддавшись панике, он выронил и мешок, и самопал, попятился назад. Но, запнувшись, потерял равновесие и тоже оказался на земле.

– Нет! Нет! Я ещё молод! Не забирайте мои элементы! Пожалуйста! Только не элементы! – закричал он, закрыв глаза ладонями.

– Рукожар?! Уд?!

Рукожар убрал руки от глаз и в сгущающихся сумерках различил склонившееся над ним лицо Тестиса.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Рукожар.

– То же хотел и вас спросить, – ответил Тестис и помог Рукожару с Удом подняться на ноги. – Так это вы здесь пальбу устроили?

– Мы за тобой пришли, тебя из плена вызволять! – сказал Уд, поглаживая травмированное колено.

– Из какого плена?

– ОЖП, конечно! Тебя же похитили!

– Никто меня не похищал. Я сам в отшельничество ушёл. Надоело мне

с братьями жить. Сидим в Маносфере, как узники в тюрьме, выращиваем детских клонов да страшилки друг другу о коварных ОЖП травим...

– Так ты теперь на стороне ОЖП! Дезертир! – не выдержал Рукожар.

– Да ни на чьей я стороне! ОЖП вообще нет, как и пустожора с эрэспэхами!

– Как это так – нет? – спросил озадаченный Уд.

– Так! Нет! Братьям завязывать надо с таблетками-то красными, а то штырит всех не по-детски. Вы сами-то видели кого-нибудь по дороге сюда? Лично я – нет. И здесь уже две недели в полном одиночестве живу, хоть бы одна ОЖП повстречалась! Фантазии это всё большие!

– Так чьё же тогда это стойбище? А ловушки в Гиблых землях? – спросил Уд.

– Почему я знаю! Древних братьев, наверное, тех, которые еще до Великой пандемии на Земле жили...

– А как же тогда манускрипты?

– А что манускрипты? Я же говорю – большие фантазии! Такой же упоротый брат их написал под красными таблетками! Ох и завязывать с ними надо да на синие переходить, с них хоть штырит меньше...

– Но ведь не бывает же дыма без огня, – не унимался Уд.

– Послушайте. Ну, может, и существовали на Земле когда-то монстры доисторические. Да если и так, то всё равно их уж слишком демонизировали, ведь это же бред, что старшие братья говорят... Сколько можно в Маносфере-то сидеть?

– А похищенные как же? Ведь иногда братья всё-таки пропадают! – вмешался в разговор Рукожар.

– Да сбегают они, как и я, на волю от такой жизни!

Уд с Рукожаром стояли совершенно потерянные. Повисло молчание. Первым не выдержал Уд.

– Если это и на самом деле всё так и всё это наши большие фантазии... надо поведать братьям правду... открыть им глаза...

– Они не поверят, – отмахнулся Тестис.

– Стоит хотя бы попытаться. Тем более нас уже трое...

Глава 3

Перед экраном большого монитора стояли две ОЖП, внимательно наблюдая за тремя перемещающимися точками.

– Похоже, спектакль на славу удался, да и алень наш не подкачал. Лихо он им

мозги запудрил! – сказала одна из них.

– Так что, сестра, они в Маносферу сейчас отправились, ОМП «глаза открывать»? – спросила другая.

– В неё самую.

– Так убьют же их, если они попытаются остальных из Маносферы вывести.

– Непременно убьют. Но за ними последуют любопытные, сначала один, потом другие. Уверившись окончательно, что больше никакой опасности нет, ОМП снимут защитный барьер с Маносферы и выйдут во внешний мир. И тогда пройдёт наш час! Мы уведём невазек-

томированных в рабство, а на остальных выпустим эрэспэх с пустожором. Грядёт новая эра матриархата!

– Жаль двух этих фриков. Мне они уже нравиться начали. А сколько же нам придётся жить в подземном городе до отключения их защитного барьера?

– По моим расчётам... ОМП долго думают... Но это стоит того. Не беспокойся, сестра! Алени не подведут, да и донорами мы на ближайшее время обеспечены. Благо мы научились их использовать многократно. Я понимаю, сидеть долгое время в подполье – миссия сложная, но вполне выполнимая!

Краткий словарь терминов мужского движения

ОЖП – аббревиатура, особь женского пола.

ОМП – аббревиатура, особь мужского пола.

РСП – разведёнка с прицепом (женщина в разводе, с ребёнком. – Прим. автора).

Пустожорка (от «пожрать впустую») – девушка, которая сходила с мужчиной на свидание в ресторан, нескромно поужинала за его счёт, не предоставив интимной компенсации за еду.

Алени (искаженное «олень») – это такие наивные мужчины. Они верят в благородство, в самопожертвование во имя женщины без страха и упрёка, в честь и безгрешность прекрасных женщин и уникальность своих отношений с прекрасным полом. Часто их невозможно отличить от нормальных мужчин в мужском обществе. Они стараются соответствовать вымышленному внушённому образу «Настоящего мужчины, главы семьи» и потому часто блещут доблестью, смелы и довольно успешны в современной матриархальной системе построения жизни.

Маносфера – неформальная сеть блогов, онлайн-форумов и веб-сайтов, которые посвящены вопросам, касающимся мужчин и маскулинности. Часто трактуется как мужской аналог феминизма или оппозиция к нему. Общие темы включают мужские права, права отцов и МИСП; вопросы мужского движения; самосовершенствование; антифеминизм; мужские жертвы жестокого обращения и тема пикапа. У маносферы есть свой жаргон. Веб-сайты маносферы нередко сравнивают принятие идеологии маносферы с «выбором красной таблетки», а те, кто не согласен с их философией, воспринимаются как «принявшие синюю таблетку».

Наталья Триневиц

Новые технологии

Олеся Петровна ещё с вечера почувствовала себя неважно – вялость, бледность, ломота. А утром окончательно поняла – заболела. Из носа закапало. Измерила температуру. Пока 36,9, но скоро поднимется.

Муж, позавтракав, засобирился на работу, а когда уходил, озаботился:

– Ну что, Леся, вызывай врача. До вечера.

– Да уж как-нибудь разберусь, – проворчала вслед мужу Олеся Петровна, закрыла за ним дверь и отправилась в комнату – включать компьютер. Придётся брать больничный, на работу всё равно не пустят: у входа в офис нужно подойти к тепловизору, измерить температуру. И если она выше нормы, датчик сработает.

«Ещё какой-то депутат предложение

внёс, – вспомнила Олеся Петровна, настраивая комп, – вворачивать датчики в подъездные двери. Вообще не выйти. Но это уж слишком, это, наверное, оправданно во время пандемии. То ли дело раньше, – начала ностальгировать она. – Прёшься с температурой в поликлинику, сидишь в очередях, бегаешь по этажам. Насидишься, насмотришься, бывает, и наругаешься, глядишь, полдня и пройдёт, уже вроде и полегчало. Потом почти то же самое, чтобы закрыть больничный. А сейчас – телемедицина. Из дома выходить не надо. Главное, чтобы скайп работал».

Олеся Петровна нажала на видеозвонок. Можно, конечно, вызвать на видеоконсультацию своего участкового врача – Ивана Фёдоровича. И специ-

алист хороший, и мужчина интересный... Но это ж надо волосы уложить, накраситься, в комнате прибраться, платье натянуть... И так каждый день, пока консультации идут. Болеть некогда будет. Нет, лучше вызвать робота-консультанта.

– Здравствуйте! Робот-консультант Василий вас внимательно слушает. Расскажите о своей проблеме. Что вас беспокоит?

С Василием она общалась первый раз. Раньше консультировал робот Геннадий, но его заменили – программа устарела. А какая тут программа! Всё одно и то же: ни поругаться, ни посмеяться с этими роботами-консультантами. Разве что дизайн изменили – был светлорусым, стал тёмнорусым.

– Василий, у меня, похоже, ОРЗ, – начала Олеся Петровна.

– Пожалуйста, назовите симптомы. Я сам поставлю диагноз, – без эмоциональной окраски, на одном тоне проговорил робот-консультант.

«Ого, заявки! Сам он поставит!» – возмущилась Олеся Петровна, а вслух начала перечислять: – Температура 36,9, заложенность носа, слабость...

– Пододвиньтесь поближе к экрану. Откройте рот. Покажите язык. Возьмите чистую ложку. Покажите горло, придерживая ложкой язык. Не торопитесь.

Олеся Петровна старательно исполняла то, что просил робот.

– Какие ещё жалобы?

– Да вроде всё, Василий...

Олесе Петровне уже хотелось гигиенической процедуры носа, но салфетки остались на кухне, да и сморкаться при работе она бы постеснялась – всё-таки дизайн разработчикам удался. Робот выглядел вполне симпатичным мужчиной – тёмные волосы, серо-голубые глаза. И вроде что-то в них есть... человеческое.

– Олеся Петровна, вам будет выписан электронный больничный. Названия лекарств, их цена, адреса ближайших аптек, где продаются выписанные вам лекарства, будут высланы вам по вашей электронной почте отдельным файлом и продублированы СМС и голосовым сообщением на ваш телефон. – Робот-консультант Василий сделал паузу. – Вы можете заказать лекарства через интернет. Выкупить непосредственно в аптеке или выкупить с доставкой на дом. Но лучше вам не выходить из дома, пусть это сделают ваши близкие. Завтра я, робот-консультант Василий, выйду на связь в это же время. Сейчас 9.20. Запишите, чтобы не забыть.

Если это время для вас неудобное, назовите своё.

«Какой заботливый!» – хмыкнула Олеся Петровна и произнесла:

– Да удобно, удобно. И курьера не надо. Есть кому «курьерить». Есть у меня близкий – ближе некуда, – и тут же подумала: «Муж наверняка все перепутает, забудет, потеряет, лучше самой сходить».

– Что значит «курьерить» и «ближе некуда»? Говорите правильно. Это нужно для лучшего понимания вас и вашего состояния.

– Доставку на дом не надо, – медленно, с расстановкой произнесла Олеся Петровна. – А «ближе некуда» – это далекий. Но это к болезни не относится, Василий.

– Я вас понял. Если вам станет хуже, звоните мне, роботу-консультанту Василию, или вызывайте скорую помощь по номеру 103 с домашнего телефона или с сотового, – встроенными в программу фразами, как обычно, закончил робот-консультант.

– Вызову, вызову. Спасибо, Василий, – быстро проговорила Олеся Петровна и поспешила отключиться.

Последующие три дня Олеся Петровна – уже сама как робот – выходила на связь и отчитывалась о своём состоянии. Муж заметил, что говорить она стала медленнее и спокойнее. Это с её-то холерическим темпераментом!

Насморк, как водится, через три дня прекратился, температура уползла в комфортную зону. Пора и «честь знать». И с работы звонили – не могут без неё справиться (это было приятно), и самой надоело дома сидеть.

«Вот и пришло «последнее свидание», – запуская компьютер, усмехнулась Олеся Петровна. Сегодня перед консультацией ей вдруг захотелось надеть платье и подкрасить глаза.

– Доброе утро! Как вы себя чувствуете? – Видеосвязь началась с привычных фраз робота-консультанта. Он также спокойно смотрел на Олесю Петровну серо-голубыми глазами.

– Нормально. Намного лучше. Температуры нет. Насморк на исходе... – начала отчитываться о своём самочувствии Олеся Петровна.

– Что значит «на исходе»? Говорите без идиоматических выражений. Это нужно для лучшего понимания вас и вашего состояния, – ровным тоном произнес робот-консультант.

– Я хотела сказать... – Олеся Петровна едва не ввернула словцо покрепче. – Почти прошёл. Да прошёл насморк,

Василий! – не удержалась она от восклицания и маленького обмана. – Чувствую себя хорошо.

– Ваш больничный будет закрыт застрахованным числом и отправлен в вашу страховую организацию. Будьте здоровы. До свидания.

Кирилл Толубев

Тихие будни директора Феникса

Когда Феникс Вооз устраивался директором школы, его предупреждали, что это не просто лучшая закрытая частная школа Англии, это особенная школа для особо одарённых детей. Причём ударение ставили на слово «особо». Из этой школы, мол, вышли многие выдающиеся деятели искусства и науки. И на него, на Феникса Вооза, будет возложена почётная миссия продолжать выпуск гениев для родной Британии. Ему придётся поселиться в школе и воспитывать учеников днём и ночью.

И вот сейчас он стоял у окна своего кабинета и тербил бакенбарды, печально глядя на аллею дубов, покрытых жёлтыми листьями.

Что ж, ожидания надо оправдывать.

Он вздохнул и сел за стол.

Перед ним стоял мальчик и нервно вертел в руках карандаши.

– Ну-с, Тьюринг, рассказывай, за что ты стукнул Фишера на этот раз?

– А это ваш папа или брат? – Школьник проигнорировал вопрос директора, рассматривая портрет над его головой.

– Правда похож? – ухмыльнулся Феникс.

– Правда. Только у вас нос другой и губы.

– М-да, нос у меня мелковат... А это Айзек Азимов. Так за что стукнул?

Мальчик закрыл глаза и согнул руки в локтях, изображая, будто он сидит за партой.

– Ну вот сижу я, сижу... Пишу конспект. А как раз физика идёт. А я всегда разными карандашами и ручками разные вещи записываю. Ну вы понимаете? По-другому же нельзя... Записал определение, потом надо формулу. Беру синий карандаш, а он оказывается красным! – Тьюринг открыл глаза и взмахнул руками. – Представляете! Пока я отвлекся, он поменял карандаши местами! Вы представляете?! Красный положил справа, а синий слева! А так нельзя! Это неправильно. Вот я его и стукнул... А чего

Олеся Петровна взялась за мышку, чтобы закрыть скайп, и замерла, услышав:

– Олеся Петровна, вы очень красивая женщина.

Ближайшие полгода Олеся Петровна была здоровее всех здоровых.

он хаос наводит? И вообще он... – Мальчик наморщил лоб, подбирая слово пострашнее.

– Поделом негодяю! Впредь не ползет со своими приколами! – ободрил ученика директор. – А ты уверен, что правое справа, а левое слева? Вот смотри.

Феникс встал и подошёл к стеллажу с книгами. Достал увесистый томик одного из выпускников школы – «Физиология высшей нервной деятельности», полистал его и открыл перед учеником нужный разворот.

– Смотри. Хиазма зрительных нервов и латеральное коленчатое тело. Околососочная половина глаза передаёт информацию как положено, а вот околоносовая передаёт в другую половину. Так что в затылочной зрительной зоне мозга складывается изображение. Одна половина с одного глаза, а вторая – с другого. Перекрестие зрительных полей...

Эта информация повергла юного Тьюринга в ужас. С перекошенной физиономией он впился в книгу, читая текст и водя пальцем по картинке. Потом лицо его прояснилось.

– Ну, в итоге-то мы всё равно видим всё правильно. А если закрыть один глаз, то эта система отключается и объёмность изображения доделает сам мозг.

– Верно. Но бить одноклассников безнаказанно всё равно нельзя. Иди к учителю биологии, возьми у него очки с перевёрнутыми полями зрения. Будешь носить их не снимая всю неделю и видеть мир таким, каким его на самом деле видят наши глаза.

Тьюринг удалился, а Феникс решил прогуляться по школьной дубовой аллее. Он накинул плащ и вышел на улицу.

Тёплая солнечная погода шептала: «Забудь обо всём, просто гуляй!» Но обоняние Феникса предательски учуяло запахи гари.

И он пошел... Сперва принюхива-

ясь, а потом уже отчётливо видя источник дыма.

Мальчишка увлечённо складывал костер из книжек.

Директор незаметно подошёл сзади, поднял одну из монографий. Полистал. Так и есть, из школьной библиотеки. Ч. Дарвин. «Происхождение видов...» Разорвал книгу поперёк и бросил в костёр.

– И я ненавижу эту теорию Уоллеса. С тебя 300 фунтов за порчу школьного имущества. Возьмёшь лопату у садовника и закопаешь потом остатки костра. Пусть почва насытится минеральными удобрениями, хоть какая-то польза...

Настроение гулять пропало, и Феникс поплёлся в школу. Подходя к зданию, почувствовал, что в туфле что-то мешает.

Снял её и достал бумажный шарик.

Развернул. Это оказалась записка. Текст гласил: «Басё, значит?.. Ну-ну».

– А, чёрт бы тебя побрал с твоими шутками!

Феникс выбросил записку в урну и задумался. Как этот школяр, этот нахальный Артур разнюхал, что в юности он писал стихи под псевдонимом Басё? А главное, как ухитрился подложить записку в туфлю?

Настроение совсем испортилось, и Феникс поспешил в свой кабинет.

На крыльце его встретил завуч Стюарт. Вечно печальным голосом он поведал:

– Максвелл так и не вышел из ступора. С раннего утра... Пора бы что-то делать...

Феникс нервно поморщился.

– Если помешаем ему совершить открытие, он нам не простит.

– Если с ним что-то случится, нам не простят его родители... – парировал Стюарт.

– Ладно, несите в кабинет весь рекевизит, который я заказывал, будем пробуждать его в реальность...

Директор отправился к себе. Включил компьютер и посмотрел ответ из Кавендишской лаборатории на те листочки с формулами, которые написал Максвелл, прежде чем ушёл в себя.

Феникс хорошенько запомнил формулы из ответа, выпил чаю и пошёл спасать своего задумчивого ученика.

В кабинете физики их было трое. Максвелл с остекленеными глазами, Стюарт с рекевизитом и он сам.

Феникс разделся, напялил на себя белый халат, облился томатным кетчупом, нацепил на спину бумажные крылья, подключил электрогитару к уси-

лителю и колонке, проверил звук и, кряхтя, забрался на стол перед школьником.

Ударили гитарные рифы, задребезжали стёкла в окнах, и директор запел хриплым баритоном:

– О-о-о-о-о! Я тау-мезон! О-о-о-о-о! Меня ударил бозон! О-о-о-о! И я лечу-у-у!

Он согнулся и подёргался так, чтобы крылья на спине замахали.

– О-о-о-о-о! Ты не поймаешь меня! Я корпускула и волна! Дельта фи по экспоненте и тройной интеграл из лямбда си! О-о-о-о-о! Я полетел!

Он снова согнулся и подёргался так, чтобы крылья на спине снова замахали. Потом слез со стола и начал переодеваться. Стюарт помог ему убрать красные пятна с лица и тела.

– Думаете, сработает? – спросил он директора.

– Уверен. Принесите ему обед. Скоро он очнётся. А я пойду к себе, отдохну.

Феникс вернулся в свой кабинет, открыл сейф и постучал пальцами по дверце.

– Бобби, это я! Потревожу тебя немного...

Паук-гнездовик отбежал в дальний угол сейфа.

Директор взял длинные изогнутые щипцы, приподнял папку со дна сейфа и аккуратно, чтобы не повредить паутину, достал заветную коробочку с солями лития. Открыл её, вытащил лекарство и... заметил рядом с пилюлями бумажку. Взял её и прочитал: «Ми-Ми в розовом платье? О!»

– Чёрт! Опять проделки Артура?

Проглотил таблетку и задумался.

«Хм... Артур всегда пишет от руки... красными чернилами... Здесь напечатано на принтере синим цветом... Как он вообще откопал эту информацию?»

Феникс вспомнил, как в студенческие годы он с друзьями играл в покер. Майк в пух и прах проигрался. Ему пришлось переодеться в розовое платье и ходить на концерты в Лондонскую оперу. Майк притворялся сестрой Феникса Ми-Ми. Об этой авантюре знали четверо. Все они поклялись хранить тайну. После выпуска Майк трагически погиб. Хэм вернулся к себе в Австралию, а Джобс – в США. Это было лет тридцать назад...

Директор налил чаю и утонул в воспоминаниях... Через полчаса его потревожил голос Стюарта.

– Сэр, неприятная новость. Вильям повесился. В своей комнате.

Феникс вздохнул.

– Хорошо. Я разберусь.

Он закрыл сейф и отправился в комнату Вильяма. На пороге остановился, внимательно рассматривая висящего мальчика.

– Тебе пришлось кронштейн в потолочную плиту вмонтировать... Молодец, хвалю за находчивость.

Он взял стул и сел рядом с телом на верёвке. Слегка крутанул его.

– Сынок, когда ты выпрыгнул из окна, это было круто. Когда ты вскрыл себе вены – это было пафосно. Но вчерашняя шутка сегодня уже не шутка. Я, между прочим, прочитал твою новую пьесу. Мне понравилось. И я буду рекомендовать её к постановке в нашем школьном театре. А то, что тебе на студии наговорили, забудь! Они просто не доросли до тебя!.. Да ты вообще меня слушаешь?

Феникс встал на стул.

– А вот валик из фетра ты зря под верёвку просунул... он тебе всю артерию пережал... Вон ты уже как посинел.

Директор достал из кармана пиджака ножик, подхватил мальчика под мышку и срезал верёвку. Осторожно опустил Вильяма на пол. Проверил пульс.

– Врача позвать или так оклемаешься?

Вильям прохрипел:

– Сам.

– Значит, оклемаешься... Я отправил твою пьесу на конкурс, и ты вошел в шорт-лист. Поздравляю. Попробуй больше не убиваться, а то войдёшь в роль и не выйдешь...

Феникс дождался кивка Вильяма, вернулся в свой кабинет и вызвал Артура.

Когда появился этот маленький рыжий мальчуган, директор сразу перешёл в наступление.

– Ты напугал моего паучка, и Ми-Ми в розовом платье появлялась всего три раза.

– Вашего паучка? В розовом платье? – Артур был весьма изумлён.

– Значит, не ты подбросил мне в сейф эту записку? – директор протянул мальчику бумажку.

– Хм... Отпечатано на лазерном принтере. Бумага трёхсотка, особо белая. Обычная визиточная бумага. Отрезана на резак, идеальный квадрат в три дюйма. У вас сканер подключён?

– Да. Садись. – Феникс встал и уступил место мальчишке.

Тот деловито устроился, запустил сканер и вывел текст записки на экран.

– Щас узнаем шрифт, тэ-э-кс... – Артур зашел на сайт «Файнд-шрифт». – Ну

вот. Это обычная гарнитура шрифта нимрод. Тэ-э-кс... а надпись он немного модифицировал. Щас узнаем как... Высота букв увеличена на шесть процентов, расстояние между слов увеличено на шесть процентов и толщина букв увеличена на шесть процентов. Вот такой расклад! – радостно сообщил юный сыщик.

– И что? Толку-то? Ты мне найди этого гада! И как он вообще в мой сейф залез?

– Это элементарно! Он установил где-то здесь жучок и просто подсмотрел шифр, когда вы открывали сейф. А у вас паучок прямо там живёт? А чем вы его кормите?

– У него сбалансированная диета, – мрачно ответил директор.

– Ага... А что там с Ми-Ми в розовом платье?

– Ничего. Иди ищи. – Феникс взял Артура за плечи и стянул со стула. – Найди мне его, если ты такой умный.

Вечер прошёл без происшествий. Ученики и преподаватели разошлись по своим комнатам. Хотя некоторые педагоги жили в собственных домах и квартирах, всё же большая часть обосновалась здесь, в этом старинном здании школы. Директор занимал скромные апартаменты на верхнем этаже.

В три часа ночи сработал будильник. Феникс открыл глаза и посмотрел на циферблат. Пора.

Он надел белую рубашку и белый фрак. Выпил чаю. Взял топор, который одолжил вчера у садовника, и отправился в путь. В коридоре, где начинались комнаты детей, его уже ждали. Он с удовольствием оглядел учителей в чёрных балахонах с зажжёнными свечами в руках.

– Ну, господа, половина четвёртого. Пора!

Он присел и ударил топором в дверной замок, потом медленно открыл дверь.

В комнате, в дальнем углу, прижимаясь к стене, стоял худенький белобрысый мальчик со скрипкой в руках. Казалось, что-то встревожило его. То ли директор с топором, то ли учителя со свечами.

Феникс подошёл к нему и радостно воскликнул:

– Ты даже не представляешь, Людвиг, как мы любим твою музыку! Как мы ждём эти чарующие пассажи в три часа ночи! Эта волшебная скрипка в твоих руках наполняет наши души амброзией! Каждую ночь мы собирались у твоих дверей и пла-

кали от счастья! Но так не могло продолжаться дальше! – Феникс поднял руку с топором и сделал паузу. – Вся Вселенная должна слышать тебя! Альфа Центавра и Бетельгейзе, Альдебаран и Кассиопея! Ты осчастливишь Вселенную! Стюарт, дай сюда коробку. Вот. Это электронная скрипка. Звук уйдёт со струн в наушники и в радиолокатор. Кстати, он уже установлен на крыше, подключен и настроен. Прямая трансляция в космос. Помни, Вселенная ждёт! – продекламировал он, размахивая топором.

После этого все разошлись и в полной тишине погрузились в крепкий прудуренный сон.

Утром в кабинет директора зашёл завуч Стюарт.

– Мальш Эдгар по-прежнему не выходит из своей комнаты. Психолог по-прежнему настаивает на седативных препаратах и специализированной арт-терапии.

– Да, да... я знаю... Возможно, она права... Но сначала я хочу испытать одну идею... А вдруг сработает?

– Нужен реквизит?

– Хм... Пожалуй... Принесите мне зеркало с полтора фута или около того...

Феникс выпил чаю и через полчаса отравился к восьмилетнему Эдгару, который никогда не выходил из своей комнаты. Конечно, можно было и дальше приносить ему видеозаписи уроков, задания и общаться по скайпу, но такое решение не было решением...

Перед дверью директор надел маску мыши, постучал и вошёл. Мальш Эдгар, как всегда, сидел за партой спиной к двери. Феникс принялся напевать и пританцовывать:

«Траля-ля, траля-ля. Меня никто не видит. Меня никто не видит.

Я – мышь! Я – мышь!

Все смотрят на меня, но никто не видит! Никто не видит!

Я – мышь! Я – мышь!

Все смотрят на меня и видят только маску. Только маску!

Я – мышь! Я – мышь!»

Потом он аккуратно подсунул Эдгару зеркало и дал ему рассмотреть себя в мышиной маске. Потом положил ещё одну маску перед мальчиком на стол, ещё раз пропел тоже самое и вышел.

После обеда к Фениксу пришёл Кэрролл. Стискивая в руках тетрадку, он принялся судорожно объяснять своё новое открытие.

– Я понял! Это закодированный шифр! Они с нами общаются! Понимаете? Ведь это же так просто! Я гулял в парке и меня осенило! Жёлтый лист, зеленоватый и черная земля. Всего три кода. Расписываем по осям координат. Получаем двухпозиционную систему, где каждый элемент имеет параметр: две координаты и цвет. Вводим это всё в компьютер... Ну, сначала фотографируем, а потом вводим в компьютер. Включаем дешифратор, и – опля!

– Программу-дешифратор сам написал? – недоверчиво спросил директор.

– Ага. Так вот, потом вводим ещё три параметра: расстояние от начала координат по линии, соединяющей элементы аналогичного цвета, порядковый номер и порядковый номер как элемент аналогичного цвета. Таким образом получаем пятипозиционную систему. Частотность букв алфавита напрямую сопоставляем с полученными данными, полагая, что после 42 начинается новый ряд частот.

Директор потёр виски.

– Не томи, Кэрролл. Что получилось?

– Вот! – Ученик протянул тетрадь. – Это поэма «Вечно живущая Смерть – главный вопрос жизни, вселенной и всего такого».

– М-да? Хорошо, я почитаю... А кто её написал, разбрасывая дубовые листья по земле?

– Так они же и написали! В смысле духи дубов...

– Хм. Духи дубов, значит. Оставь тетрадку, я проверю исходные параметры, и сбрось программку в мой раздел на сервере.

Феникс принялся ходить взад-вперёд по кабинету, он всегда так делал, когда хотел о чём-то серьёзно поразмышлять. Кроме того, в такие моменты он любил поговорить сам с собой.

– Итак. Давай думать рационально. Логически. Мы все поклялись, и никто не мог нарушить клятву. Кто и как мог узнать про Ми-Ми? Никто и никак... Но кто-то же узнал?

Он принялся теревить бакенбарды.

– Здесь может быть что-то очень простое... Что-то совсем на поверхности... Что мне всегда бросалось в глаза?

Он вспомнил покойного Майка. Вспомнил, как у бедолаги постоянно менялись вкусы. Он то обожал морепродукты, то был к ним совершенно равнодушен. То накидывался на шоколад и пирожные, то обходил кондитерские стороной. И вечно был в нерешительности, будто что-то забыл или спутал.

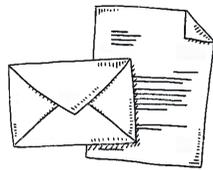

– Что же с ним было не так?..

Ничего не придумав, директор достал из шкафа коробку старых бумаг. Он хранил все свои университетские тетрадки и другие бумаги со времён окончания школы. Принялся перебирать их и нашёл конспекты лекций Майка. Он брал у него тетрадь, чтобы переписать её, но так и не вернул. И тут Феникс кое-что вспомнил. Один из его выпускников создал свою клинику и предлагал в числе прочего услуги психолога.

– Ну конечно! Мне нужен психологический портрет старины Майка! Это будет ниточка, за которой потянется всё остальное!

Сказано – сделано. Директор отдал тетрадку с лекциями на анализ и уже через день получил ответ на свой имейл:

«Уважаемый мистер Феникс...

...

Оба человека, которые писали в предоставленной вами тетради, обладают схожими психологическими характеристиками. Вот их психологические профили:

...

*С уважением, психолог
Джозеф Рэймонд Маккарти».*

– Да! Да! Да! – Директор хлопнул себя по лбу и засмеялся. – Ну конечно! Майк был двумя людьми! Это же так просто! Но зачем? Зачем он скрывал своего брата-близнеца?..

По привычке Феникс принялся ходить взад-вперёд и тереть бакенбарды.

– Ответ может быть совсем простым... Где-то прямо на поверхности... Зачем двум людям быть одним человеком? Что это даёт? Хм... Деньги?

Он ускорил шаг.

– Деньги! Двое могут учиться в университете по цене одного! Гениально, Майк!

В этот момент в дверь постучали.

– Войдите!

В кабинет вошёл рыжий мальчуган.

– А... Это ты Артур.

– И вам добрый день. А имя Уинстон вам ни о чём не говорит?

– Хм... Уинстон? Из девятого класса, да? Полноватый такой, да? Нет, совершенно не говорит. Никогда ни в чём не замешан.

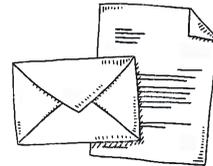
– То-то и оно! Вы проверьте по кондуиту. Он единственный НИ-

КОГДА и НИ В ЧЁМ не замешан!

– Хм... А ты вроде как умный, Артур. Вот тебе медаль из чистого шоколада, без сахара и ГМО.

– Спасибо!

Мальчишка ушел, грызя полупунтовую конфету, а Феникс сел писать послание. Он достал перьевую ручку, лиловые чернила, фирменный бланк школы. И вот что у него получилось.

«Дорогой Уинстон!

Я благодарен тебе за сообщение о том, что брат моего сокурсника Майка жив. Что касается твоего близнеца, то вы оба можете продолжить обучение в школе. Я как директор имею право от себя лично выдавать ежегодный грант на обучение. Он твой (или твоего брата).

P. S.

Ты напугал моего паучка. С тебя статья об Англо-бурской войне на национальную школьную олимпиаду по истории. Надеюсь, ты понимаешь, что нам нужно первое место.

P. P. S.

Вскрывать сейф директора – плохая примета!»

Вечером Феникс отправился в картинную галерею Лондонской академии искусств. Академия проводила выставку молодых талантливых художников. Среди прочих на вернисаже были работы прошлогоднего выпускника его школы Скотта Алле. Ради него, собственно, Феникс и приехал.

Сначала директор рассеянно побродил вдоль картин, но, когда дошёл до полотен Скотта, остановился, поражённый видом причудливых клякс. Особенно его восхитила оранжевая, на бледно-зелёном фоне. Он долго простоял рядом с ней, как бы напитываясь её эмоциями.

На выходе из галереи он встретил художника. Феникс схватил его обеими руками за ладонь и принялся трясти в экспрессивном рукопожатии.

– Я потрясён, Алле! Я просто потрясён. А эта твоя работа «Феникс, восстающий из пламени» просто чудо! Она так точно передаёт это состояние... сторающего и восстающего изо дня в день феникса. Это просто чудо!

– Я рад, что вам понравилось, – разувлыбался Алле. – Я тоже считаю эту работу самой успешной.

Сергей Матюшенко

Bella donna¹

После ссоры с женой и её ухода меня замучила бессонница. Всю ночь ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь считать баранов. На третьей сотне сбиваюсь, забываю про баранов и начинаю думать о жене. Вновь и вновь хочу понять, что я сделал не так и в чём моя вина, но не нахожу ответа.

После двухнедельной пытки бессонницей я забыл причину ссоры. Значит, это был какой-то пустяк! И чего я тогда мучаюсь? Надо хоть под утро уснуть, иначе весь день буду чувствовать себя разбитым.

Но не тут-то было. Действительность не отпускает меня в объятия Морфея, и сквозь полудрёму я слышу звуки просыпающегося города. Вот зачирикали воробьи, вот машина отъехала от подъезда – сосед отправился на работу, вот прогрохотал первый трамвай...

Полежав ещё полчаса, перевернувшись несколько раз с боку на бок, я осознаю безуспешность моих попыток уснуть, открываю глаза и смотрю на часы. Половина девятого. Суббота.

Хорошо, что не надо идти на работу. Снова буду весь день клевать носом. Конечно, лучше это делать дома. Но как справиться с бессонницей? А ведь мне ещё нет и сорока, чувствую себя вполне здоровым, нигде не болит, по врачам не хожу.

Стоп! А может, как раз и надо обратиться к врачу? К этому, как его, сомнологу.

Поискав в интернете, я нахожу нужную клинику и звоню.

Мне повезло: в субботу врач принимает до двух часов, и я записываюсь на приём.

Через час стою на проспекте Социалистическом перед зданием с зелёной вывеской, написанной в готическом стиле, – «Клиника доктора Кранке».

Поднимаюсь на крыльцо, берусь за дверную ручку и под мелодичный звон колокольчиков вхожу в фойе.

У стойки администратора меня встречает улыбкой кареглазая красавица. Она что-то говорит, а я вижу только движение её пухлых розовых губ.

Я перевожу взгляд на её изящную белую шею, опускаюсь ниже в вырез декольте, но перед моим взором вдруг всплывает лист бумаги, который она держит тонкими пальцами.

Вижу на бланке свою фамилию и возвращаюсь в реальность, запоздало понимаю смысл сказанных красавицей слов:

– Возьмите вашу карточку и пройдите в кабинет. Доктор вас ждёт.

Вхожу в кабинет. Худощавый рыжеволосый доктор молча кивает, жестом предлагая присесть, с сильным акцентом спрашивает:

– Ну, и какие праплены прифели фас ко мне, господин Бессонофф?

Я слегка смущаюсь, но беру себя в руки и говорю:

– Не сплю, доктор.

– Софсем?

– Можно сказать и так. Лягу, уткнувшись глазами в потолок и лежу до утра.

– А о чём вы думаете в этот момент?

– О баб... ну, о женщинах.

– Фы женаты?

– Да как вам сказать, формально женат, но она две недели живёт у мамы. Хочет подать на развод. Короче, мы поссорились.

– Ну, корошо, фот фы лежите так, тумаете о женщинах, и они фам сняца?

– Снятся.

– Фот! А гофорите, не спите софсем.

– Да разве двадцать-тридцать минут – это сон? И потом, я не помню ничего софсем! Тьфу ты! Извините, совсем ничего не помню! Последнее, что я чувствую, это сильный удар прямо в лицо, и я просыпаюсь с головной болью. А потом лежу до утра и больше уснуть не могу.

– Корошо, – произносит доктор.

«Чего же тут хорошего?» – думаю я, а доктор продолжает:

– Пафел Анатолиефич, сядьте удобнее, расслабьтесь, откиньтесь на спинку кресла.

Я выполняю указания доктора.

– А теперь закройте глаза, я сосчитаю до трёх, и фы заснёте.

Я ухмыляюсь. Наступает пауза. Через минуту слышу:

– Ein, zwei, drei...

Неожиданно моё сознание провалилось в пустоту. Я увидел себя на белом коне, в доспехах. Услышал шум толпы, повернул голову и увидел её.

Она сидела в окружении благородных особ. Это можно было понять

по их осанке и королевской одежде.

Сама она была в пурпурном платье с глубоким декольте, наполовину откровенно красивую грудь. Лицо её прикрывала широкополая шляпа с павлиньими перьями.

Я засмотрелся на красавицу, мечтая увидеть её лицо, и тут услышал:

– Что вы фидите, Пафел Анатолиефич?

– Красавицу.

– Что она делает?

– Опускает два пальчика за корсаж.

– Корошо, дальше.

– Достает шёлковый платок и бросает мне.

– А вы?

– Я наклоняюсь, остриём копыя подцепляю платок и перехватываю его рукой.

– Дальше.

– Я подношу платок к лицу. На нём вензель – латинская E. В нос бьёт резкий запах незнакомых духов.

– Sehr gut², – произносит доктор. – Корошо. Мне ясно: Белла Донна.

– Что вы сказали? – не понимаю я.

– Это не я сказал. Это мой итальянский коллега так гофорит: bella donna. «Красавица», значит. И если бы вы не открыли глаза, то мы бы узнали и причину фашей голофной боли. Фпрочем, я её знаю.

Я поднимаю взгляд на доктора, ожидая продолжения.

– Я знаю, что её имя начинается на букву E.

– Это не имеет значения, – перебивает меня доктор.

«Как бы не так!» – думаю я в ответ и хитро усмехаюсь.

Доктор молча встаёт, подходит к шкафу из красного дерева и достаёт из кармана бронзовый ключик. Открывает стеклянную дверцу, извлекает из шкафа круглую баночку. Подает мне баночку и поясняет:

– Это очень сильное средство. Принимайте его па одной таплетке перед сном. И через нетельку ко мне на приём.

– Спасибо, доктор. Карточку передать девушке на ресепшн?

– Не беспокойтесь, Пафел Анатолиефич, Эльза заберёт карточку.

«Так вот как зовут красавицу, из-за которой я не могу уснуть! Эльза! На вензеле была E. Но это латиница, а по-русски там будет как раз Э!» – обрадовался я.

Доктор изображает дежурную улыбку, я киваю и выхожу в фойе, на ходу соображая, с какими словами мне подъехать к Эльзе. Но девушки нигде нет.

Я беру с вешалки куртку, медленно

одеваюсь, но как ни тяну время, Эльза не появляется. Разочарованный, выхожу на крыльцо.

***

Вторую половину дня я думал только о ней.

Я надеялся увидеть её хотя бы во сне. Но взяв баночку с лекарством от доктора, прочёл: belladonna. «Стоп! Это же трава ядовитая! Он что, отравить меня хочет! Запудрил мне мозги: «Belladonna – по-итальянски «красавица». Уж где красавица, а где отравка, я и сам знаю!»

Недолго думая, я спустил содержимое баночки в унитаз. Обойдусь без психотропных препаратов.

Взяв себя в руки, я разделся, лёг в постель и стал думать об Эльзе.

Вскоре я заснул и увидел сон. Еду в белом кабриолете. Мимо мелькают знакомые здания на Соцпроспекте. И вот – желанное крыльцо. На крыльце стоит она, улыбается мне своей обворожительной улыбкой и машет шёлковым платком с вензелем E.

Остановившись перед дверью, перепрыгиваю через дверцу и бегу к ней. Вдруг Эльза меняется в лице и показывает мне рукой – оглянись!

Оборачиваюсь и вижу, как огромный чёрный внедорожник врежется в мой кабриолет, превращая его в груду искорёженного металла.

Бросаюсь к кабриолету, потом к Эльзе, но её уже нет!

Распахиваю дверь, влетаю в фойе. Открываю двери всех кабинетов подряд. Их не так много, и они пусты.

Последний кабинет доктора Кранке. Я врываюсь и вижу, как Кранке обнимает Эльзу непозволительно ниже талии, а в руке у него баночка с белладонной.

«Ах ты, гад! – думаю я. – Вот какими средствами ты добиваешься расположения красавиц!»

Я бросаюсь к ним, хватаю Эльзу за плечи, и... В нос бьёт резкий запах незнакомых духов.

В голове моей всё плывёт, и я просыпаюсь.

Холодный пот прошибает меня, тело трясётся. Ощущаю под головой мокрую подушку. Нет сил встать.

Медленно поворачиваюсь на бок, спускаю ноги с постели и поднимаюсь. Время – два часа ночи...

***

В понедельник я позвонил на работу и взял отгул в счёт отпуска.

Позвонив в клинику доктора Кранке,

я попросил записать меня на приём. Весь день доктор был занят, и меня записали только на вечер.

Время тянулось медленно, после обеда я уже бродил вокруг клиники. Зашёл в несколько магазинов, присмотрелся к шоколадкам, коробкам с конфетами, и тут мне на глаза попались цветы.

Я выбрал шикарную белую розу. Отказавшись от упаковки, просто спрятал цветок под куртку. По дороге в клинику я улыбался и нырял носом за пазуху, вдыхая розовый аромат.

В шестнадцать двадцать пять я поднялся на крыльцо и вошёл в фойе.

Там было пусто. Огляделся. Подождал минуту. Никто из персонала не появился.

Я положил благоухающую розу на стойку администратора и прошёл к кабинету доктора. Приоткрыл дверь, заглянул.

Увидев меня, доктор сказал:

– Патаждите за дферью, я занят. Фас пригласят.

Я прикрыл дверь, пошёл обратно по коридору. Тут меня ждал сюрприз. За стойкой сидела сухонькая старушка. Глаза её были полуприкрыты, а на лице застыла счастливая улыбка. Двумя руками она бережно держала мою розу.

Открыв глаза, старушка спросила:

– Это вы принесли?

– Да, – проглотив комок, хрипло ответил я.

– Огромное вам спасибо. Это так мило с вашей стороны, мне давно никто не дарил цветов.

Я глупо улыбнулся, не зная, что сказать.

Старушка промолвила:

– Доктор скоро освободится. Присьядьте пока.

Я кивнул в ответ и стал ходить по коридору взад и вперёд.

Наконец, послышался звук открываемой двери и голоса. Вскоре из-за угла показались женщина-пациент и сам доктор Кранке.

Распрошавшись с женщиной, доктор, бросив на меня вопросительный взгляд, проговорил:

– Прощу са мной.

Я последовал за ним, и, пока я прикрывал за собой дверь кабинета, он расположился в кресле за столом.

– Слушаю фас, Пафел Анатолиефич. Я ждал фас через неделю. Ф чём дело?

– У меня кончилось лекарство.

– Что?!

– Лекарство, что вы мне дали, закончилось. Я пришёл за новой дозой.

Доктор подскочил в кресле и забегал по кабинету.

– Скажите, фы действительно приняли фсе сто дражже?

– Ну да.

– Удифительно, какой сильный организм! У фас нет аллергической реакции на фитамины.

– Это были витаминны?

– А фы что думаете, я бы дал фам белладонну?

– Да вы шарлатан, доктор! – не удержался я.

– Ошибаетесь, Пафел Анатолиефич, это назыфается эффект плацебо.

– Ах вот оно что!

– И как фы спали, фам снился тот же сон?

– Нет, другой.

– Значит, фы на пути к физдоррофлению.

– И вы дадите мне ещё витаминны?

Доктор с выражением отчаяния посмотрел на меня и вполголоса промолвил:

– Geheimnisvolle russische Seele³, – а по-русски добавил. – Нет, я дам фам амброзию, напиток богоф. Принимать по чайной ложке перед сном.

– А я не заверну с неё ласты?

Доктор не стал отвечать. Открыл потайную дверь и исчез в другой комнате. Через мгновение появился с бутылкой, запечатанной сургучной печатью.

***

Придя домой, я вылил всю жидкость из бутылки в высокий стакан и прошёл в зал.

«Витаминчиками, значит, пичкаешь, доктор Кранке! Ну, ладно...»

Сев в кресло, я поднёс стакан к губам, глотнул и ощутил нежнейший аромат манго.

«Так, – подумал я. – Сок манго. Эффект плацебо, говоришь...» – и сделал глоток побольше.

И услышал шум прибрежных волн, крики чаек.

И вот я уже плыву на яхте под белоснежными парусами. Сижу в шезлонге на палубе и шуюсь от яркого солнца.

Моё плечо трогает чья-то рука, нежные шёлковые волосы касаются моей щеки. Жмурясь от яркого солнца, я вижу её в контражуре. Она стройна и прекрасна, как богиня. Я люблюсь изгибами её тела в лёгком бикини.

Хочу увидеть её лицо, но мы то скользим на яхте по волнам, взлетая вверх и вниз, смеясь от налетающих на нас морских брызг. То ныряем с борта в бирюзовые воды и плывем наперегонки. Я пытаюсь её догнать, но только вижу, как она изгибается, рассекая волны.

Наконец, я её догоняю, но тут солнце

превращается в ярко-оранжевый диск и опускается в море. Я чувствую только запах... Тот самый запах сандалового дерева с примесью мускуса.

Я понимаю: он принадлежит той, которую я страстно хочу.

Открываю глаза. Яркий солнечный свет. Надо мной склонилась моя жена Елена. Лицо её заплакано. В одной руке у неё мокрое полотенце, а в другой –

чайник, и тонкая струйка льётся мне прямо на голову.

¹Bella donna (итал.) – «красотка, красивая женщина»; белладонна – ядовитое растение семейства пасленовых.

²Sehr gut (нем.) – «очень хорошо».

³Geheimnisvolle russische Seele (нем.) – «загадочная русская душа».

Елизавета Селиванова

Плюс сайз

– Аккуратнее ставьте! Аккуратней, я вам говорю! Не мешок с картошкой несёте! – громко кричал Артём на грузчиков, согнувшихся под тяжестью большой, замотанной в плёнку картины. – Теперь помогите мне снять упаковку. Осторожно, не повредите холст! Раму не поцарапайте! Не рассчитаетесь! Паркет! Чёрт! И угораздило меня нанять таких криворуких!

Грузчики работали молча.

Комок плёнки с шуршанием упал на пол, открывая картину в тёмных тонах и толстой резной раме.

Артём сунул плёнку грузчикам, чтобы выбросили по дороге, отступил на два шага и залюбовался шедевром.

Это был портрет в полный рост. Автор не известен. Тем не менее пройти мимо Артём не смог. С холста на него смотрела почти точная его, Артёма, копия. Двойник. Только обстановка на заднем плане была другая да одежда попроще.

«Взгляд хозяина жизни, этакое Наполеона», – подумал он.

Грузчики всё ещё переминались в дверях.

– Ах да, конечно, вот ваши деньги. – Артём достал бумажник и отсчитал ровно столько, на сколько договорились.

Оставшись один, он продолжил разглядывать свою копию: высокого подтянутого голубоглазого мужчину лет тридцати, со слегка вьющимися тёмными волосами и аккуратной бородкой. Артём даже задумался, как его копия из прошлого смогла получить такую же бороду, ведь он, Артём, тратил на неё каждую неделю час в барбершопе и две тысячи рублей.

Пикнул телефон. Пришло сообщение от Насти. Нужно было идти проводить кастинг.

Вскоре он уже сидел в студии. Перед ним лежали три десятка анкет, приготовленные Настей, его помощницей. Девушки-модели, тоже приглашённые

Настей, одна за другой выходили на фотоплощадку. Артёму нужно было отобрать нескольких моделей для фотосета новой коллекции одежды.

Подошла Настя с эскизами – полная блондинка лет двадцати.

– Артём Алексеевич, посмотрите, если вот тут использовать прохладные цвета...

Артём поморщился и перебил её:

– Сам разберусь! Принеси кофе!

Настя была покладистая, тихая и скромная. То что нужно – для подай-принеси. Ну и чтобы кофе варила, конечно. А ещё звонила и напоминала о важных делах. А зачем ещё нужен личный помощник?

На секунду Артём даже задумался, неужели она тут уже два года работает? Препьющие помощницы не выдерживали и месяца.

Через три часа он отобрал восемь моделей, но всё не мог определиться с девятой. Платье, в котором ей предстояло фотографироваться, было специфического бирюзового цвета и необычного кроя. Ни на одной девушке оно не сидело как следует.

– Артём Алексеевич... – нерешительно сказала Настя. – Я, конечно, знаю, что мне далеко до модели... Но, может, это платье попробую представить я?

Девушка мяла в руках папку с портфолио и от смущения боялась поднять глаза.

Артём мысленно прикинул к её фигуре платье и поморщился. Да, цвет хорошо гармонировал бы с глазами, да и к оттенку волос подошёл бы, если бы не размер.

Артём демонстративно обвёл глазами полные бедра, пухловатые руки, живот и презрительно процедил:

– Прости, но это платье шилось для моделей, а не для толстух.

И отвернулся.

Претендентки закончились, а Артём так и не выбрал подходящую.

Раздражённый, он вернулся домой, сварил кофе и пошёл полюбоваться портретом.

В ярко вспыхнувшем электрическом свете человек на портрете как будто издевательски усмехнулся.

Рука Артёма дрогнула, и кофе пролился на новый халат от Gucci.

– Чёрт! – Он в раздражении поставил чашку на комод, достал платок и попытался оттереть пятно.

– Что, весело? – спросил он у портрета.

Двойник молчал и взирал на Артёма сверху вниз.

«Как потомственный граф на таракана», – подумалось Артёму.

– Чего уставился?! – крикнул он на свою копию. – Я тебя купил!

Он подошёл к картине и попытался закрыть глаза нарисованного мужчины рукой.

Прикоснулся к холсту.

Что-то резко дёрнуло вперёд и потянуло.

Через несколько мгновений Артём больно ударился коленями и лбом.

Открыл глаза. Огляделся. Перед ним была совершенно другая квартира. Картина исчезла. На стене в точно такой же раме висело большое зеркало.

– Где?! – в ужасе закричал Артём и подскочил к зеркалу. – Где я?! Где эта чёртова картина?!

Из зеркала на него смотрели его же растерянные глаза.

Артём в ярости начал барабанить по стеклу.

– Ты! Скотина! Верни меня обратно!

Ответа не последовало.

Артём долбанул сильнее. Зеркало с громким треском разбилось.

– Нет, нет, нет! Верни меня обратно! – уже тише, в отчаянии проговорил он и обессиленно опустился на пол.

Несколько осколков всё ещё цеплялись за раму. Остальные осыпались.

Артём обвел взглядом комнату.

Она была обставлена абсолютно безвкусно, как у самого обычного жителя спального района. Ярко-красные шторы только подчёркивали убожество интерьера.

В комнате, кроме него, никого не было. И похоже, во всей квартире тоже.

Артём бежал однокомнатную квартиру с просторными кухней и ванной комнатой, совмещённой с санузлом, и вернулся к разбитому зеркалу.

Базовый рингтон Samsung заставил его вздрогнуть. Артём рефлекторно сунул руку в карман. Телефона там не оказалось.

Телефон лежал на столе, всю голову и вибрировал.

Артём нерешительно подошёл.

На поцарапанном экране светилось: «Любимая».

Телефон всё звонил и звонил.

Наконец Артём взял трубку.

– Алло, – неуверенно сказал он.

– Тёма? Привет! – весело отозвался бойкий женский голос. – Я по поводу кастинга. Можешь завтра прийти пораньше?

– Эээ...

– Ну пожалуйста! У меня совсем нет идей.

– Ну да, могу... Наверное, – неуверенно пробормотал Артём. – Во сколько?

– Спасибо! В девять на «Париже»! Ты самый лучший! Целую!

В трубке раздались длинные гудки.

– Что это было? – спросил сам себя Артём. – На каком ещё «Париже»?

Вернулся на кухню. На столе стоял старый ноутбук.

Помедлив минуту, Артём открыл соцсети и начал просматривать профиль, друзей, подписки.

На аватарке был двойник Артёма. Да ещё и полный его тезка!

Артём поморщился, увидев глупый статус: «Настоящий мужчина, как волк: либо один, либо с одной волчицей навсегда! А бегать за овцами – это удел баранов!», и репосты несмешных шуток.

Его тезка явно не обладал хорошим вкусом и большим умом.

А вот и зацепка! В семейном положении была отмечена какая-то Анастасия Хорина. Фамилия знакомая...

Артём зашел на её страницу и с удивлением понял, что это Настя, его ассистентка. Неужели его двойник с ней встречается?! Бред какой-то. Или это не та Настя? Может, это тоже двойник?

Нашёл группу под названием «Фотостудия Espirit de Paris». Фотосессии, кастинги в журналы». Бинго!

Но в следующий момент возник вопрос: а что он с этой информацией будет делать? Не пойдёт же на самом деле на встречу?..

Артём вернулся в комнату и сел напротив разбитого зеркала. Он боялся отходить от него – вдруг случится чудо, и его вернут в привычный мир. Но ничего не происходило.

Наконец, измученный, он прилёг на широкую кровать и провалился в сон без сновидений.

Утром, глянув на телефон, Артём вспомнил о встрече «на Париже». Ему было непривычно, что телефон

молчит – не приходили уведомления о лайках в соцсетях, никто не приглашал на мероприятия, встречи, кастинги...

Огромный холодильник был пуст. Запасов еды никаких. А есть уже хотелось. И понять, что происходит, тоже хотелось. Поэтому Артём, взвесив все за и против, решил пойти на встречу.

Но идти в халате, пусть даже и от Gucci, к тому же облитом кофе, – это, конечно, достаточно экстравагантно, но не в его характере.

Артём открыл шкаф.

Серые костюмы офисной крысы навевали тоску, но больше вариантов не было.

Брезгливо раздвигая вешалки, Артём просмотрел всю одежду, выбрал костюм поновее.

Костюм пришёлся впору. Но был слишком тусклым.

Артём оглянулся в поисках чего-то яркого, но во всей квартире не было ничего привлекающего внимание. Разве что обои в синий цветочек, глядя на которые, хотелось удавиться.

Тут его взгляд упал на шторы. Недолго думая, он нашёл ножницы, отрезал квадрат красной ткани и повязал на шею – хоть какое-то яркое пятно.

– Ну, теперь и «на Париж» можно.

Лифт в доме был на удивление просторным. Артём решил, что это грузовой.

Выйдя на улицу, он остановился. Во дворе не было привычной детской площадки, вместо неё – стоянка, полная странных одноместных машин с большими салонами.

Артём хотел рассмотреть машины поближе, но времени оставалось не так много, он ещё планировал где-нибудь позавтракать. Поэтому направился в сторону студии, адрес которой нашёл в Интернете.

– С дороги, задохлик! – раздался крик позади.

Артём едва успел отскочить от проезжающего мимо в «пузатой» машине невероятно полного мужчины.

– Это тротуар, а не проезжая часть! – возмутился Артём, но мужчина уже ушел.

С испорченным настроением Артём пошёл дальше.

Живот предательски забурчал. Артём оглянулся в поисках кафе. Выбор был гигантский! По всей улице пестрели вывески «Кафе», «Ресторан», «Закусочная»...

Артём не стал долго выбирать и вернулся в ближайшую закусочную.

В нос ударил запах подгоревшего бе-

кона. Толстяки за большими столами ели жаренное во фритюре, на гриле... Всё в закусочной так провоняло жиром и специями, что Артёма затошнило.

Он выскочил и направился в другое кафе. Там было ещё душнее и пахло пережаренным мясом и кетчупом.

Артём сделал последнюю попытку и зашёл в самое не похожее на кафе быстрого питания заведение.

Перед рестораном была широкая парковка для уже знакомых машин, заполненная почти до отказа.

Внутри былолюдно. Полные и откровенно толстые люди накальвали на вилки картошку, нагетсы, стейки. Поливали еду майонезом и громко жевали.

Бойко сновали упитанные официанты. Несмотря на их круглые лица со вторыми подбородками и пухлые фигуры, двигались они очень быстро.

Артём удивился, как люди с такими фигурами могли так ловко носиться по залу с переполненными подносами. Но, начав заказывать, разглядел, что это роботы.

«Стоп! Что?! Роботы?!» – пронеслось у него в голове.

Он ещё раз посмотрел в лицо официанта. Да, это точно не человеческое лицо. И голос механический.

«Они и роботов сделали себе под стать, таких же жирных», – с отвращением подумал Артём.

Есть пришлось быстро, чтобы не опоздать на студию. К тому же Артём ловил на себе косые взгляды посетителей.

При выходе Артём на секунду задержался, засмотревшись на подъехавшую машину с толстым мужчиной за рулём. Робот-официант тут же пересадил гостя в электрокресло.

Заметив, что Артём пялится на него, мужчина громко сказал роботу, видимо, стараясь, чтобы вышло погромче:

– Убери этого глиста, чтобы он не портил мне аппетит своей тощей физиономией.

Робот подошёл к Артёму и сказал:

– Этот уважаемый господин попросил вас уйти.

– Что ты сказал? Это кто глиста?! – оскорбившийся Артём кинулся к мужчине в электрокресле, но робот просто преградил ему дорогу.

Артём развернулся и пошёл на студию. На кастинги он никогда не опаздывал. Он считал это проявлением непрофессионализма.

Артём шёл и видел вокруг вывески кафе, столовых и ресторанов. И ни одной рекламы фитнес-клуба

или спортивного магазина... Никто не бегал, не ездил на велосипеде, не катался на роликах. Этот мир был миром полных людей. Он был приспособлен для полных людей. Это был мир калорийной еды и отсутствия спорта. Худые здесь были не в тренде.

За этими мыслями Артём не заметил, как пришёл на студию.

– Тёма, привет!

Как ураган на него налетела толстушка Настя!

Настя из этого мира оказалась бойкой, энергичной, весёлой, в яркой элгантной одежде.

– Настя... привет.

Давно Артём не чувствовал себя так неуверенно. Все шаблоны в его голове сегодня порвались.

– Вау, что за красный шарфик? – удивлённо спросила Настя. – Раньше ты смеялся над мужчинами в шарфиках.

Артём растерялся и выдал первое, что пришло в голову:

– Решил сменить имидж.

Настя секунду помолчала, видимо, подбирая слова.

– Дело твоё. Ты мне и с шарфиком нравишься. – И затараторила: – Вот о чём я хотела тебя попросить...

Артём не ожидал такой резкой смены беседы.

– Раз мы расширились, я решила выпустить собственную марку дизайнерской одежды. Но в ней должна быть какая-то изюминка, которая сподвигнет людей покупать её, понимаешь? Есть идеи?

Артём задумался. Вообще это была его стихия – рожать идеи. Но здесь, в этом мире толстых людей... Здесь его гениальные идеи никому не нужны, тут совершенно другие эталоны красоты!.. Ему никогда не нравились полные люди и всегда восхищали подтянутые, спортивные, следящие за собой. Он сам по два часа в день проводил в тренажёрном зале, чтобы поддерживать рельеф мышц.

А здесь всё для толстых!

«Ну, раз вы так хотите быть толстыми, то я вам в этом помогу», – подумал Артём.

– Все хотят выглядеть полнее, так? – начал он.

– Так, – кивнула Настя, ещё не понимая, к чему он ведёт.

– Чтобы полноту было заметно, нужно делать обтягивающие, светлые вещи! Побольше блёсток! Горизонтальные полоски! Ну... чтобы выглядеть ещё полнее. Леопардовые лосины вообще должны стать изюминкой... В них

так удобно ездить в ресторанных электрокреслах.

Артём говорил и чувствовал себя словачью, понимая, что зарубает на корню Настину идею о своей линии одежды – кого привлечёт такая безвкусица?!

Настя удивлённо посмотрела на него.

– Да... Я поняла, про что ты... – Её глаза загорелись. – А ещё можно на 64-м размере написать 66, чтобы казалось, что человек ещё больше. Покупателям будет приятно, и они предпочтут нашу одежду!

Артём смотрел на воодушевлённую Настю и потрясённо молчал. Получалось, он, как всегда, попал в тренд. Но и Настя какова! Как она с ходу поймала его мысль. Так смело раскрыла идею. Ему бы такого в голову не пришло.

А ведь действительно, в мире полных людей будет пользоваться успехом то, что показывает их ещё более полными.

– Настя, ты гений! – сказал Артём и нисколько не покривил душой.

Следующие часы они воодушевлённо обсуждали новую линейку одежды, рисовали наброски, подбирали цвета и ткани. Потом продумывали рекламу и фотосессию.

– Теперь нужно написать дизайнеру и рекламщику, – сказала Настя, разбирая кучу изрисованных и исписанных листочков. – Я позвоню тебе вечером, сообщу, как успехи. Спасибо большое, ты меня выручил.

Она быстро поцеловала его в губы. Артём растерялся. Это было неожиданно.

– А, вспомнила! – Настя закрыла папку с проектом. – Я хотела попросить тебя купить вино для моего дня рождения. До субботы совсем чуть-чуть осталось.

– Конечно, а... сколько брать вина? Нам с тобой бутылки хватит?

– Ты чего, Тёма? Какой бутылки?! На столько людей!

– А сколько будет человек? – спросил Артём.

– Десять. Будут наши со студии – это пятеро и ещё трое моих друзей, ты с ними не знаком.

– И твои родители? – мысленно посчитав гостей, предположил Артём.

– Дорогой, – Настя поморщилась. – Я же говорила... Я пока не планирую тебя знакомить с родителями... Понимаешь, они традиционных устоев и хотели бы мне мужа... Ну, знаешь... Немного полнее.

Артём был раздавлен. Он сам до конца не понимал почему, но ему было очень обидно.

Артём вернулся в квартиру, потому что больше идти ему было некуда. Подошёл к разбитому зеркалу и долго смотрел в пустую раму, думая о Насте, о её словах.

Он всегда считал себя красивым. Очень красивым! Девушки мечтали находиться рядом. Любая пошла бы с ним, только моргни. И вот теперь оказывается, что он недостаточно хорош. И не только внешне. Артём помнил, как Настя подхватила и развила его идею! Лучше, чем он сам.

«Подумаешь, плюс сайз! – возразил сам себе Артём. – Легко придумывать, когда за тебя полдела сделано! Я же всё ей разложил по полочкам, идея в воздухе витала. Бери кто хочет! Настя просто оказалась рядом. А я... Я был не в форме. Меня выбил из равновесия этот мир толстяков».

Артём взял из кучи на полу один из осколков и покрутил его в руках.

«Мужа им поплотнее... Да я терпеть не могу толстых!»

И приложил осколок к зацепившимся за раму остаткам зеркала. Осколок на удивление встал на место. Следующий кусочек тоже подошёл...

Дело продвигалось медленно. Артём не любил собирать пазлы, но теперь ему больше ничего не оставалось. Он брал по осколку, подолгу крутил в руках, пытаясь собрать разбитое зеркало.

От занятия его оторвало сообщение Насти, где она расписывала итоги переговоров с дизайнерами и задавала ему вопросы. Он снова увлёкся обсуждением новой линии одежды, а через два часа просто уснул от усталости.

Следующие несколько недель прошли в обсуждениях, фотосессиях, модных показах, а после в ожидании реакции общества.

Реакция оказалось бурной. Люди были просто в восторге от полнящей одежды. Идея с плюс сайз выстрелила в яблочко.

«В жареную курочку», – прокомментировал про себя Артём.

Настю начали приглашать в разные журналы, на телевидение. Она, уверенная и сверкающая, всегда ловко отвечала на вопросы журналистов.

Артём оставался в её тени. По вечерам он медленно, но верно собирал разбитое зеркало.

В тот день Артём приболел и не пошёл в студию. Насте потребовался его совет, и она заскочила к нему домой.

– А что это у тебя? – спросила Настя, указывая на зеркало.

– Да нечаянно уронил. Теперь вот пытаюсь собрать, – улыбнулся он.

– Не проще купить новое? – Девушке явно веселило странное занятие Артёма.

– Мне это нравится. – Он пожал плечами. – Хочешь помочь?

Настя без раздумий согласилась.

Они, как маленькие дети, уселись возле зеркальных пазлов и начали подбирать оставшиеся кусочки.

Отражённый свет лампы падал на Настино лицо. Распушенные волосы были немного взлохмачены, но от этого становились ещё красивее.

Артём загляделся на неё.

– Почему не собираешь? – Настя посмотрела ему в глаза.

– Любуюсь твоими волосами, – улыбнулся он.

Она улыбнулась в ответ и подставила на место последний кусочек.

Как только зеркало сложилось, трещины тут же исчезли.

Артёма как будто резко дёрнули вперёд.

Наступила темнота. Потом он больно ударился плечом.

Артём снова был в своей квартире рядом со злосчастной картиной.

Настя осталась там, возле зеркала.

Едва Артём это осознал, как сразу же вскочил. Он лихорадочно начал шарить руками по холсту, пытаясь вернуться.

– Ну же! Ну! Работай, тупая картина! Я хочу назад! – кричал он, но ничего не помогало.

Артём в отчаянии закрыл лицо руками. А когда открыл, увидел, что на картине не его двойник. Теперь там был изображён блондин с гладко выбритым подбородком. И с таким же надменным взглядом, но теперь уже зелёных глаз.

Базовый рингтон Samsung отвлек его от картины. Телефон последней модели лежал на комодe рядом с чашкой всё ещё горячего кофе.

Артём взял трубку. Чужой голос пригласил его на презентацию новой линейки одежды плюс сайз. Артём согласился. Пообещали прислать приглаственный.

Закончив разговор, он задумчиво покрутил телефон в руках, а потом решительно набрал номер.

– Алло? – ответила Настя.

– Настя... Привет! – Артём помолчал немного. – Прости, что обидел. Я подумал над твоим предложением и согласен. Бирюзовое платье будешь представлять ты. Приходи завтра на студию, обсудим. А ещё... Что ты делаешь сегодня вечером?

Владимир Лушков СТИХИ

Сцена

Перед нею я – словно ребёнок,
Материнской любовью согрет.
Сбросив цепкие путы пелёнок,
Сделал первый свой шаг
в белый свет.

Перед ней я студент-неудачник,
Не способный умом осознать,
Истерзав свой заумный задачник,
Что экзамен вовеки не сдать.

А она!.. Нераскрытая тайна,
Вводит в трепет, влечёт, как магнит,
Надсмеется при встрече случайной,
Ослепит, очарует, пленит...

Но мудра! Не осудит за робость,
Одарит за старанья сполна,
Каждый шаг к ней,
как первый,
как в пропасть,
Как желанье хмельного вина...

Справедлива, не терпит корысти.
И капризна – не вдруг угодишь!
Откровением душу очистит,
Даст надежду в борьбе за престиж.

Счастлив с ней проводить каждый вечер,
Откровений и чувств не тая.
И сейчас я спешу к ней на встречу!
Ненаглядная сцена моя!

Одуванчики

Два одуванчика пробились сквозь бетон
Под старою, как век, стеною зданья,
Два юных солнышка сияли солнцу в тон
В гармонии единой мирозданья,
Через туман апрельского дождя,
Обласканные взорами людскими.
И добрый Бог, как малое дитя,
Был рад весне и солнцу вместе с ними.

Цветы не долго радовали взор,
Их с корнем вырвали: иначе рухнет зданье,
В укор Творцу, Создателю в укор,
Гармонию нарушив мирозданья.
И снова одуванчики взошли.
Спаси их, Боже, от людского взора,
Спаси детей Своих и матушки-Земли,
Избавь людские души от позора.

Цветной сон

Быть может, было так,
А может, мне приснилось.
Под грохот грозовой
Сиреневых ветров
Упала вдруг звезда,
У ног моих разбилась
На миллионный рой
Гвоздик и васильков.

В ладони мне легла
Горячая планета,
Нарядная, как осень,
Колючая от гроз.
И ты на ней была,
Горячая, как лето,
Как яблонька среди сосен,
В цветах и каплях рос.

Ты птицею плыла,
Едва воды касалась,
Неся с собой рассвет
С пожаром в два крыла.
Ты солнцем снизошла
И в волнах расплескалась,
На сотни долгих лет
Огонь любви зажгла.

Ты пролилась дождём
В пустыне желтолицей –
Румянец заиграл
Тюльпановой зарёй.
И пёстрым полотном
Ромашкового ситца
Укрыла серость скал
И знойный непокой.

Я бережно держал
Горячую планету,
Прекрасную, как осень,
И влажную от слёз.
И голос мой дрожал,
А ветер пел фальцетом
Под скрип столетних сосен
Романсы вешних гроз.

***

Мне всю жизнь не хватало деревни,
Светлой горенки с мудрым сверчком,
С чудотворной иконкою древней,
С самовязанным половичком.
Где бы мог от сует отключиться,
От пустых и громоздких проблем,
В песню русскую снова влюбиться,
Что, волнуя, витает над всем.

Самым близким и памятным самым,
В тёмном зеркале тёплых ночей,
Звёздным лучиком колет упрямым,
Отражается в бликах свечей.
Босиком, где пройтись по подворью
Мог бы с другом, с улыбочивым псом,
Потягаться с сердечною хворью,
В баньке с веничком, где невесом.

Окрылённый, не чувствуя плоти,
Деревенский вкушая покой,
Воспарил бы в свободном полёте
С неуёмною птицей-душой.
Не хватало мне рос и покосов,
И пьянящих, душистых стогов,
И дыхания дремлющих плёсов
За коврами прибрежных лугов.

Рукодельницы бабушки с прялкой
И всезнающего простака,
Деда, вечно больного рыбалкой,
Журавлей в заревых облаках.
Не хватало мне неба без смога.
Только слышал: не знаешь, не жил.
И дождя не молил ты у Бога,
Слёз и пота над хлебом не лил.

И чего молока стоит кринка,
Дня, с предутренних звёзд до ночных,
Ты не ведал. Деревня, глубинка,
Без твоих ароматов печных
Плохо спится и плохо поётся,
Не хватает твоих петухов,
Добрых лиц, деревенского солнца,
Деревенских, до боли, стихов.

Осень

День за днём, по графарету,
Так неделя, месяц, год.
Были март и радость лета,
А сегодня снег идёт.

А до снега – что за сила?
Золотистая заря
Проплыла и опьянила
Многоцветьем сентября.

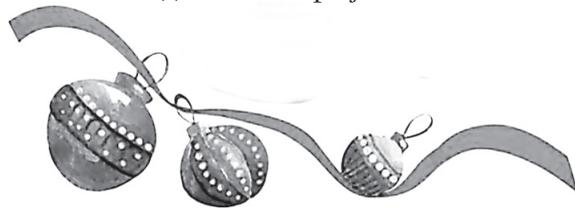
В сердце лёгкое волнение
И торжественный минор,
О прошедшем сожаленья,
Свежей мысли вперекор.

***

Любишь
дальнюю сторонку,
Затерявшихся друзей,
Одинокую девчонку,
Что могла бы стать твоей.

Любишь бережно, духовно,
На подъёме крыл души.
Высоко дыханье, ровно.
Люди, как вы хороши!

С вами я, один из сотен,
Как и вы, впадаю в грусть,
И страдаю «на излёте»,
И содеянным горжусь.

Посвящение

С нетерпением мечтаю о встрече,
А увидев, теряю дар речи,
В муках страстных дрожу и робею,
Обожаю, признаться не смею.

Улыбнуться – пустая попытка.
Каждый шаг – непосильная пытка,
Душит галстук, очки не на месте,
И неловкость в словах,
в каждом жесте.

И мешают ненужные руки,
И сползают предательски брюки,
В горле сухость, от страха сгораю.
А расставшись, с тоски умираю.

А она – блеск очей, совершенство,
В море страсти дыханья блаженство,
Зажигает улыбкой, дурманит,
Неразгаданным таинством манит.

За неловкость подшутит,
поддразнит...
Близость с нею –
волнующий праздник,
Взлёт души...
Встречи жду с незабвенной,
Моей милой,
таинственной СЦЕНОЙ!

Кристиан Бэд

Чего ты хочешь, женщина?

1

Алевтина проснулась резко и сразу, будто кто-то плеснул ей в лицо водой.

В комнате было темно – рук не разглядеть, лишь окно светилось бледным сероватым квадратом.

«А ведь реклама супермаркета обычно всю ночь мигает. Может, авария? Свет вырубил?»

Она потянулась сесть, но одеяло соскользнуло вдруг, а простыни...

Алевтина погладила, смяла: это же шёлк?.. Шёлк?!

У неё никогда не было шёлковых простыней. И пушистого ковра, в котором ноги утонули вдруг по щиколотку. Да и спала она на диване!..

«Мама, мамочка, где я?» – подумала Алевтина и закричала шёпотом:

– Мама!

Она просто не нашла в себе сил закричать громче.

И тут же в нос ударил резкий мужской запах. Кто-то приблизился к ней! Она услышала его шумное дыхание!..

У неё дома никогда не было посторонних! Нет! Никого! Ни за что!

Ей тридцать два, она принципиально не выносит этих волосатых, противных, отвратительных!..

– А-а! – сипло и жалобно закричала Алевтина. – А-а!

Кто-то горячий, воняющий непередаваемо мужским, повалил её на кровать, насел сверху, обхватил руками и бёдрами, горячо зашептал в ухо:

– Тите, тите, ма кара миа! Апанте.

Говорил он так, словно набил полный рот горячей овсянки. Но вдруг голос его стал мягче и акцент пропал:

– Тише. Успокойся!

Иностранец? Сумасшедший? Откуда он здесь?! Вот ужас-то какой!

Алевтина упёрлась ладонями в голые плечи мужчины, изо всех сил пытаясь его оттолкнуть! Руки её тряслись. Он был дико волосат! Как собака! Как домовый! Может, это сон? Кошмар?

– Ма-ма! Васи-лий Степа-аныч!

Василием Степановичем звали несносного соседа-пенсионера, что жил за стенкой и вечно пытался втереться в доверие: попроситься в гости на чай, заманить к себе – и вообще отравлял спокойную дамскую жизнь Алевтины. Но когда на тебя ночью нападают волосатые иностранцы, позовёшь и соседа!

– Василевс, кара миа. Ва-си-левс. Даверманте... То есть... Ты ушш сам, – забормотал мужик, снова давясь кашей. Потом проглотил.

– Не кричи. Меня зовут Василевс. Запомнила? Ва-си-левс.

Алевтине показалось, что с ней говорили двое, и второй голос она раньше уже где-то слышала. Это её чуть-чуть успокоило. Такое смутное узнавание обычно бывает во сне. Может, сон?..

– Я сплю? – спросила Алевтина дрожащим голосом, слабая в капкане горячего тела Василевса.

– Спишь, спишь, – подтвердил Василевс.

– Это кошмар, д-да? – Голос Алевтины становился всё тоньше.

– Ещё какой! – Он совсем перестал запинаться.

– А когда закончится этот кошмар?

Последнюю фразу Алевтина выдавила с трудом. Кожа её стала липкой и горячей, как чула-чупс в ладошке ребёнка. Она вся вспотела, растаяла в его руках. Устала бороться. Лишь отворачивала лицо, чтобы он на неё не дышал.

Верно, и вправду сон? Какой противный...

– Когда проснёшься, тогда всё и кончится. – Василевс отпустил Алевтину и сел рядом.

Только тут она сообразила, что лежал он на ней так откровенно, что вполне мог бы и посягнуть на самое святое.

Но почему-то не посягнул.

Алевтина откатилась от Василевса, одёрнула тонкую шелковистую сорочку. Вздохнула со всхлипом: «Сон?..» Послушала, как сердце колотится почему-то внизу живота.

Спросила:

– А сейчас что, опять надо заснуть?

– А сейчас придётся вставать ни свет ни заря, – сказал Василевс бодро. – Я прикажу, чтобы несли фалаксе.

– Что? – выдавила она, растерявшись.

Что ещё за фалаксе?

– Напиток на завтрак по-твоему, – пояснил Василевс.

– А по-моему ты откуда знаешь? – испугалась Алевтина.

– Так ведь сон, – сказал он успокаивающе.

– Ну хорошо, – согласилась Алевтина. Она нашарила одеяло и стала исподтишка тянуть его на себя, планируя вернуться. – Неси своё... Э-э...

– Фалаксе. Запоминай. Тебе нужно учить язык.

– Зачем?

Одеяло подползать не хотело, скорее всего, на нём сидел Василевс. Может, стянуть простынь?

– Потому что я так хочу. – Судя по голосу, Василевс хмурился. – Ты должна выучить язык, чтобы жить здесь! Парэ-тэ, кара миа!

– Но я не хочу! – возмутилась Алевтина. – Я проснуться хочу! – Она с силой дёрнула одеяло.

Василевс только хмыкнул, не оценив её усилия.

– Нельзя говорить мне «не хочу», – сказал он серьёзно и вдруг схватил её поперёк туловища.

Алевтина не успела испугаться, как оказалась лежащей на его коленях, а на её едва прикрытую сорочкой попу обрушилась его тяжёлая ладонь.

Сначала она взвела от возмущения. Потом – от боли. Потом стало так больно, что всё её нутро превратилось в один незатихающий визг.

Василевс к визгу остался глух и не отпускал Алевтину, пока не шлёпнул её как следует раз двадцать. И только потом спихнул с колен на кровать: давиться слезами и повизгивать.

– Стерете! – сказал он. – Касия, оче.

Помолчал и добавил:

– Я – Василевс, ты – моя королева. И делать будешь то, что хочу я. Ты должна меня слушаться, так принято в нашем мире.

– Аа-а!.. – только и смогла выдавить зарёванная «королева».

От слёз у неё сразу потекло из носа. Да и рука у Василевса оказалась необыкновенно тяжёлой: ниже спины всё огнём горело и даже подёргивалось.

«Ну ничего, – думала она. – Сейчас вот проснусь, я тебе, гаду...»

Что она сделает приснившемуся мужику, Алевтина придумать не смогла, потому что не успела: Василевс встал, хлопнул в ладоши...

Стены тускло засветились, потом сильнее, и Алевтина, всхлипывая и вытираясь подушкой, устала на то, что в первый миг после пробуждения посчитала своей комнатой.

Окна не было – пятно на стене оказалось обманом. Из мебели – только огромная кровать. На рыжеватых обоях виднелись выпуклые, словно бы медные, рисуночки в виде непонятных фигурок и знаков. Ковёр... А разве бывает такой пушистый? И простыни – чудо. Бледно-лиловые, искрящиеся. Домой бы такие.

А вот Василевс разочаровал – кривоногий, кряжистый, волосатый. Растянутые треники, майка-алкоголичка... Из шестидесятых вылез, что ли? Чёрные патлы торчком, глазищи... Глазищи зелёные. Ну хоть так.

Алевтина икнула.

– Вставай, моя королева, – торжественно провозгласил кривоногий Василевс. – Мои механические слуги омоют твоё прекрасное тело и подберут достойную одежду.

Услышав про слуг, Алевтина подгрёбла ещё и одеяло. Но слуги оказались со-

всем не страшными. В стене образовалась дверь, и в неё, пища, повалили маленькие роботы.

Одни летели по воздуху, но не быстро: больше зависали, трепеща крылышками. Другие ползли по полу или даже шагали на длинных, как у цапли, лапках. Они казались мирными, забавными, смешными.

Алевтина вытаращила глаза, а хитрый Василевс, воспользовавшись её замешательством, сбежал в неизвестном направлении.

Два часа Алевтина швыряла в роботов подушки из легчайшего пуха, била их одеялом, топтала ногами. Пыталась разобрать на части, раздавить и даже заплевать им глазные экранчики.

Роботы терпели, мягко жужжали укоризненные слова на непривычном, «здешнем» языке. Видимо, намекали, что пора вставать и одеваться.

Наконец Алевтина успокоилась, взяла себя в руки, крепко обхватив за локти, села бочком на кровать и попробовала оценить свой сон объективно.

Проснуться она не смогла, что только ни делала – щипала себя, била голенью о ребро кровати (очень больно). Сон продолжался, и надо было в нём как-то жить.

Она решительно встала и пошла за роботами. Как выяснилось – в ванную.

Ванная комната выглядела настолько по-королевски, что Алевтина почти смирилась с временным продолжением сна. Округлая прозрачная ёмкость вроде джакузи, стены-аквариум с живыми яркими рыбками, огромные мячайшие полотенца, десятки пенных шариков, пузырьков, баночек и коробочек, которые так и просили узнать: а что у них внутри?

Роботы спешно наполнили ванну водой, взбили пушистую пену. Летучие роботы-«пчелы» добавляли в воду ингредиенты прямо из хоботков!

Она сняла сорочку и погрузилась в переливающуюся ароматную пену. Боялась, что будет щипать в местах, пострадавших от лап Василевса, но кожу защекотало так нежно, как бывает только во сне.

Это была великолепнейшая в её жизни ванна!

Алевтина расслабилась, к ней вернулось любопытство. Она рассматривала здешние аналоги мыла, пенок, шампуней, скрабов, гоммажей и ещё бог знает чего, нюхала их, лила в воду, намазывала на себя. Из иных коробочек мыло выпрыгивало уже готовыми вспененными шариками, в другие

легонечко засасывало пальцы, третьи раскрывались в её руках, как цветочные бутоны...

Полностью отрешиться от текущих забот ей, правда, не удалось. Мысль о бегстве из этого странного мира не покидала Алевтину ни на миг. Даже вытираясь, она параллельно пинала стены, пытаясь добраться до рыбок, царапала ногтем прозрачную, светящуюся изнутри раковину, искала дырку, откуда текла вода. Вода текла – а дырки не было!

Роботы не возражали. Они приводили в порядок всё, что она старалась испортить или сломать, и всячески пытались угодить хозяйке: суетились вокруг, предугадывали желания.

Фен? Пожалуйста: сухой тёплый воздух заструился сразу со всех сторон. Щётку для волос? Летучие роботы-щётки тут как тут. Аппетит проснулся? На гладком полу загорелась тропинка, на плечи лёг роскошный халат, а «пчелы» – даже поясок завязали.

Алевтина думала, что пол будет прохладным, но тропинка света чуть приподняла её, и она пошагала над полом, ощущая ступнями тепло, как от нагретых солнцем свежевывмытых досок на даче у тётки.

Она вошла в светлую комнату с круглым столом и стульями и... коридор исчез! Вокруг была тропическая зелень! Дикий неухоженный лес!

Здесь вели беспечную жизнь птицы и насекомые, росли пальмолианы, баобабобананы и что-то ещё, совсем странное, пёстрое и зевающее белыми цветками.

Алевтина попробовала потрогать зелёный лист и ощутила под пальцами изогнутую поверхность. Закрыто! Вокруг – прозрачный купол. В лес не сбегать.

Она огляделась: похоже, её привели на кухню. Уютный столик, два кресла и шарообразный кухонный агрегат – помесь плиты и холодильника.

Пока она озиралась, роботы подали на стол что-то горячее в искрящемся бокале. Алевтина села, пригубила: горячее мороженое! Сливочное, сладковатое.

– Фалаксе! – пискнула летучая «пчела».

– Фалаксе. – Другая «пчела» принесла блюдце и нацедила в него из хоботка рисунок «зевающего» цветка.

– Фалаксе, – согласилась Алевтина и поёрзала, вспомнив утренний кошмар.

Вдруг тропинка засветилась, показался на миг круглый зев коридора, и в кухню ввалился разодетый в парчу и бархат Василевс.

В парче он стал вроде бы даже и ничего, не такой кривоногий. Но Алевтина сразу же перестала различать вкус еды, и всё очарование необычного завтрака пропало.

– Моя королева! – взревел Василевс и плюхнулся рядом.

«Пчела» тут же нацедила ему в бокал это самое фалаксе.

– Ты умница, моя королева. – Василевс расплылся в улыбке. – Ты выучила первое слово!

Он отхлебнул и, не замечая, что ввёл свою «королеву» в ступор, продолжал витийствовать:

– Запомни теперь, что летучий робот называется дамаску. Надеюсь, у тебя хорошая память и мне не придётся заказывать плётку?

Алевтина подавилась тем, что было у неё во рту, и закашлялась.

Василевс тут же привстал, перехватил у робота-«пчелы» платок и с поклоном подал ей.

Алевтина взяла. А что было делать?

Вот это она вляпалась! Вот это сновиденьице! Расплата сразу за все годы незамужней вольности! А она уже думала, что этот тролль Василевс пропал или его поменяют на другого!

Но Василевс пропадать не собирался. Он взялся за завтрак основательно, словно внутри у него был не один желудок, а по меньшей мере четыре.

Роботы подавали всё новые и новые блюда, и Алевтине стало не до переживаний.

– Бетластэ, орот, буэг... – комментировал он, чавкая.

Роботы пискляво повторяли.

Алевтина честно пыталась запомнить незнакомые слова, но их было так много, что она быстро запуталась и стала впадать в истерику.

Василевс кивком отметил её старания.

– Выучишь это, это и это. – Он ткнул указательным пальцем.

На фалангах пальцев у него тоже были чёрные жёсткие волоски.

Алевтина быстро закивала. Раз уж этот сон – кошмарный, надо соглашаться.

Василевс вытер губы салфеткой, галантно подал ей руку, не заметив, что Алевтина не съела вообще ничего.

Она замялась, вспомнила шлепки и «ты должна меня слушаться»... И робко сунула узенькую ладонь в горячую волосатую клешню.

Сердце сразу зашлось, ноги подкосились...

Василевс тянул Алевтину, а она в панике цеплялась второй рукой за стол, пытаясь вспомнить, что за слова ей нужно было выучить.

– Ты... Вы... не мог бы повторить? – пролепетала она. – Слова... Я...

– Говори мне «ты»! Но... позже, кара миа! Позже! Всё, что нужно, роботы напомним тебе вечером. Я верю, что ты справишься и не вызовешь завтрашним утром моего гнева!

Завтрашним утром? Алевтина покачнулась и едва не упала.

Василевс подхватил её, потащил по солнечной дорожке коридорчика, впихнул в гардеробную, где ряды платьев размножились в зеркальных стенах.

– Нам нужно торопиться, кара миа. У меня – официальная встреча перед спектаклем, а на спектакль я без королевы идти не могу. Одевайся быстрее!

Алевтина взглянула на роскошно наряженных манекенов и растерялась: она никогда не носила таких дорогих платьев и не знала даже, как подступить к ним.

Роботы, однако, и тут оказались на высоте. Через пять минут платье было подобрано и надето, а «пчёл» уже колдовали над причёской и накладывали макияж.

Алевтина стояла в кольце зеркал, где она отражалась невероятно прекрасной. Голова её кружилась от запахов и нежных прикосновений маленьких «пчёл». В эти недолгие минуты она и в самом деле ощущала себя королевой.

Вот только... ноги её так и остались босыми – обуви здесь королевам не предлагали.

***

– Это невероятно! Рыжие волосы! Зелёные глаза!

– Где ты взял это сокровище?

Василевс кривил губы в улыбке, кивал знакомым, взбираясь по амфитеатру к зарезервированному месту в верхней трети, где восседали лишь самые знатные или богатые. Теперь он имел право там сесть. У него была своя оче, и какая!

Он уселся, указав Алевтине место у своих ног, и она покорно опустилась на расшитую подушечку, хлопая глазами и озираясь. Рот её как приоткрылся, когда робокар опустил их на Арену диспориума, так и изображал удивлённую букву «о».

Здесь и вправду было на что посмотреть: нежнейшие полосы ткани из миллионов летающих роботов, словно бы спускающиеся прямо с неба, парящие фонтанчики, прозрачный бассейн для лив вместо нижних рядов амфитеатра.

Да и сами девы-русалки были пре-

красны. Раньше Василевс не мог оторвать от них глаз и дико завидовал тем, у кого есть своя оче. Особенно лива.

Василевс мечтал, что у него тоже будет дева-русалка, хвостатая, нежная, с влажной кожей. Про то, что можно завести такую, как Алевтина, он и подумать не смел. Это было невозможно, и тем не менее – свершилось!

Все, мимо кого он вёл её, привставали, разглядывая, тянули руки, боясь дотронуться, морщили лбы, пытаясь разгадать подвох. Настал день его триумфа. Только у него была такая оче!

Минострал, увидев его с Алевтиной, тоже не сдержал гримасы удивления.

Он встал со своего места, что находилось, разумеется, на самом верхнем ряду, спустился, подошёл.

Василевс вежливо поднялся ему навстречу. Они коснулись указательными пальцами, но смотрел Минострал только на Алевтину.

– Но как? – вырвалось у него.

Василевс расцвёл в улыбке. Высокий чиновник сделал рукой приглашающий жест и направился на своё место. Он звал сесть рядом с собой! Какой успех!

Василевс поднял Алевтину и поспешил за чиновником.

Сосед Минострала подвинулся, уступая место. Василевс сел рядом с Миностралом, усадил свою необычную оче, прижал к груди руки в знак благодарности.

Он постарался изобразить на лице хитроватое почтение. Да, он боготворит Минострала и полон уважения, но у него есть секрет. (Василевс погладил Алевтину по рыжим волосам.)

Грациозная лива Минострала заискивающе ловила взгляд чиновника. Её жабры подсохли, глаза стали жалобными.

– Иди в бассейн, моя королева, – снизошёл тот.

В бассейне уже плескалось с десяток лив. Теперь Василевс оценивал их красоту совершенно иначе. Да, ливы прекрасны, женоподобны, но всё-таки не то, что действительно нужно настоящему мужчине, если он не такой же русал. А его королева – неотличима от людей внешне. Она – совершенство. А уж если научиться говорить... Вот это будет сенсация!

– Я давно к тебе присматриваюсь, – сказал Минострал. – Ты не болван, хоть и учёный. – Но как ты это сделал? Признайся, это – нанокопия?

Василевс отрицательно качнул головой.

– Голоиллюзия?

Василевс развёл руками, мол, как вы могли даже подумать такое?

– Но что? – не сдавался чиновник. – Миры группы «А» не содержат схожих с нами рас, миры группы «Б» недоступны для перемещений... Неужели ты открыл новую параллель миров?

Василевс продолжал улыбаться.

Чиновник кивнул понимающе.

– Я вижу, ты нашёл нечто серьёзное. Это всё твои опыты? И ты, конечно, желаешь получить краман на свои разработки?

Сердце Василевса забилося в предвкушении. Если чиновники выделяют ему энергетическое пособие, его исследования перевернут этот мир! Лишь недостаток энергии мешал ему пробить по-настоящему широкий проход в обители Алевтины. Сейчас он пользовался случайно нащупанной аномалией, переменчивой и непредсказуемой. Но краман – пакетный доступ к единой энергосети, поддерживающей каналы в миры лив, бусков, пасаргов, – решит все его технические проблемы. Останется лишь изучать, налаживать контакты, торговлю!

– Я оправдаю ваше доверие, господин Минострал! – Василевс прижал ладони к груди и склонил голову.

Сидящий на пять ярусов ниже подлый завистник Бестирим не мог слышать слов, но задрал лысую голову, высматривая его, Василевса, триумф, чужой успех и пульсируя злобой!

Василевс, даже не взглядываясь особенно, заметил назойливый блеск лысины конкурента! Чтобы успокоиться, он положил ладонь на рыжую шевелюру Алевтины, склонился к ней, вдохнул её запах...

Бестирим утрётся. Да, краман на разработки ещё вчера обещали ему, а не Василевсу, но кто станет спорить с решением самого Минострала?

Посреди зала, прямо над бассейном с ливами, повис хрустальный шар, началась пьеса, а Василевс с высоким чиновником всё ещё перемигивались.

Минострал косился на Алевтину, жестами выдвигал очередные гипотезы. Он был весел и возбуждён. И вряд ли Бестириму удастся теперь переубедить его.

***

Расслабленная великолепным зрелищем, а после и чудесной едой в ресторане из летучих столов, кружащихся над озером, и главное тем, что волосатый Василевс исчез, едва доставив её в прозрачном пузыре до дома, окружённого пышным садом, Алевтина повалилась на кровать, сминая шёлковое, расшитое золотыми нитями покрывало.

Как чудесно!

Она высвободилась из роскошного платья. Это в кино красавицы обожают лежать в своих спальнях в вечерних туалетах – Алевтина любила лежать в халате.

Роботы оказались на высоте: тут же принесли и повесили перед ней целый выводок мягких халатов – махровых, фланелевых, шёлковых, вязаных. Она выбрала один, пушистый и невесомый.

Теперь туалет, ванна и... И она должна наконец осмотреть всё, что имеется в этом странном сне! И вообще пора бы решить: а хочется ли ей просыпаться?

Алевтина потянулась сладко. Потом вспомнила Василевса и поёжилась. С одной стороны – и мечтать больше не о чем. Никакого протирания юбок в офисе родной фирмы «Жилдомстрой». Любые наряды, любые яства...

Но это утреннее нападение?..

Почему же он не набросился на неё, как... э-э... положено самцу? Она всегда считала, что каждый мужик только и ждёт, пока она расслабится и утратит бдительность, чтобы взять штурмом её не самую высокую крепость. Приходилось беречь себя, блюсти, чтобы ни один недостойный... И вдруг?..

Пока ждала принца на белом коне – пешком пришлёпал чёрный и волосатый? А что если она сама его себе придумала? Волосатый – это же домовой? Ей снится домовый! Но?.. Зачем же он её бил?

А... вдруг она скрытая мазохистка? Ведь говорят же, что все читают «50 оттенков серого» и параллельно мечтают... Ну, вот это самое?..

А она? Она же тоже читала! Но ведь не понравилось же? Нет? Она же...

Да нет! Никак! Никогда!

И не нужен ей этот прынец, даже выщипанным! Тоже нашёлся, садист волосатый!

Но как же она сумела такое нафантазировать? Рыбо-женщин в бассейне? Спектакли в хрустальных шарах? Мороженое, похожее на зёрнышки мака? А эти фрукты с запахом манго? А конфеты, покрытые золотой плёнкой? Откуда это в её голове?

Только бы не выдумывать теперь чего сексуального! Только бы лечь и проснуться дома! И забыть! Забыть, как кошмарный сон!

Алевтина поморщилась, вспоминая волосатые руки Василевса (если это сон – то волосатые руки к богатству, что ли?). Вооружилась пластинкой летучего кухонного ножа, обломав ему крылышки. Обошла, гулко шлёпая босыми ногами, все коридоры огромного дома Василевса, поковыряла все двери...

«Пчёлы» с жужжанием носились

за ней, сыпали незнакомыми словами. Она отмахивалась.

Входная дверь напоминала бастион неприступности – толстенная блестящая плита из незнакомого металла. Пришлось сосредоточиться на более мелких дверях.

Основных коридоров было три. В центральном, самом широком, имелась всего одна дверь, зато самая большая. Разумеется, запертая. В левом от него – ещё одна, поменьше, тоже запертая.

В правом жила она сама. Там дверей она насчитала двадцать семь, но лишь кухня, санузел, спальня и гардеробная были доступны ей. А ещё – дверь на лестницу, ведущую в крошечный сад: площадку в десять квадратных метров, огороженную прозрачным куполом.

Алевтина спустилась по лестнице. С удовольствием прошла босиком по чистой траве, потрогала прозрачные стены.

«Ага, – подумала она. – Раз есть стены – есть куда бежать, ведь так? Но двери эти... Кругом – запертые двери! Синяя Борода?! О-о!»

Алевтина поковыряла ножом стену, но ей не удалось оставить даже царапин.

Роботы охотно летали вокруг, но просьбу «открыть хоть что-нибудь» не выполняли, только пищали возмущённо, когда Алевтина ломала их, чтобы засунуть железные лапки в еле видимые отверстия непонятного назначения.

Уставшая и злая, Алевтина наспех приняла ванну и отправилась спать.

Василевс так и не появился. Какое счастье! Может, она уснёт и проснётся? И всё? И словно бы – ничего не было?

Она поёжилась, замоталась в тонкое одеяло, расшитое цветами и невиданными тварями. Задумалась. Так чего же ей всё-таки хочется: чтобы было или не было?

Даже жаль немного, если не было. Пьеса в театре была чудесная. И вполне понятная даже без слов – актёров просто захлёстывали эмоции! А конфеты? А ванна?

Ночью Алевтина несколько раз просыпалась. Даже хлопала в ладоши, включая свет. Комната была всё та же, чужая. Василевс пропал.

2

Он разбудил её утром, заорав на всю спальню:

– Хае, кара миа!

Алевтина так и вцепилась в одеяло. Вчера она поддавалась соблазну и надела особенно роскошную сорочку – сплошные дырки и кружева!

Василевс снова был наряжен в треники с пузырями на коленях и грязноватую майку. Да и смотрел как-то нехорошо: брови хмурились, ноздри раздувались.

Алевтина быстро натянула одеяло до подбородка, но он легко вырвал скользкую ткань.

Одеяло полетело на пол, следом туда же полетела и Алевтина. Вся разница была в том, что одеяло не завизжало.

Василевс махал руками, кричал непонятные слова. Потом отнял подушку, которой Алевтина пыталась прикрыть сбежавшую из выреза сорочки грудь, схватил обладательницу голых прелестей за руку и потащил на кухню.

– Ке? – Он ткнул волосатым пальцем в столешницу.

Роботы вчера честно жужжали положенные слова, но Алевтина не очень-то слушала. Она совсем позабыла, что слова нужно учить, и пробормотала наугад, прикрывая грудь ладошками:

– Саем?

– Ке? – Робот подсунул бутерброд с розовой пастой, и Василевс указал на него.

Кажется, мидо или мибо?

– Мит... – пискнула Алевтина неразборчиво.

– Ке?

Белое, как молоко, вино. Они пили его вчера, и он говорил...

– Си-си? – выпалила Алевтина и замерла: угадала или нет?

Лицо Василевса налилось кровью.

– Мидбо! – рывкнул он. – Исис!

Он почесал бровь свободной от Алевтины рукой и добавил:

– Бура!

И Алевтина, чья интуиция натянулась так, что звенела, догадалась, что он обозвал её дурой. А ещё она догадалась...

– А-а... – завизжала Алевтина, поваленная грудью на стол.

И тут же тяжёлая мужская рука обрушилась на её многострадальные ягодицы.

Алевтина визжала так, что звенело в ушах. Роботы-«пчёлы» сочувственно кружили у её лица, вытирая слёзы. Василевс бил не спеша, с отяжкой, громко повторяя очередные четыре слова:

– Апот, басас, литобо, каси!

Роботы подносили к лицу Алевтины поочередно то чашку, то блюдце, то круглое зеркальце, в котором двигались фигурки, то плоскую корбочку со стеклянными шариками внутри.

Потом шлепки прекратились, и Алевтина поняла, что шутки кончи-

лись. Она лежала в самой подходящей для насилия позе, он был разгорячён борьбой и...

И!..

Но Василевс хмыкнул, потрепал её по волосам, как собачонку, и помог встать. А потом опустился на колени, поцеловал обе её ладони, которые она старательно отдёргивала, погладил полосу на животе, надавленную столом.

Алевтина кинула в него подвернувшейся под руку «пчелой».

Василевс фыркнул и вытащил из кармана ожерелье такой красоты, что слёзы Алевтины высохли.

– Кара миа, – прошептал он почти-точно. – Аске.

В этот день они посетили пикник у озера, покатались на уродливых бородатых змеях, побывали в веселильне – помещении, где был расплён особенный газ, от которого все хихикали, даже русалки.

Здесь мужчин сопровождали чаще всего русалки. Хотя Алевтина видела пару раз и человеко-птиц, и даже одну человеко-жабу.

Обычных женщин они ни разу не встретили. И лишь однажды Алевтина разглядела с высоты летающей машины гуляющих с папами детей.

За всё это время Василевс не проронил по-русски ни слова, словно вдруг позабыл этот язык. На вопросы Алевтины он только кивал и бурчал по-своему.

Скучно ей, однако, не было: безымянный пока мир Василевса не нуждался в озвучке. Здания в стиле хайтек перемежались кукольными домами из мрамора, дерева или разноцветного кирпича, город утопал в садах и парках, его прорезали каналы, по которым сновали яркие лодочки, фонтаны били, казалось, до самого солнца.

Воздушные машины, похожие на лодки, закрытые сверху прозрачным куполом, носились в воздухе, как на американских горках. Дыхание замирало, пейзажи менялись... А потом вдруг – стремительная посадка и новые развлечения на зелёной, утопающей в цветах земле.

К вечеру, когда Алевтина совсем утомилась, Василевса занесло на скучный официальный приём. Огромная мраморная зала с колоннами прямо посреди парка, внутри – беседки, бассейны (куда без них), озабоченные мужики со страдающими русалками.

Василевс таскал её от одной группки мужиков к другой, обсуждал что-то важное, жестикулировал, иногда орал.

Мужики были сплошь кряжистые, кривоногие, волосатые, и Алевтина

сосредоточилась на русалках. Когда она увидела их первый раз, ей показалось, что рыбо-девы полностью срисованы с мультфильма по сказке Андерсена, разве что волосы у здешних были совершенно небывалых цветов. Но, присмотревшись, она выяснила, например, что стоят русалки не на хвостах, а на паре нижних плавников, похожих на маленькие ступни. На них и передвигаются крошечными шажками, словно японки. Со стороны кажется, что прыгают, а на самом деле – ножками-ножками.

Русалки Алевтину не разглядывали. Кожа их быстро высыхала, они маялись, жалобно смотрели на своих мужчин, дожидаясь разрешающего кивка, чтобы устремиться к спасительной воде.

Алевтина от скуки тоже стала смотреть на Василевса, и когда он случайно скользнул по ней взглядом, указала рукой на бассейн. Он кивнул. Алевтина быстренько подбежала к воде и усеялась на мягкий барьерчик.

Русалки плескались, ныряли. Алевтина тоже была не прочь искупаться, но не в платье же!

– Эй! – Она попробовала привлечь внимание одной из рыбо-дев. – Я – Алевтина, Аля! А тебя как зовут, красавица?

Алевтина и не надеялась, что русалка её поймёт, но не ожидала, что та окажется немой!

Русалка охотно подплыла, покрутила руками перед лицом... И не издала ни звука.

Слышала она прекрасно: кивала, гримасничала в ответ. Алевтина вспотела, пытаясь втолковать ей свою биографию:

– Я из России! – Она разводила руками. – Вот такая большая страна! Много людей! Много-много! Дети! Женщины!

Русалка кивала. Синие с золотом волосы колыхались. Касаясь воды, они не намокали, а словно бы парили над ней.

– Он меня похитил! Василевс!

Услышав знакомое слово, русалка закивала ещё энергичнее.

– Знаешь его? – оживилась Алевтина. – Василевс!

Русалка кивала.

– Маньяк! Он бьёт меня! Понимаешь? Бьёт! Вот так! – Алевтина постаралась жестами изобразить непотребство, творимое Василевсом.

Русалка, кажется, поняла. Она округлила глаза, выпятила губы, подняла тонкую белую руку и показала синяк под мышкой.

«Вот как! – осенило Алевтину. – Да здесь это – обычное дело!»

Ей резко расхотелось общаться. Русалки оказались такими же рабынями, как и она. То, что происходило с ней по утрам, не было недоразумением или ошибкой. Но что же делать? Бежать? Но куда?

Она тихонечко встала с края бассейна и пошла к выходу из здания.

Дверей не было – две колонны и проход между ними. Алевтина оглянулась, искала глазами Василевса – её кривоногий прынец бурно общался с такими же потенциальными кавалеристами.

Алевтина прошла между колоннами и вышла в парк.

Солнце – на вид совершенно земное – уже подкрасило облака алым и собиралось спрятаться за огромное круглое здание у горизонта. Люди, однако, всё ещё гуляли в некотором отдалении от помпезного зала, который она покинула. Впрочем, какие люди? Сплошь одни прынцы.

Алевтина огляделась: куда же идти? Искать органы власти? А есть ли они здесь вообще? Может быть, местные женщины ей помогут? Вряд ли им нравится, что мужья заводят себе не понять кого? Ведь есть же здесь женщины?

Вблизи, однако, никаких женщин не наблюдалось. Перед Алевтиной раскинулся огромный парк, полный чужих мужиков. Даже если ей удастся пройти незамеченной до ближайшего здания – не факт, что там найдутся женщины местной породы, простые, говорящие.

Но что она им скажет? В арсенале-то у неё от силы десятков слов, да и те – кулинарные. Да и вдруг здешние бабы терпеть не могут таких, как она, «королев»?

Чувство нереальности, киношности всё ещё не покинуло Алевтину. Больше всего она хотела проснуться, ну или проломить уже эти проклятые декорации, и покинуть сцену сумасшедшего театра.

Хватит с неё. Она – добропорядочная! Она не могла выдумать общество маньяков! Она – проснётся!

Алевтина решительно сделала шаг к круглому дому, но оступилась и повернула ногу. Проклятый сон!

Она села на траву, зелёную, аккуратную, чистую, потёрла голень. Ей не повезло – нога болела совсем чуть-чуть. Не удастся даже прикинуться смертельно больной!

Алевтина шмыгнула носом, посмотрела на такое родное и знакомое солнышко и от безысходности зарыдала, закрыв лицо руками.

– Тите, каре оче!

Её взяли за руку и попытались под-
нять.

– Тите!

Она, не глядя, оттолкнула одну руку,
другую. Вытерла слёзы, проморгалась...
Вокруг столпилось не меньше дюжины
прынцев!

– Кара, оче! Миа! – твердили они на-
перебой и лапали её руками: то ли стре-
мясь помочь, то ли просто щупая.

Алевтина попыталась встать, но её
окружили уже слишком плотно. Десят-
ки рук тянулись к ней, десятки глаз го-
рели алчным интересом, словно она
была кошельком, который они наш-
ли на дороге!

Алевтина сжалась в комок, закры-
ла голову руками и завизжала от ужа-
са и отвращения!

Она не видела, как из дома с колон-
нами выскочил разъярённый Василевс,
однако он выкрикивал ругательства,
и она услышала его такой родной и зна-
комый рёв.

Прынцы пытались протестовать, но
куда там. Василевс разогнал их пинка-
ми и ударами кулаков, поднял рыдаю-
щую Алевтину, прижал к груди, понёс
в летающую машинку.

Она плакала, он утешал, шептал
что-то доброе и ласковое. И машина
долго кружилась в закатном небе.

Домой они вернулись, когда стемне-
ло и незнакомые созвездия высыпали
яркими гроздьями. В этом мире им ни-
чего не мешало. Здесь не было ни ин-
дустриального дыма, ни проводов. Чи-
стейшее небо и целые гроздья, и даже
облака звёзд!

Алевтина успокоилась и повеселе-
ла – так нежен и галантен был Васи-
левс. Он на руках вынес её из летающей
машины, донёс до высокого крыльца,
поднялся, пыхтя, до дверей.

Двери опознали прынца не сразу,
и Алевтина полдюжины длинных чу-
десных мгновений слушала, как коло-
тится его сердце.

У неё появилась надежда, что его гру-
бое обращение – всё же недоразумение,
привычка. Может быть, русалкам так
нравится? И нужно всего лишь объяс-
нить ему, что она – не русалка?

Однако когда он оставил её в спаль-
не и исчез, не попрощавшись, тревога
вернулась.

Алевтина легла, но уснуть не сумела.
Чуть отдохнув, она встала, сполоснулась
едва тёплой водой, чтобы взбодриться,
и снова отправилась на разведку.

Дом был обшарен ещё раз. В каждую
щель засунут ноготь. Каждый подозри-
тельный стул – разбит об стену.

Роботам тоже досталось. Один
из них, тот, что служил щёткой, был
безжалостно подвергнут утоплению,
пинанию, наступанию и разрыванию
пополам.

Алевтина надеялась, что внутри
у него найдутся детальки, которые
можно использовать как отмычку, на-
пример. Но внутри оказался гель.

К утру она так утомилась громить
дом, что задремала в кухне на крошеч-
ном декоративном диванчике.

3

Её опять разбудил голос Василевса,
но звучал он издали и говорил прынец
не с ней.

Судя по интонациям и силе звука,
Василевс ругался. Потом начал орать.
И вроде бы какой-то другой мужской
голос вторил ему.

Алевтина тихонечко встала, выгля-
нула из кухни. Да-да, выглянула, ведь
кухня – только казалась прозрачной,
и коридора из неё видно не было.

Ах!

Входная дверь была распахнута на-
стежь! Василевс, разодетый в шёлк
и парчу, стоял у порога и махал кула-
ками на лысого толстячка. Толстячок
пятился и прикрывался локтями, не за-
бывая дразнить Василевса громкими
незнакомыми словами.

Наконец Василевс изловчился и вы-
толкнул толстячка из дома, буквально
вдавлив его в дверной проём и протол-
кнув на крыльцо.

Но толстячок уходит не желал. Он
взревел и бросился на Василевса! По-
валил на крыльцо!

Мужчины сцепились и, мутузя друг
друга, покатались по ступеням на мо-
щённую цветным кирпичом садовую
дорожку!

Толстячок был свиреп, как павиан.
Он молотил Василевса кулаками, пи-
нал, а когда и это не помогло, бульдо-
гом вцепился зубами ему в плечо.

Алевтина, потрясённая, не сразу
сообразила, что делать. Однако раз-
ум скоро возобладал в ней. Она взяла
из кухни тяжёлый шарообразный чай-
ник, долго плясала вокруг дерущих-
ся мужчин и, улучив момент, изо всех
сил врезала незваному гостю по лысо-
му черепу!

Толстячок разжал зубы, которыми
терзал плечо Василевса, и покатился
по траве, воя от боли. Алевтина, раз-
горячённая победой, швырнула в него
чайник.

Потом она плакала, а Василевс
утешал её. Потом она пыталась пе-
ревязать своего прынца кухонным
полотенцем, и Василевс вынужден

был помогать ей, морщась от боли.

Соорудив кое-как повязку, Алевтина чуть-чуть успокоилась. Василевс усадил её завтракать, а сам прошёл по среднему коридору до единственной двери, что там была.

Алевтина, конечно, кинулась подглядывать. Она увидела, как он вынул из кармана прозрачный шарик, поводил им по двери...

Дверь приоткрылась, и Василевс юркнул в проход.

В таинственной комнате он пробыл недолго, выкатил оттуда медицинского робота, активировал его – видно, пользовались им нечасто.

Робот выполнил уже настоящую, профессиональную перевязку, поставил Василевсу укол, и тот задремал всё на том же кухонном диванчике под поглаживания и жалобный шепет Алевтины.

Она была восхищена его мужеством и терпением. Её принц презрел собственную боль, чтобы утешить её. Терпел её неуклюжие перевязки, когда настоящая медицина изнывала от безделья всего в двух шагах.

Алевтина много раз видела мужчин, морально гибнущих от царапины или повышения температуры при ОРЗ, и Василевс серьёзно тронул её сердце. К тому же теперь он на неё не рычал, а мирно дремал на диване. Таким он стал ей даже слегка симпатичен.

Алевтина очень переживала за Василевса, но, дождавшись храпа, по стеночке прокралась к двери, за которой он исчезал недавно. Ощупала её осторожно. Потолкала чуть-чуть. Дверь, разумеется, не поддавалась.

Шарик! Ей бы такой шарик, как у него! Обыскивать? Страшно...

Как же он называется? Ведь Василевс показывал ей такой вчера утром?

Алевтина поспешила на кухню. Роботы выполняли все её прихоти – еда, питьё, платья, может, дадут и шарик?

– Хочу... – Она растерялась. Как же он назывался эти шарики?! Баси? Васи? Маси?

Роботы сочувственно жужжали, не понимая, и шарика не несли.

Расстроенная Алевтина затребовала второй диванчик, здесь хватило жестов и тыканья пальцем, пристроилась там и задремала почти рядом со своим принцем.

Проснулась она, когда перевалило за полдень. Стол был накрыт. Василевс исчез.

***

– Не в духе? – усмехнулся Ибароб.

Василевс потрогал самолечащую повязку и поморщился. Жаловаться Иба-

робу на выходку Бестирима смысла не имело.

Ибароб управлял доходами. Если он поставит свою подпись – пусть Бестирим хоть на дерево лезет, ничего не получит! И нечего махать ручонками и лязгать зубами!

– Не в духе, – не стал лукавить Василевс. – Планировал провести эти часы со своей оче, но обстоятельства вынуждают быстрее собрать нужные подписи. Мой проект – дело серьёзное. Конкуренты наступают на пятки.

– Она – часть эксперимента? – не удержался от вопроса Ибароб. – Все говорят – это что-то небывалое! С виду – как настоящая женщина!

– Если я сумею продолжить эксперименты, такую женщину сумею приобрести любой нужной государству человек, – хитро усмехнулся Василевс.

– Возможно, уже сформировалась очередь? Ведь все хотят такую же... Вот я бы... – Ибароб расцвёл в улыбку.

Василевс замаялся. Он сам ещё не разобрался в устройстве Алевтины. Мог ли он кому-то обещать такую же оче прямо сейчас? Нужны были исследования: долгие, тщательные. Но высокие чиновники настойчивы. Придётся рисковать...

Ибароб взял договор и начал его пристально изучать.

Его собственная оче, разумеется, лива, вздыхала в своём углу.

Василевс нервничал. Если бы Алевтина так не размокла, разрежевшись как ненормальная, если бы не уснула потом так сладко, он взял бы её с собой. Можно было бы усадить её сейчас в ноги, погладить по волосам.

Она давала ему незабываемые ощущения покоя и нежности. Даже её воспитанием и гигиеной он занимался не по обязанности, а с удовольствием.

В какой-то момент ему даже показалось, что он лупит жену, зажав между коленями её беспутную рыжую голову.

Ситуация с женщинами была невозможной. Невообразимой. Такие, как Алевтина, обещали здешним мужчинам нервную разрядку с самыми широкими возможностями. Одно дело возиться с девой-русалкой...

Он глянул на тосковавшую по бассейну ливу. Грустная, неопрятная. По её внешнему виду можно было понять, что управляющий чиновник плохо работает о ней. Вон и хвост у неё блёклый, и чешуя выпадает.

Пренебрегает утренним массажем? Сам он сегодня тоже недосмотрел, и Алевтина осталась неухоженной, эмоционально нестабильной.

Василевс обругал себя непечатно и снова потрогал повязку: «Ельти бы

взяли этого дурака Бестирима!»

Понятно, почему Ибароб хочет такую, как Алевтина. Хотя даже не подозревает ещё, как приятно шлёпнуть её утром по круглой упругой попке. Даже мерещится, что она не оче, а... О-о...

Василевс вспомнил жену и нахмурился. Этого монстра – попробуй шлёпни! Как бы она сама ему башку не свернула при случае. Такая мука – этот секс. И так важен для продолжения рода...

Ибароб изучил договор, вопросительно улыбнулся, и Василевс кивнул. Очередь так очередь. Добудет он и Ибаробу «почти настоящую» женщину.

– Только я умоляю вас, чтобы никто посторонний... – Василевс прижал руки к груди. – Эксперимент в зачаточном состоянии. Такие оче – на вес трансуранических элементов, как вы понимаете...

– Конечно-конечно! – пробормотал Ибароб.

Глаза его масляно блестели.

***

Алевтина пообедала в одиночестве. Долго гоняла роботов, заставляя себя заучивать всевозможные слова. Василевс хочет слов? Пусть он будет доволен.

Вдруг мелодично щёлкнула входная дверь, и через минуту в кухне образовался слегка бледный, но вполне бодрый принц.

Алевтина по привычке сжалась от страха и дурных предчувствий, но Василевс был – сама галантность. Он повёл её в гардеробную, показал два новых изумительных платья.

Пока она одевалась, принц скрылся в единственной комнате среднего коридора и вышел оттуда весёлым и непринуждённо болтающим по-русски.

Алевтина выдохнула. Она несмело улыбнулась и вложила наманикюренную роботами руку в его волосатую лапищу.

Они пили музыкальное вино в подводном кафе, наблюдая за резвящимися русалками.

Вино нужно было набирать в рот и слушать мелодию, а потом – загадывать желание и глотать. Алевтина долго думала и всё-таки загадала «проснуться».

Потом она пыталась называть блюда и предметы. Василевс не запрещал ей делать ошибки, но ехидно хихикал, и игра ей быстро наскучила.

Алевтина нервничала: они сидели в стеклянной кабинке и не слышали, о чём говорят прочие посетители, но тарачились-то на неё так, словно в кафе привели слона!

Потом они отправились покататься по озеру на лодке по ярмарке из таких же лодок: на каждой что-нибудь

продавалось. Накупили сладостей и корма для рыбок, что то и дело выпрыгивали из воды.

Народу было много, но женщин вокруг снова не наблюдалось. А вот мужики плавали рядом толпами. В основном компаниями или в одиночку. Из десяти – только двое были с рыбо-девами, жалобно топорщащими сохнувшие жабры, а один явился с большой лысой птицей. На него тоже оглядывались.

– У вас совсем нет женщин? – осмелев, спросила Алевтина.

– Совсем, кара миа, – согласился Василевс.

Он был весел, да и выпил немало.

– А как же – продолжение рода? – спросила Алевтина и покраснела.

Дело в том, что когда она спала на этом проклятом диванчике, ей приснился Василевс. И намерения у него были вполне конкретные. И Алевтина его почему-то совсем не испугалась.

– Продолжение рода сопряжено со страшным риском и унижениями, кара миа, – подумав, сказал Василевс. – Слышала про паучих, которые съедают своих самцов?

– Съедают самцов?

– Да, кара миа.

– Но самцы-то есть, – не подумав, выпалила она. – Может, это вы съедаете своих самок?

– Королева моя! – Василевс от смеха чуть не подавился пирожным, которое жевал. – Как можно! Ведь потомства тогда точно не будет. Но риск... Мы очень рискуем, чтобы обзавестись наследниками.

Он не разозлился, услышав откровенные вопросы, хотя вчера утром сердился по поводу и без.

– Значит, самцы ваши просто боятся размножаться? И заводят себе русалок, которые уж точно их не съедят?

– Да, кара миа. Заводят себе королев. Мы называем их оче. Чтобы любить, почитать, одевать, развлекать, заботиться.

– А потомство?

– А тогда идут к настоящей женщине. Некоторые... Гм... Спасаются. И даже могут выкрасть детей и воспитывать их.

– А другие дети?

– Если самец не способен похитить детей, их воспитывают паучихи. Повзрослевших самцов они выбрасывают из гнезда, а девочки остаются жить с ними. Такая семья особенно опасна – самца могут сожрать и тёща, и жена.

– Значит, секса у нас с тобою не будет? – уточнила Алевтина.

«Я радуюсь, – думала она. – Я же – радуюсь?»

– Нет, кара миа. Ты не можешь при-

нести мне детей, – покачал головой Василевс. – Секс – дело сложное, долгое и ответственное. И для этого есть жена.

– А если тебя съест э-э... твоя паучи-ха, что будет со мной?

– Конечно, перед этим я отправлю тебя домой, не волнуйся.

– Я проснусь?

– Ну конечно!

– А зачем я должна знать твой язык? Ведь ты можешь сам говорить со мной?

– Когда один, кара миа. Только когда один. Или дома, или если мы уединимся за столиком в кафе, в лодке. В обществе – это будет неприлично. А я хочу бывать с тобой в обществе. Хочу показать всем, что ты способна говорить. Что ты – феномен, идеал.

– А когда я смогу гулять в саду, а не в кусочке сада? И все эти запертые комнаты? – Она вздрогнула, вспомнив про Синюю Бороду.

Он усмехнулся.

– Выучишь язык – и весь дом будет открыт для тебя. Я помогу тебе выучить его, кара миа.

– Тогда, может... э-э... Может быть... Заключим договор? Я старательно учу язык, а ты... э-э... В общем, ты больше не будешь меня бить? Я стану тебе идеальной спутницей, как тут у вас и положено.

Она жалобно посмотрела на Василевса. В животе у неё зачесалось и заёкало.

Он покачал головой.

– Но почему? – взвилась она. – Ты мне не веришь?

– Нет, кара миа, не верю. Женщины – ленивы и не способны ухаживать за собой. Чешуя их тускнеет, характер портится! А у меня – большие политические планы. Я мечтаю попасть на правительственный приём со своими открытиями. Я – учёный. У меня – огромное будущее. Если ты подведёшь меня...

Он нахмурился, привстал и направил лодку к плавучим лавочкам с сувенирами.

– А партэ!

Она знала уже, что это – «идём».

Они шагнули из лодки в лодку. Там... Там продавали плётки. Всех мастей и размеров!

Алевтина просто одеревенела. Колени у неё подогнулись. Она-то уже почти привыкла к нему, а он... Он!

Да как он может! Гад! Сволочь! А она уже думала, что он!.. Что они!..

Василевс не замечал её состояния. Он долго перебирал плётки, потом поманил её и предложил выбрать из трёх.

Алевтина зарыдала, и он быстро приобрёл все три, расплатившись стеклянными шариками из коробочки. Теми, что помогли ему сегодня открыть дверь.

Спать ночью она и не планировала. И вообще еле-еле дождалась ухода Василевса.

Как только он исчез за дверью, Алевтина вытерла слёзы, высморкалась, решительно прошлёпала на кухню, собрала всех роботов и потребовала:

– Каси!

«Пчелы» не посмели возражать. Одна из них принесла прозрачный шарик и вложила в протянутую ладонь.

Алевтина зажала шарик в кулаке и направилась в средний коридор, где была дверь, которую Василевс открывал с помощью этого «каси».

Она прижала шарик к двери.

Ничего.

Прижала крепче.

Села и заплакала.

Встала. Зажмурилась, вспоминая движения Василевса: может, он покрутил шарик?

Она попробовала покрутить. Шарик выпал. Попробовала ещё раз... И... дверь приоткрылась! Не полностью, но протиснуться было можно.

Алевтина всхлипнула, взяла у «пчелы» платок, высморкалась. Протиснулась кое-как. Хлопнула в ладоши, зажигая свет.

Перед ней открылась огромная комната, уставленная приборами. Но на приборы Алевтине было чихать, потому что впереди вместо противоположной стены лежала её маленькая уютная квартирка! «Однушка!» С торшером. С зелёными обоями! Со старым маминым диваном, с новым телевизором «Сони»!

Она всплеснула руками и бегом понеслась домой!

И врзалась со всего маху в стеклянную стену.

Дом был недоступен. Она застряла в этом страшном царстве сновидений! Как муха в аквариуме! Как дура в иллюзиях! Как!..

Алевтина плакала, кричала, пинала стену. Стекло не поддавалось.

Она изломала приборы, чтобы было чем царапать и бить. Она налила лужу воды, проверяя, не растворится ли в ней прозрачная стена.

Ближе к утру, посмотрев на устроенный в лаборатории Василевса разгром и вспомнив его хмурые брови и страшную плётку, Алевтина решила повеситься. Благо железяк и треног всякого рода в лаборатории хватало.

Роботы громко верещали, почуяв неладное, но мешать хозяйке не смели. Алевтина притащила из спальни чудесную батистовую простыню, разорвала её на полосы, сплела косичкой в крепкую верёвку.

Сначала она хотела использовать ру-

коятку большой железной машины, а потом обнаружила в стене над ней отличный крюк.

Она залезла на машину, привязала к крюку верёвку, соорудила петлю.

Ей стало страшно. Умирать не хотелось, но это же сон? Она ведь умрёт тут, а проснётся уже за стеклянной стеной, дома, верно? И всё будет хо-ро...

Она же хочет домой? Выбраться из этого дурного сна! Домой!

Алевтина перекрестилась как сумела. Шагнула к краю машины, глянула вниз: высоко, метра полтора, не меньше...

Она попятилась, пытаясь встать поудобнее, но ноги совершенно одеревенели и каждое шевеление давалось с трудом. Тогда Алевтина начала елозить ступнями, пытаясь подобраться поближе к краю, поскользнулась и... рухнула вниз!

Шею дёрнуло, но крюк не выдержал её веса и обломился. Она упала на пол и получила упавшим крюком по голове.

Было больно и обидно. Алевтина села, почесала быстро набухающую шишку, окинула мутным взором лабораторию... И увидела, как широко открывается условно «входная» дверь!

Ей не оставалось ничего, кроме как потерять сознание, оттягивая справедливую кару, но даже этого она сделать не сумела, и её настиг рёв Василевса:

– Кара миа!

Он был в ярости от učinённого ею разгрома!

Алевтина задохнулась от ужаса, и только тут свет наконец предупредительно померк в её глазах.

Очнулась она от шума.

– Ты чуть не убил её, скотина!

– Но таре ми мато! Я же делал как надо!

– Мерзавец! Тварь! Да если бы я знал, что ты с ней сделаешь!

Василевс размахнулся как мог широко и вплепил себе кулаком в челюсть!

Голова его дёрнулась. Левая рука вцепилась в правую, и он начал, ругаясь, бороться сам с собой!

Алевтина потёрла саднящий затылок, встала.

Лаборатория никуда не исчезла. И за стеклом всё так же маячил знакомый интерьер.

Она начала по стеночке пятиться к стеклу, к своему дому. А вдруг там появился проход?

Василевс, сообразив, что жертва очнулась, перестал бороться с собой и кинулся наперерез. Алевтина завизжала, понеслась изо всех сил... и со всего маху ударилась об стекло.

Взвыв от обиды и боли, она сползла

на пол и прижалась всем дрожащим от страха телом к скользкому холоду. Из глаз, а потом и из носа – потекло. Слабая она была на нос.

– Не подходи к ней! – заорал Василевс и врезал себе кулаком в грудь.

Потом он взял плоский прямоугольник на подставке, похожий на двухстороннее зеркало, и поставил рядом.

От прямоугольника упала тень, покачалась, уплотнилась... И Алевтина узнала в ней... Нет, не Василевса!

Тень тоже была кривоногой и в трениках, но лысой, с толстым носом и не такой волосатой!

Это был её сосед! Василий Степанович! Странноватый прилипчивый пенсионер!

– Сволочь... – прошептала Алевтина, роняя слёзы с подбородка на пол.

– Сволочь! – согласился Василий Степанович с чувством. Он стал уже совсем плотным. – Этот гад уверял меня, что будет тебя любить! Кому ты у нас нужна была, Алька? В тридцать лет – старая дева? А здесь бабы – на вес золота! Он учёный. В каком-то роде – он мой двойник в параллели миров. Он создал проекцию моей личности, и я сумел слиться с ним здесь, чтобы помочь ему. А потом мы вдвоём вытянули из нашего мира тебя. Фантастически сложная работа! Я был так рад, такой интересный проект... Я же, ты понимаешь, отставной физик. В институте теперь что – лекции на полставки?.. – Василий Степанович расплылся в улыбке, потом спохватился, замялся...

– А-а почему – меня? – всхлипнула Алевтина.

– Ну ты же знаешь, что с бабами у них тут – швах. А у меня – не так-то много знакомых, к кому можно запереться домой, поставить аппаратурку. Ну, ты помнишь, я тебе кабельное телевидение тянул? Ну вот параллельно и... Он обещал относиться к тебе как к королеве. А ты – молодая ещё, симпатичная и без мужика. Ты уж прости меня, дурака, я позаботиться о тебе хотел, как о дочке.

Василевс взвыл, заспорил, жестикулируя, и Василий Степанович перевёл:

– Васька говорит, что делал, мол, всё как надо. Что к королевам у них тут именно так и относятся. Мол, ничего для тебя не жалел. Даже лучшую плётку купил, самую дорогую, широкую, мягкую, чтобы кожу не поцарапать. И через полгода ты бы у него блистала на всех приёмах. Дом был тебе подарил, бассейн, лодки летучие. Может, останешься? Где ты в нашем Ухрюпинске найдёшь себе дом и летучие лодки?

Алевтина только качала головой и всхлипывала, украдкой сморкаясь

в рукав халата. Она уже совершенно не верила в происходящее и мечтала об одном – срочно оказаться дома.

– Тогда – ну его, Василевса, – согласился Василий Степанович. – Пошли, я тебя назад отведу. Ну её, королеву эту, да? Ты и так – ничего себе. Мужичка найдёшь, деток родишь.

Василий Степанович подошёл к стеклу и потёр его стеклянным шариком. Шариком!

– Идиотка!.. – прошептала Алевтина.

Василий Степанович взял её за руку и потянул домой. Ноги почему-то не слушались, шикарный пушистый халат стал тяжёлым, ожерелье на шее тянуло вниз.

Василевс не мешал. Он сидел на полу лаборатории, прямо в луже, устроенной Алевтиной, сжимал голову и шептал: «Кара миа».

Василий Степанович дёрнул за руку замешкавшуюся «королеву», и они шагнули в пыльную тесную «однушку».

Алевтина оглянулась – мир Василевса таял, превращаясь в стену, покрытую новыми зелёными обоями.

***

Алевтина думала, что на работе её потеряли, но Василий Степанович объяснил, что это в параллельном мире прошло три дня, а у них дома – два часа тридцать две минуты.

Особенных откровений Алевтина от него не добила. Научный эксперимент, мол, и носи – не марай.

Мир Василевса был сложен, Василий Степанович тоже не успел его как следует изучить. И вообще он был зол, что она ему помешала. Такой проект сорвала. Вот потерпела бы ещё чуть-чуть, он бы, возможно...

В общем, вечера объяснений не вышло. Василий Степанович вспылил и ушёл к себе, хлопнув дверью.

Алевтина пила чай одна, глядя в пустую зелёную стену. Ей чего-то мучительно не хватало.

Она сняла ожерелье и красивый пушистый халат – последние напоминания про мир Василевса. Ожерелье она спрятала в корзину с грязным бельём. Потом застирала измусоленный обшлаг рукава. Высушила феном. Запихала халат поглубже в шкаф. Переоделась в родное и знакомое домашнее платье модели лапсердак. Только бельё, чужое и шикарное, не сняла. Привыкла она к нему.

Алевтина долго смотрела телевизор, ворочалась. Ходила на кухню за вальерьянкой и ново-пасситом. Но усталость всё же взяла своё, и она задремала.

Спала плохо: снился Василевс, поедаемый женой-паучихой. Алевтина подсакивала в ужасе, хлопала в ладоши.

Потом вспоминала, что нужно включить торшер, дёрнула верёвочку, разглядывала знакомую мебель.

После пятого кошмара нервы её не выдержали. Алевтина встала, надела свой лапсердак, взяла из холодильника бутылку коньяка, которую держала там для возможных походов к гинекологу, вышла в подъезд и постучалась к соседу.

Сосед тоже не спал. Он корпел над математическими расчётами, мечтавая, видимо, прорваться во вселенную Василевса без его помощи. У него даже возникли кое-какие идеи по переналадке аппаратуры.

Алевтина посмотрела на его печальную лысину в венчике редких волосиков и поняла: она готова на всё, чтобы забыть случившееся.

Одёрнула халат, соблазнительно, как ей казалось, выставила голую ногу. Взясась травить пошлые анекдоты – про поручика Ржевского и про то, как поймал Дерипаска Рыбку... Гадко хихикала.

Сосед откровенных намёков не понимал, вёл себя с ней как с дочкой, интеллигентно шутил, демонстрировал свои многочисленные работы по физике твёрдого тела. Рассказывал, как подло его вышибли на пенсию с родного предприятия, а потом и в вузе перевели на полставки. И как он мог бы всем доказать теперь, но вот – не вышло.

Хороший он был мужик, сосед Василий Степанович. Пожалел девчонку – удумала же вешаться, нарушил заманчивую сделку с Василевсом, о чём сожалел и даже плакал, когда у бутылки показалось дно.

Алевтина слушала его и тихо ругалась про себя словами, которыми строители в процессе наклейки обоев заменяют всю мешающую им работать лексику.

Она даже напиток как следует не сумела! Хлебнула коньяка на голодный желудок, желудок заболел, и Василий Степанович заварил ей чаю.

Алевтина сидела трезвая, злая и горько шутила про себя, что замшелая девственница и старый импотент – самая подходящая компания.

4

Утром как раз начался понедельник, и Алевтина отправилась на работу. В старых неудобных туфлях, в блёклом бесформенном плащике, с зонтиком, третий год дышащим на ладан.

От порога она вернулась. Обутой протопала к шкафу. Посмотрела: висит ли на месте пушистый халат?

Халат висел.

Интересно, а прозрачный шарик «каси» – она куда дела?

На улице было слякотно, хотя в мире Василевса все три дня стояла чудесная погода.

Коллеги вели себя привычно. Повышения зарплаты не ожидалось. И вообще на горизонте не ожидалось ни-че-го – только серые-серые будни. Каждый день. И телевизор по вечерам.

Добравшись домой с работы, Алевтина первым делом увидела оставленные ею же грязные следы.

Не очень, конечно, грязные. Так, насыпалось чуток. Протереть бы быстренько тряпкой или всосать пылесосом – делов-то? Но она вдруг разнюнилась, швырнула в холодильник кефир, словно он и был во всём виноват, пнула подвернувшийся под ноги тапок, босиком прошлёпала в комнату и открыла шкаф.

Халат висел.

Алевтина достала его, сунула руку в карман и обнаружила там прозрачный шарик каси. Значит, она и впрямь сунула его туда ещё в лаборатории.

А если потереть им стекло?

Алевтина вздохнула, вернула шарик в карман, а халат – в шкаф и пошла ужинать кефиром.

Ночью, измучившись от бессонницы, она встала, подошла к зеркалу в прихожей – а вдруг да подойдёт? Ну ерунда же, да? Ну не стену же тереть? Там же было стекло, верно?

Или попробовать оконное стекло?

Было в комнате ещё одно зеркало, но маленькое – Алевтина туда не пролезла бы, открылся там дверь. Потому она решила ставить эксперименты в прихожей.

Или надо было всё-таки в комнате?

И вообще – зачем ей это? Разве она хочет увидеть этого Василевса? Ведь он же – маньяк?

Или он просто дикарь, а она не сумела ему объяснить? Не перевоспитала? Не подключила этого дурака, Василия Степановича, чтобы он втолковал Василевсу, что в России с женщинами так не обращаются?

Ведь им же надо было сначала поговорить втроём? Рассказать, что земные бабы – не паучихи? Они... Они нежные, трепетные! Они не могут работать за гроши офисными мышами. Не могут без роботов, которые будут готовить еду, убирать, чинить...

А ещё... Им... Им нужен хоть какой-нибудь принц, пусть даже и волосатый!

Алевтина достала халат, вытащила шарик и... потёрла им зеркало.

Конечно, ничего у неё не вышло.

Она сунула шарик в карман лапсер-

дака и на всякий случай всё-таки надавила обеими ладонями на стекло.

И провалилась в него вся, только мелькнули босые ноги.

***

Василевс открыл единственную дверь левого коридорчика, быстро переоделся в серый мешковатый костюм и спустя пару минут уже пробирался в темноте по тесной грязной улочке мимо низких домов, больше похожих на логова.

Перед одной из дверей он замер, прислушался. Потом тихонечко постучал.

В доме раздался приглушённый рёв. Василевс вздрогнул.

Дверь открылась, пахло кислым запахом давно немытого тела.

– Где ты шлялся, животное?! Ночь на дворе! Опять по бабам ходил? – Жена, дородная, рыжая, всколоченная, стояла на пороге вонючей комнатухи со скалкой.

Он едва успел увернуться. Скалка врезалась в стену и с хрустом надломилась.

Жена взвыла от злости.

– Ах, тварюга! Где я теперь возьму такую хорошую скалку?

Она швырнула обломками в Василевса, но тот опять успел увернуться.

Жена ушла на кухню, загремела там жестяными мисками. Он разулся и надел тапочки, хотя в доме было не особенно чисто.

«Кто виноват, – размышлял он грустно, – что женщины не гнездятся и не размножаются среди техногенных прелестей усовершенствованного мужчинами мира? Что им не нужна стерильная чистота и прекрасные одежды? Что, оказавшись среди дворцов и бассейнов, они сходят с ума от тоски и безделья?»

Мир мог рухнуть, если бы он не стал двойным: в одной параллели мужчины, в другой – их жёны. Вот только тот, кто первым распараллелил реальность, не знал ещё, что параллелей этих может стать со временем слишком много...

Василевс тяжело вздохнул и поплёлся на кухню.

Мужчины испробовали всё, включая искусственное размножение. Тщетно. Их род мельчал и мог исчезнуть совсем. И тогда было решено отселить женщин. Создать им необходимые для выживания условия – грязь, грубость, отсутствие элементарных удобств. Разделив реальность пополам, учёные выдохнули, решение показалось им тогда идеальным. Но тут же нашлись умники, расщепившие реальность ещё раз и ещё. И в этих расщеплениях народ Василевса всё даль-

ше отодвигался от человекоподобности к хаосу и порождениям его.

Теперь миров вокруг много и расщепления продолжают. Но все они ведут не туда. В этом и состояло его открытие: он нашёл мир, похожий на его собственный, – мир Алевтины. Надежду на спасение и чувственную стабильность.

Уходя утром «на работу», Василевс возвращался в привычную ему параллель с дворцами и бассейнами, но к вечеру нужно было снова спускаться в клоаку скандалов, крика... Она, Алевтина, стала его отдушиной, лучом света во тьме.

Что же он сделал не так? Русалки млеют от подобного обращения. Нежный утренний скандал, хороший массаж сращения хвоста и позвоночника...

Может быть, Алевтина устроена иначе?

Да ну, все они одинаковые – или секс, или массаж, чтобы не унывали. А секс у него только с женой. Секс делает из женщины монстра, это доказано многократно. Ему не нужны два монстра. Он отказался бы и от жены, если бы не наследник.

Или всё дело в его глупом желании говорить с Алевтиной? Он слишком торопил её слабенький мозг, ведь Василий Степанович не мог сидеть в его сознании бесконечно. С языком следовало поднажать, вот он и перенапряг нежные женские синапсы. И чуть не сломал игрушку!

Разговорчиков захотел, кретин. Надо было тихонечко, постепенно! Правильно Василий Степанович набросился на него. Он-то знает пределы мышления своих баб!

Василевс смерил взглядом мощную спину супруги и в очередной раз подумал, что лучше бы уж она его съела, как он соврал Алевтине.

Алевтина... Его, как наяву, опахнуло её тонкими ароматами.

А вдруг она уже успокоилась? Она ведь такая умница... Может, дать и ей немного времени на раздумья? Думают же они чем-то, эти бабы? Может, она поймёт его?

– А ну марш в кровать! – рявкнула жена.

И Василевс поплёлся исполнять супружеские обязанности, пытаюсь зажать в зачатке мысль о том, что секс с Алевтиной был бы поинтереснее их утреннего массажа.

Думать нужно было о размножении. Мужчины тоже много чего потеряли. Иногда, чтобы зачать наследника, требовались годы и годы тяжёлой еженощной работы. И только в сказках можно было прочесть, что когда-то всё было иначе.

А у него сейчас – такой стресс... Нарушенный контракт с Василием Степановичем, невыполненные обещания чиновникам...

Ибароб ждёт от него новую оче, а у него и своя-то сбежала!

Ничего, ведь будет камран! Он найдёт, сумеет открыть другой путь в мир соблазнительных человекоподобных королев!

***

Алевтина, отплёвываясь, вынырнула и в панике замолотила руками, поднимая брызги.

Кругом была вода! Бескрайняя! Терающаяся в дымке, поднимающейся со всех сторон!

Где же дом? Зеркало? Зелёные обои? Где роскошный дворец Василевса? – Василии-и!..

Дыхания не хватило, и она хлебнула воды.

Теперь Алевтина точно знала, чего она хочет. Всё что угодно, только бы не утонуть! Тело от страха стало твёрдым, руки ослабли. Её неумолимо тащило вниз...

***

Василевс не хотел идти на спектакль, ведь он вполне мог встретить там Минострала или Ибароба. Но деньги были получены и требовались контакты с техническими специалистами. А в его мире дела принято было обсуждать в театрах и на концертах.

Он уселся пониже, чтобы не особенно бросалось в глаза вынужденное одиночество. Не нашёл в себе сил начать переговоры перед спектаклем: сидел и смотрел в никуда.

Наконец он заметил, что с потолка начали опускаться гигантский аквариум-сцену. Сегодня зрителей ждали танцы русалок.

Кругом бурлила жизнь, шли переговоры, заключались сделки, и только Василевс грустно и бездумно наблюдал, как снижается гигантский шар – магнитная сфера с водой, как бултыхается в ней какая-то зазевавшаяся русалка. Нырять, бьёт голыми пятками...

Пятками?!

Василевс, расталкивая тех, кто ещё поднимался между рядами амфитеатра, бросился к аквариуму. Там, пуская пузыри и беспорядочно молотя конечностями, тонула его Алевтина! Его оче! Его королева!

Он вскинул руку, нарушая магнитное поле аквариума, и вода обрушилась на него вместе с мокрой задыхающейся нерусалкой.

Женщиной. Его женщиной.

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

У нас в гостях народное литературное объединение «Заполярье»

Народное литературное объединение «Заполярье» – клубное формирование Государственного бюджетного учреждения культуры «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа». Председатель – Инга Артеева. В объединении состоит 48 авторов. Среди них 3 члена Союза писателей России, 8 членов Российского союза писателей.

Историческая справка

Литературный кружок «Заполярье» был создан 23 января 1934 года при окружной общественно-политической газете «Няръяна вындер» («Красный тундровик») журналистами Георгием Суфтиным и Иваном Меньшиковым. Объединение стало ядром, вокруг которого сформировалась литература Ненецкого автономного округа на русском и ненецком языках.

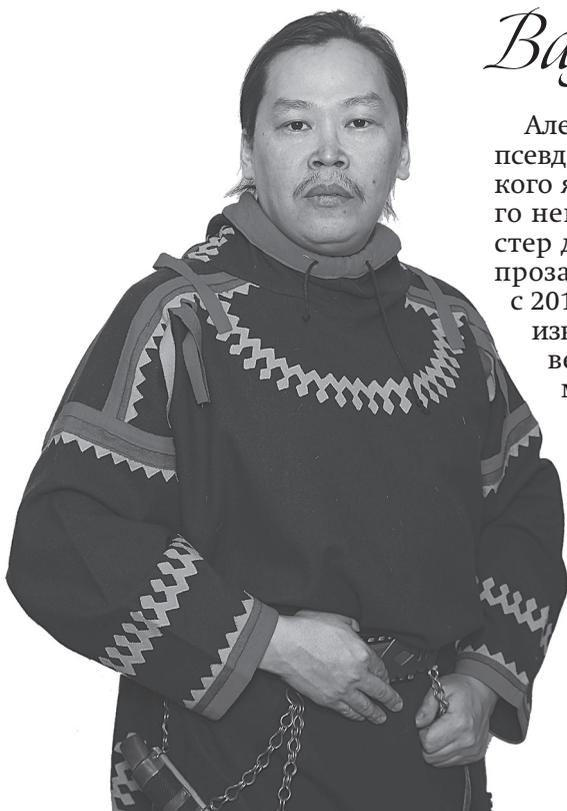
За эти годы были приняты в Союз писателей России свыше десяти членов ЛитО «Заполярье», некоторые пользуются российской известностью: литературный критик профессор Александр Михайлов, писатели Алексей Коткин и Александр Канюков, сказительница Маремьяна Голубкова, классики ненецкой литературы НАО Проконий Явтысьи, Василий Ледков, Алексей Пичков.

В 1935, 1936, 1959 гг. вышло три альманаха «Заполярье».

С 2004 г. альманах «Заполярье» выходит ежегодно по бюджетному финансированию.

Издаются книги стихов и прозы на русском и ненецком языках.

В 2009 году литобъединение «Заполярье» решением Коллегии при УК НАО получило звание народного самодеятельного коллектива.

Вадако" Ларь

Александр Алексеевич Ледков (творческий псевдоним Вадако" ЛАРЬ, в переводе с ненецкого языка – «ларь сказок»), артист народного ненецкого театра «Илебц» («Жизнь»), мастер декоративно-прикладного творчества, прозаик, член народного ЛитО «Заполярье» с 2014 года. Автор уникальных сказок и произведений малой прозы, созданных на основе изучения ненецкого фольклора с элементами эпических ненецких песен. Они передают дух времени, знакомят с традиционной культурой народа.

«Ненецкие сказки-песни имеют свои мотивы, есть песни про героев (судбаби), есть песни о жизни, о личных переживаниях или переживаниях своих родственников (яраби). А есть песни, про которые говорят: «Что видишь, то и пою». Вот это настоящие тундровые песни! Едешь на оленьей упряжке, кочуешь сегодня и завтра будешь кочевать. Сама жизнь рождает эти песни».

Александр Ледков

Вадако" Ларь

Хасава судбя

Сколько себя помню, я всё время в чуме нахожусь. Кроме меня в чуме моя мать и моя сестра старшая, больше никого нет. Когда просыпаюсь, передо мной еда готовая, чай горячий и мясо свежее. Еду мне мать готовит, из чума выйдет, в чум войдёт, всегда с едой заходит. Пока я маленький, каждый день кушаю, каждый день засыпаю под песню мамы. Потом мама принесла маленький сверток, сказала: «Вот, нашла маленькую девочку». Старшая моя сестра спросила: «Где нашла?» Мать ответила: «На берегу ивняковой речки, вокруг кочки бегала». Сестра моя опять спрашивает: «Не убежит?» Мать наша говорит: «Нет, я ей ручки-ножки туго спеленала, теперь только кормить будем, потом к нам привыкнет, никуда не убежит». С тех пор так и живём, мама и старшая моя сестра, они нас двоих, маленьких, кормят. Недолго так жили. Как только в макодане по ночам стало темно становиться, послышался снаружи шум большой и ещё говорили голосами разными. Кто там были, вокруг чума ходили, а в чум не заходили. Потом слышно было, как уехали все. С той поры меня и сестрёнку маленькую старшая наша сестра кормит. Сестра из чума выйдет, в чум войдёт, тоже, как мать, с едой заходит. Так дальше живем.

Сколько времени прошло, не знаю. Сестра моя младшая уже по чуму ходит-бегает, в очаг дрова подкладывает, только я всё сплю, а когда не сплю, то еду ем. Старшая моя сестра еду готовит, а младшая ей помогает. Теперь я просыпаюсь не каждый день, а только тогда, когда в макодан полная луна смотрит. Когда просыпаюсь, передо мной много еды, и чайник медный горячий, и целая нога оленя, задняя или с лопаткой. Старшая сестра совсем почти взрослая стала, а младшая уже сама куколки из сукна и клювиков шьёт, сама с собой играет. Однажды я не от луны проснулся, проснулся от шума большого. Смотрю, сестрёнка маленькая под балаганом прячется, а у старшей сестры две косы заплетены, в каждой косе бусы разноцветные и подвески медные. От бус в чуме словно радуга играет, от подвесок – звон переливчатый. Хоть в чуме и звонко от подвесок, но слышно, как вокруг чума ходит кто-то. Вокруг чума ходит, а в чум не заходит. Сестра старшая тучейку с подушки взяла, из чума вышла. Как из чума

вышла, шум поднялся, потом тихо стало. С этого времени меня младшая моя сестра кормит, младшая моя сестра мне новую одежду шьёт, на меня её надевает. Теперь вдвоём живём.

Теперь я долго сплю. Просыпаюсь, когда на меня через макодан солнце горячее прямо сверху смотрит. А другой раз просыпаюсь, когда на меня очень тёмная ночь смотрит. Когда просыпаюсь, целый день пока в макодан смотрю. В макодан смотрю, потом кушать начинаю. Теперь передо мной целый стол еды, чайник сестра двумя руками с очажного крюка еле снимает, а потом я целую тушу оленя ем, летом с кровью горячей, зимой мясо-строганину. Моя младшенькая сестра мне большую одежду шьёт. Шьёт из шкур медных, а нитки у неё железные, а иголка серебром блестит. Как она мне еду готовит, я не вижу. Вижу только, как посуду пустую со стола убирает. Как стол уберёт, она рядом садится, по голове меня гладит. Когда по голове гладит, она песню поёт, ту песню, которую нам мама пела, когда мы маленькие были.

*У речки ивняковой чум стоит,
В речке вода сверху вниз течёт,
Весной лёд по речке вниз идёт,
Летом по речке рыба вверх поднимается.*

*Спи, мой маленький мальчик,
А когда проснёшься,
Не ходи ты по речке вверх,
Не ходи по речке ты вниз.*

Сестра младшая песню поёт, а сама плачет. Слезы такие горячие, что в моей медной малице дырки появляются. Потом я засыпаю, а когда просыпаюсь – на мне новая малица, без дырочек. Видно, пока я спал, сестра новую малицу сшила. Так живём.

Я сплю теперь так крепко, что просыпаюсь, когда сестра младшенькая меня медной колотушкой в лоб ударит. Колотушка от удара на другую сторону чума отлетает, а я только лоб чешу спросонья. Младшая моя сестра подросла, красивая выросла – высокая, стройная, наверно, имя ей будет Ябтане. Ябтане мне говорит:

– Кушай, братец, хорошо, пока еда есть. Как бы тебе потом без меня не голодать.

От таких слов у меня в глазах слёзы. Хочу ей ответить, а слова сказать не могу, язык, как хвост тайменя, только вверх-вниз поднимается-опускается. Я к сестре руки протягиваю, она меня за руки поднимает, я сажусь. Сестренка мне стол готовит. Что на стол ставит, я сразу съедаю. Два чайника у сестры.

Один греется, из другого я чай пью. Как попью из одного чайника, из другого пью. Пустой чайник сестра водой наполняет, опять его над очагом вешает. Пью, пока медная малица насквозь мокрая не станет от пота на спине. Потом я оленину ем. Теперь я ем мясо сушёное и вяленое. Над очагом туши оленей висят, макодана не видно. Когда мясо съем, тогда через макодан небо видно. Когда наемся, мне Ябтане новую малицу протягивает. Старую малицу сестра помогает мне снять, новую малицу сестра помогает надеть. Когда оденусь, голова сама на подушку клонится. Сестра Ябтане меня по голове гладит, я сразу засыпаю. Сплю теперь долго.

Во сне я по облакам хожу. Я такой большой, что земля меня не выдерживает. Где пройду – там озеро, где отдыхаю, лёжа, – там море. Тогда я на облака поднимаюсь, по ним хожу. По облакам ходить очень хорошо, мягко, сверху видно всё. Там олени ходят, там деревья от ветра гнутся, а там, в океане, медведи с моржами за льдины борются. А вот чум стоит, маленький, меньше облака. В чуме сопит кто-то, видно, крепко спит. Чум маленький, а облака большие, мешают смотреть. Я на облака дунул и из них снег выдул, снег на чум начал падать.

Тут я проснулся. На меня с макодана снежок упал. Сестры моей Ябтане не видно. В чуме темно, только в очаге маленький огонёк да в макодане свет сквозь снег еле пробивается. Я лежу, по сторонам взглядом вожу. Никого нет. Стол пустой, над очагом ничего не висит – ни чайника, ни котла, и мясо не сушится. На мне малица заиндевила по краям да на рукавицах. Что же мне делать? Засунул я руки в рукава малицы, себя по бокам похлопал, от снега отряхнул. Снег отряхнул, стал садиться. Руку согнул, под себя подвернул. Другую руку тоже согнул, с другой стороны под себя подвернул. Воздух в грудь вдохнул, из груди выдохнул, руками толкнулся. О, я сел. Сам сел. Что дальше делать?

Сверху на меня снова снежок упал. Я руку поднял, снег с головы смахнул. Что же дальше делать? Мама моя ходила, сестры мои ходили, неужто я не смогу ходить? Руками я подтянул к себе ноги, подняв вверх колени. Дальше я опёрся на постели руками и оттолкнулся-качнулся вперед. Теперь я сижу на корточках. Руками я теперь опёрся впереди себя, немного наклонился вперед, согнув немного руки в локтях, и резко оттолкнулся руками. Мои ноги распрямились, и я поднялся. Оказывается, высокий вырос, го-

ловой чуть шесты не сломал, чум немного не уронил. Стою крепко, дальше надо шаг сделать. Став крепко одной ногой, я поставил другую ногу впереди себя. Перенеся вес на выставленную ногу, я сделал первый шаг. Качнув теперь другую ногу вперед, я сделал второй шаг. Так я научился ходить.

Сначала я пошёл к двери. Полог не откидывался, я только снега в чум нагрел. Отойдя от двери, я посмотрел вверх. Потом я поднял руку и дотянулся до макодана. На шестах лежал снег. Значит, чум занесло снегом. Как же выйти? Тут внизу затрещало. Я посмотрел вниз и увидел огонь. Огонь тут же успокоился. Но я услышал тихий голос. Чтобы разобрать его, я встал на четвереньки и приблизил своё ухо к очагу. На железном листе лежала зола и три горящих уголька.

– Дай мне еды, и я помогу тебе выйти из чума, – услышал я тихий, скрипучий голос.

Я огляделся. У железного листа было пусто. Посмотрел вперед – нет дров. Потом вспомнил, младшая сестра, когда была маленькая, брала дрова около двери. Оглянувшись, увидел охапку дров. Пока я оглядывался, дрова искал, в очаге затрещало. Один уголёк погас. Быстро подняв полено, я с тревогой поглядел на огонь. Если положу целое полено, огню станет плохо и он совсем погаснет. Голодному нельзя моего еды сразу давать. Пока я раздумывал, огонь опять затрещал, ещё один уголёк погас. Тогда я ударил по полену ладонью. Полено рассыпалось на лучинки. Осторожно я положил к последнему угольку лучинку-щепку. Огонь тут же перешёл на лучинку. Я положил несколько лучинок, огонь разгорелся. Сверху я навалил остальные лучинки и стал выбирать среди дров тонкие поленья. Их я потом положил костром на очаг. Огонь стал молча лизать дрова, а я сел, скрестив ноги, и стал ждать. Нельзя мешать кушающему. Насытится, сам скажет своё слово.

На огонь смотрю. Огонь спокойно горит, хорошо горит, дыма вовсе нет. Я на огонь смотрю, а в глазах вдруг цветные пятна какие-то. Я глаза закрыл, цветное мельтешение не проходит. Глаза открыл – цветные пятна в картинку сложились. Вижу стадо оленей большое. Где олени пройдут, там разрытый снег остается. Вот олени через широкую реку по льду переходят. Олени идут, а лёд, как женский платок на ветру, колышется. Оленей много, а пастух один. Пастух пешком ходит, рядом собака бежит. Пастух рукой махнёт, собачка в ту сторону побежит,

всё стадо поворачивает. Тут картинка на цветные пятна распоролась. Опять огонь вижу, он спокойно горит. Я глаза на миг закрыл, открыл – новая картинка. На морском берегу, прислонившись к сопке, лежит великан. Голова на склоне сопки, тело на берегу, ноги в морской воде. Таких больших людей я не видел, мои мать и сёстры про великана не говорили, наверное, эта картинка от старых времён мне привиделась. Может быть, такие люди раньше были, люди были как великаны. Картинка новая стала, наверно, из будущего картинка. Потому как на картинке я был, только старый. На голове все волосы белые, а спина согнутая, как сопка. Как себя увидел, старого себя увидел, рассердился. Сердитый стал, на ноги резко поднялся. В глазах темно стало, в висках кровь, как медная колотушка, стучит. На огонь грозно смотрю, резкое слово ему сказать хочу. Мой язык меня не слушает, во рту у меня по щекам изнутри стучает. Слова сказать не могу, как теленок мычу-мекаю: «Ме-ме, ме-ме», да руками на огонь машу. Тут огонь спокойно говорит:

– Покажи мне свой язык.

Я сердитый, на огонь исподлобья смотрю. Наверное, если ему язык покажу, ничего плохого не будет. Этот огонь моя мать зажгла, можно ему свой язык показать. Я склонился, рот открыл, язык домашнему очагу показываю.

– Ну-ка, поближе. Поверни чуть голову, – огонь мне, как маленькому, говорит.

На железный лист я руками опёрся, ближе к огню склонился, рот шире открываю. Тут в очаге щёлкнуло, из очага искорка мне прямо на язык выскочила. Искра язык мне обожгла, я на ноги опять вскочил:

– Ай, больно ведь! – воскликнул я. Как только это сказал, тут же рот двумя руками закрыл, только глазами из стороны в сторону смотрю. На огонь посмотрел.

– Теперь можешь говорить, теперь у тебя своё слово есть, – сказал огонь. Тогда я огню своё слово сказал:

– Как мне отсюда выйти?

– Сначала положи на железный лист все дрова так, чтобы, когда одно полено стгорит, ко мне другое падало.

Раз огонь говорит, дрова надо так сложить. Я все дрова поднял, на железный лист положил. Как только тонкие поленья догорят, к огню новое полено скатится. Это полено стгорит, другое следом скатится. Все дрова так положил. Огонь снова говорит:

– Поищи под подушкой.

Какая подушка? Я только одну по-

душку знаю, на которой сам спал. Наверно, под ней надо поискать. Я к постели подошёл, руку под подушку засунул. Там лежит что-то. Я подушку убрал. Под подушкой, оказывается, пояс лежит. Я пояс поднял. Пояс поднял, к очагу отошёл. От очага свет идёт, лучше видно стало. Пояс мужской оказался. На поясе пряжки, с семью запорами пряжки. На поясе семь ножей висят, как лучи солнца. На поясе семь клыков подвешены, от семи хищников клыки висят. На поясе два чехла висят. Один чехол из кожи шитый, там кремь и огниво лежат. Другой чехол железный, на чехле заклёпки медные, а внутри чехла оселок – точильный камень. На поясе рубежей медных нет, на поясе, как на чехле точильного камня, медные заклёпки. Заклёпок семь раз по семь. Из очага слышно:

– Подпоясывайся. В пору ли тебе пояс будет?

Я подпоясался, от семи запоров пряжек только щёлкнуло. В самый раз мне пояс. Под одной рукой у меня ножи висят, под другой – чехлы, кожаный да железный.

– Слушай меня, я скажу, как из чума выйти. Но запомни, через три года вернись в чум. Эти дрова я три года есть буду. Через три года ты придёшь, новые дрова мне принесёшь. А теперь, как ты из чума выйдешь. Надо тебе через макодан выпрыгнуть, только так из чума можешь выйти. Как из чума выйдешь, сам решай, что дальше тебе делать.

Ну что же, раз через макодан прыгать, значит, через макодан прыгать. Я ближе к железному листу встал, прыгнуть собрался. Тут огонь говорит:

– Погоди, тебе имя надо дать. Ты взрослый стал, мужчиной стал, наверно, имя тебе будет Нярава мальтятна Хасава.

– Спасибо тебе за всё, огонь моего чума. Через три года вернусь, новую еду тебе принесу. А пока прощай! – сказал я и прыгнул. Через макодан прыгнул, сквозь снег прыгнул. Как выпрыгнул, так рядом на снег и ногами стал.

Оказывается, пока я вставал, огонь кормил и с ним разговаривал, на улице темнеть стало. Ветер снег гоняет, а на небе братья-сполохи друг другу разноцветные тынзеи-арканы начали метать. Хорошо на улице, воздух свежий, а в небе звёзды на меня смотрят, удивляются, откуда я такой появился, откуда выскочил.

Пусть все знают, я есть. Я есть, и у меня слово есть. Я ходить могу, говорить могу и передо мной тундра, как стол. Куда хочу, всюду могу пойти.

– Хэй, земля и все, кто по земле ходит! Я иду! Я – Нярава мальтятна Хасава!

Инга Артеева

Инга Александровна Артеева, корреспондент газеты «Нарьяна вындер» Издательского дома НАО, член Союза писателей России (2007), Российского союза писателей (2014). Избирается председателем народного ЛитО «Заполярье» с 2010 года. Пишет стихи, прозу. Автор текста Гимна Ненецкого автономного округа, поэтического цикла «Земля моей силы», авторских сборников и публикаций в сборниках «Все меняется к лучшему» (1998), «Грани» (2004), «Птица Ханавэй» (2005), «Зачарована небесными высями» (2006); «За голосом Великого Нума» (2008), «Струны сказали» (2010), специальном выпуске журнала «Аврора» № 3/2013, «Пульс современной литературы НАО» (2015), «Пространство родовой памяти» (2019), «Тот, кто ты есть» (2020).

Публиковалась в архангельском литературно-художественном журнале «Двина», альманахах ЛитО «Заполярье», в журналах «Пунушка», в сборниках «Ты в меня поверь», «Здесь добром земля согрета», «Литературная карта НАО», в газете «Нарьяна вындер» и др. Инициатор и организатор фестивалей субкультур «НеФормат» (2018, 2019), создатель и лидер группы Nordband.

Нарьян-Мар

Тротуары припорошены туманом,
Так бывает только зябким ранним утром.
Знойный август звонко шествует по странам,
В Нарьян-Мар же – не заглядывал как будто.

Комары сидят уныло по болотам
И поют-звенят, печальные, в надежде,
Что падёт на тундру солнца позолота
И согреется дыханье побережья.

Плачет ночь, невестой брошенной гуляет,
И своей обидой делится с луною.
Уходя под утро, город накрывает
Серебристой дождевой своей фатою.

Плачут поутру озябшие берёзы.
Разговоры с ними – в августе не странны.
Медлим жить, не понимая слова «поздно»:
Наши судьбы припорошены туманом.

Только кажется: вот-вот туман растает,
В мир ворвётся ослепительное солнце,
И вот тут-то откроются двери рая,
И вот тут-то жизнь немедленно начнётся!

А пока... Взгрустну
над новым
летним платьем:
Снова из дому нельзя без кардигана.
Холодны родного Севера объятия.
Наши ворги
припорошены
туманом.

***

Обнулили. Выдыхай. Всё, как ты хотела.
Ты – никто. Нигде. Ничья. И душой, и телом.
Видишь? Кофе горячий, раз никто не нужен!
Греет вечер фонарей одинокий ужин.

Ни к кому не торопясь, славно жить на свете,
Веет только для тебя личный верный ветер,
Тишина и пустота больше не пугают.
Им, как видишь, всё равно, ты теперь другая.

Ты и чище, и сильнее. Стёрты грима маски,
Так болело... А теперь память блеклой краской
Тронет будто бы во сне глаз тяжёлых раму,
Показалось. Не с тобой были эти драмы.

Всё, что было, обнулай.
Взгляды, письма, встречи,
Холод глаз, молчанье рук – забывай. Пусть вечер
Принесёт, как чистый лист,
талых звёзд прохладу.
Все, кто был, не удались. И грустить не надо.

Становись, наоборот, чистой, свежей, светлой,
И пусть всё, что боль несёт, вдаль уносит ветер.
Запрети себе. Не смей возвращаться в думам.
Помнишь, как душили в ночь ледяные луны?

Помнишь, как топили боль
ржавых капель листья?
Помнишь, как рвались на свет
злые песни – письма?
Помнишь, бились корабли о гранит причала?
Если помнишь, то забудь. И начни сначала.

Валентина Коскова

***

«...Окончив школу в Няндоме, что на юге Архангельской области, я подала документы сразу в три театральных института и из всех трёх получила вызовы. Но!

В Ленинград я не поехала, испугавшись преступности, в Иркутск – испугавшись холода, а в Волгоград – потому что там не представлялось общежитие.

И совершенно случайно, после уговоров подруги и сестры двоюродной, согласилась съездить с ними до Архангельска, куда те поехали поступать в культпросвет на хореографию.

А узнав, что там есть театральное отделение, сама не заметила, как оказалась студенткой, привычно уже написав классное сочинение про Матёру (всегда любые сочинения писала на пять в школе, поэтому была уверена, к тому же у нас в семье у всех хроническая грамотность была, просто не умел никто писать с ошибками) и прочитав стихи Агнии Барто.

Комиссия хохотала так, что некоторые просто сползли со стульев. В результате мне поставили десятки вместо пятёрок. Так я попала в культуру, где и работаю беспрерывно уже больше трёх десятков лет...»

Валентина Коскова

Коза рогатая

Коз в квартале держали все поголовно, отчего и мостки, и тропинки были сплошь обсыпаны мелкими чёрными горошками. Было очень весело бегать по ним и пычкать – вовсе даже не вонькие козы какашки! Это совсем не то, что нынешние пузырьрики в упаковочной плёнке давить.

Каждое лето отправляли меня на козье молоко к тётушке, поскольку родилась я девятым по счёту ребёнком, из которых семеро к тому времени уже померли – у матери было малокровие. Ухлёбывала я целительное молоко с толстым удовольствием из поллитры, на которую была натянута резиновая соска с отрезанным кончиком. Чтобы молоко бежало шибче, я сама откусывала край этой соски. Из чашки принципиально не пила, поскольку та была куда меньше моей любимой бутылки.

– Ну что, помощница, любишь ка-

таться, люби и саночки возить. Пошли со мной, Зойку доить будем.

Счастья полные штаны, лечу впереди тётки Ани, только пятки сверкают. Щеколда у хлева тяжёлая и высокая, тянусь, переступаю с носочка на носочек... Тщетно. Тётушка легко, привычным жестом отмахивает щеколду, и в нос ударяет запах свежего сена. Козы ещё не пришли, но их блеяние и цоканье по деревянным мосточкам уже совсем близко. Тётя Аня, наклонившись, хлопочет в стайке, тормошит свежее сено, рукой размешивает и разминает пойло. И вот она, коза...

Не знаю, чем я ей не угодила. Помню только её круглые большие глаза с длинными белыми ресницами и то, как быстро она скочила в мою сторону. Я даже вскрикнуть не успела, как Зойкины острые рога пригвоздили меня к подгнившей доске, разделяющей стайку от стайки. На несколько мгновений повисла тишина, которую нарушил мой звонкий смех.

– Ой! Матерь моя заступница! Убила, убила ведь девку-то! – Тётя Аня

в беспамятстве кинулась в нашу с Зойкой сторону, но ноги ей отказали, она упала и била кулаком по земле, пытаясь ухватить козу за что попадёт. – Лёшка! Лёшка! Беда! Беда!

В дверях показался перепуганный Лёшка – мой папа. Он ничего не понимал, рассматривая представшую перед ним картину.

– Цыц! Тихо все! Вот козы!

Папа ухватил Зойку за рога, попытался вытащить из доски, но те и на капушку не продвинулись. Тогда он приподнял меня за подмышки и попытался выдернуть из полена. Безрезультатно... Постоял минутку, решительно двинулся к выходу. Все сызнава принялись за своё – кто в рёв, кто в хохот, коза же взглянула задними ногами выше головы.

– Ох, попляшете у меня все, когда свобожу!

Отец вернулся с ножовкой в руках. Крик стал ещё пуще. Но папа решительно, уверенными движениями начал отпиливать козе один рог.

– Нюрка! Будёт выть, помогай лучше! Держи давай!

– Кого держать-то?

– Да хоть козу, хоть девку, держи кого ли уже!

Вскоре, освобождённая и довольная от пережитого приключения, я сидела на корточках в стайке у двух маленьких козлят. Ясно теперь, почему Зойка так взбеленилась, – она деток своих защищала. Однорогая Зойка виновато приутилась в сторонке.

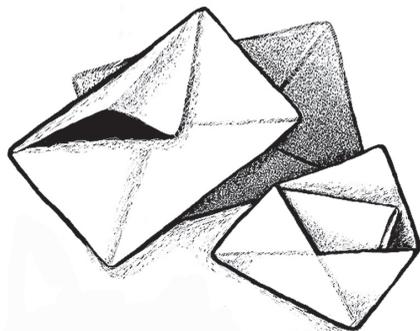
– Ой, Лёшка, не знаю, что из этой стрекозы вырастет – ведь в каждую дырку лезёт, ничего не боится, – укоризненно вздыхала рядом тётя Аня.

– Знамо, что вырастет, – артистка... Что ни день, то новое представление...

***

Всё придумаю сама,
Сама поверю...
Залечу в давно закрытые двери.
Сяду тихо на порог,
Скажу: «Здравствуй!
Здравствуй, солнце моё!
Пустишь в своё царство?»
Обниму, любя,
Скажу: «Спасибо,
Что ты рядом
И что так красива
Тундра за окном,
Холмы и речка,
Дремлет пёс,
Клубком свернувшись у крылечка».

Всё придумала сама,
Сама поверила.
Ненароком сердце я доверила.
Можно, заберу да подлатаю?
Не отдашь?
Без сердца улетаю...

Стихи о стихах. Рождение

Стихи звучат... и светлых слов поток
Сознание вновь зачерпывает живо
Созвучье фраз, тепло плывущих строк,
Как заклинание шепчу: «Красиво».
Я с ними в небо устремлюсь – полёт!
Я с ними плакальщицей с воем зарыдаю,
Расплавлюсь воском по свече – и в лёд!
За строками надолго пропадаю...
В стихах есть всё – и вера, и любовь,
В стихах легко надежды луч искрится.
Они пульсируют ритмично у висков,
Мурлычат кошкой... и опять не спится.
Приглажу их ладошкой, не спеша,
Расставлю знаки препинания смело,
И успокоится к утру душа.

Вот так стихи рождаются неумело...

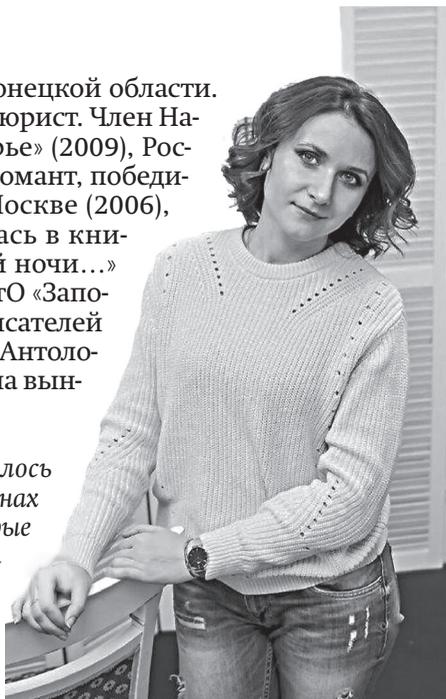

Светлана Коньгина

Родилась в г. Макеевка Советского района Донецкой области. С раннего детства живёт в г. Нарьян-Маре НАО, юрист. Член Народного литературного объединения «Заполярье» (2009), Российского союза писателей (2014). Лауреат, дипломант, победитель конкурсов литературного творчества в Москве (2006), Усинске (2017), НАО (2010–2018). Публиковалась в книге стихов «Я душой разрываю мрак сине-ющей ночи...» (2001), журнале «Аврора» (2013), альманахах ЛитО «Заполярье» (с 2010), сборниках Российского союза писателей (с 2015), сборнике стихов «Лили Марлен» (2017), Антологии русской поэзии (2018–2019), газетах «Нарьяна вындер» и «Северные ведомости».

«О чём пишу? О себе, о других, о том, что сбылось и не случилось. О красоте окружающего мира и тайнах внутреннего. О полярных эмоциях и чувствах, которые не подвластны времени и не знают границ. О жизни во всех её проявлениях через призму восприятия – открыто, честно».

*С уважением и теплотой,
Светлана Коньгина*

***

Скоро Млечный Путь стечёт на землю,
В октябре, в канун полярной ночи,
Грунт окаменеет – станет твердью,
Воздух зазвенит, как колокольчик.
Пыль от звёзд осыплется позёмкой
И, пушистой прикорнув порошей,
Сядет тонкой на стекло каёмкой
И заглянет в дом, как гость замёрзший.

Дороги глянец в темноте атласной лентой,
Под стоны вьюги долго не уснуть,
Но это после, а пока октябрь,
промёрзший, хрупкий,
И первым снегом неба Млечный Путь.

***

Из-за облачной завесы,
Плотной, серой и угрюмой,
Осторожно, с интересом
Поднимался месяц юный.
Вот он спрячется в тумане,
Снова выплывет с опаской,
В синем небе-океане
Очарован зимней сказкой!
День клонится ближе к ночи,
Светит месяц ярким блеском,
В тишине мороз хлопочет,
Лишь пугает звонким треском.
Снег рассыпанным крахмалом
Запорошил всю округу,
Чтоб ещё белее стало,
Он позвал на помощь вьюгу...
Месяц серебро роняет,
Ночь дыханье затаила,
Только купол неба знает:
Всё уже когда-то было!

Валерий Селиверстов

«Северный человек. Родился, вырос и сделал первые важные шаги в творчестве на Крайнем Севере – НАО, г. Нарьян-Мар: музыкальная школа по классу скрипки, лидер группы ArtTrack, первый сборник стихотворений «Планета мыслей».

В 2019 году окончил магистратуру Санкт-Петербургского политеха.

Член народного Лито «Заполярье» с 2017 года. Публикации в альманахах «Заполярье» с 2014 года, в сборниках «Пульс современной литературы НАО», 2015 год, г. Нарьян-Мар, «Русского Севера слово», 2016 год, г. Северодвинск, в сборниках произведений лауреатов фестиваля «Мцыри», 2018 год, г. Москва, произведений финалистов литературного фестиваля молодых авторов, 2019 год, г. Вологда.

Лидер группы «Темнее», альбомы авторских песен «Море», «Перелом».

***

Веснит дождём по капюшону,
Веснит верандой тесный бар.
Веснит, кружась,
    освобожденная прядь у лба.
Веснит балкон брикетом солнца.
Трава по почве растеклась,
Почуяв близость летних порций
Лучей тепла.

***

Весна – рождение, детство, юность,
Этап больших метаморфоз.
Влюбить, согреть, остыть и плюнуть –
Всё это рост.
Смеясь, вращает мыслей вектор.
Жизнь пересолена-пресна.
Но скоро мир,
свобода
лето,
Когда весна.

Даже птицы
    к зиме развернулись,
По утрам
    чищают крылья от снега.
Проскользнут гололедицу улиц
И по мёрзлому воздуху – к небу.
Даже птицы решились остаться
И вбиваются клювами в реку –
Вышьют трещиной
    выросший панцирь,
Но не снимут текстурную клетку.

***

Парами горячей реки обдаёт
Проборы косматых предгорий.
И матово-белым хрустящим бельём
Устелена вся территория.
Величие формы: её производ
И бескомпромиссная твердость.
Творец под горой авангардно возвёл
Каньоны, ущелья и фьорды.
Сейсмический гнев и породный покой
В неясном природном балансе.

Дикий холод заставит считаться,
Зажимает поющие клювы.
А земля из фарфора, фаянса –
Ветер-снег облепляет, целует.
Даже птицы остались бороться
С сумасбродством
    холодной равнины.
В быстротечной конечности солнца
Этот бой стал мучительно длинным.

Закончен привал, и горячей рекой
Мы тихо уйдём восвояси.

Снова ртуть упирается в крайность,
Сумасшествие вплоть до апреля.
Даже птицы решились остаться
И всю зиму нам петь колыбельную.

Ольга Латышева

Ольга Ефремовна Латышева родилась в селе Ома на полуострове Канин НАО. Окончила Ленинградский институт им. А. И. Герцена (1996). Работала в редакции газеты «Няръяна вындер», редактором национальной страницы «Ялумд». С 2008 года – заместитель директора ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа». Редактор журнала «Пуношка», прозаик, поэт и переводчик. Автор книги «Тундровые радости Маймы» (2019).

Мари паба

Девочку зовут Майма, Маймако, в переводе с ненецкого – «радость». Майма любит своё имя, ведь так нарекла её бабушка, которую все зовут Мари паба¹. По-русски означает «бабушка Марина».

Семья Маймы живёт в Канинской тундре. В их стойбище пять чумов. Большую часть времени Маймако проводит со своей бабушкой.

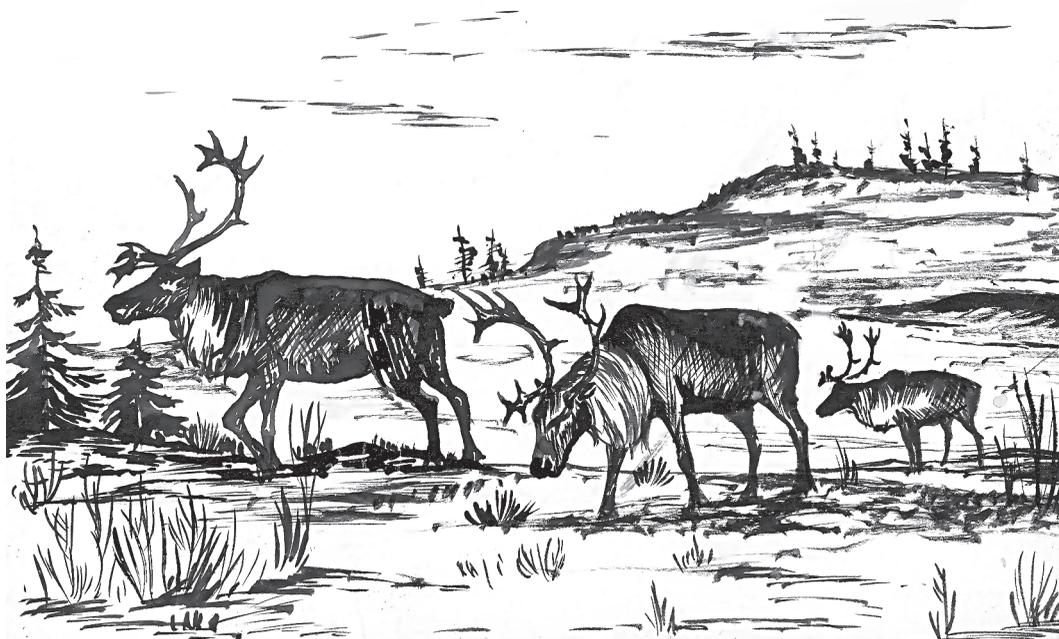
Её Мари пабе семьдесят лет. Долгими зимними вечерами под звуки соприкасающихся при шитье иглы и напёрстка, треска дров в печи бабушка рассказывает Маймако сказки и забавные истории о тех временах, когда она сама была ребёнком.

Вчера стойбище перекечевало на новое место. После сытного обеда – сегодня мама сварила девочкин любимый

гусиный суп – Мари паба с внучкой отправились в путешествие по окрестностям. Майма торопливо вышагивает рядом с бабушкой, совсем как взрослая. Бабушка не считает её маленькой, и девочке это очень нравится.

Вдруг из-под ног с шумом «Каб-каб-кабэв!» вылетает пёстрая куропатка. Майма с бабушкой от неожиданности вскрикивают и тут же успокаиваются. Майма смотрит на бабушкино лицо и видит – оно стало задумчивым. Девочка не спрашивает, скоро бабушка сама расскажет. Девочка ждёт. Мари паба медленно начинает свой рассказ: «Маймако, а ты знаешь, когда я была неболь-

шой, как ты, у меня была подруга, которую звали Тиртяко».

Майма удивляется: «Пабов»², ведь тиртя – это птица. Твоя подруга была похожа на птичку?» Мари паба закивала: «Да-да, ты права, она действительно напоминала птичку хабэвко, которая только что вылетела из-под наших ног. Когда она родилась, бабушка сшила для неё красивую пёструю паничку. В своём новом наряде она была похожа на куропаточку. И как-то само собой родилось её имя. Так малышка стала Тиртяко. А когда у неё появились свои дети, её звали Тиртяне».

«Бабушка, мне нравится имя твоей подруги. А как звали тебя?» – спрашивает Майма, увлечённая очередной историей. «Меня звали Сэрне³. Я родилась, когда в тундре царствовала зима. Да и волосы мои были светленькие-светленькие. Вот и назвали Сэрне, по-русски – «белая женщина».

Майма прыгает около своей бабули и смеётся. Надо же, она всегда думала, что у бабушки волосы раньше были чёрными, как у мамы и у неё самой. А Мари паба, оказывается, когда-то была беленькой девочкой и звали её совсем не так, как теперь. Удивлению Маймы не было предела. Вот ведь как бывает, у бабушки было и другое имя. Когда-то её звали Сэрне!

Они присели у озера с высокими берегами. Мари паба развела на угоре костёр и поставила чайник. На припасённое полотенце положила конфеты, баранки и галеты. Бабушка с Маймой ждут, когда вскипит чайник, и смотрят на синюю рябь озера. Легкий ветерок колыхает прядку седых бабушкиных

волос. Бабушка грустно вздыхает и произносит: «Да, прошли те времена, когда детям давали ненецкие имена. Говорят, что это теперь не модно. Конечно, это не важно, какое имя тебе дали, самое главное – стать настоящим человеком». Майма касается ладошками родного бабушкиного лица, затем обнимает её. Как она любит Мари пабу! «Бабушка, а давай ты будешь звать меня, как ту девочку, Тиртяко». Бабушка в ответ смеётся и говорит: «Тиртяко, скорее собираемся в стойбище. Нас там уже заждались. Твоя мама все глаза, наверное, проглядела».

Назад в стойбище Майма бежала впереди бабушки. Собаки с весёлым лаем бросились ей навстречу. «Небёв»⁴, Мари паба дала мне новое имя. Теперь у меня два имени. Зовите меня Майма и Тиртяко». Мама берёт девочку за руку, и они подходят к отцу: «А Маймако-то нашу зовут теперь Тиртяко. Правда, ей это имя очень подходит?»

«Действительно, ну чем не та куропатка, что с утра летает и кричит около нашего чума», – смеётся отец. Тут подходит бабушка, и мама зовёт всех пить чай.

¹ Мари паба (нен. яз.) – бабушка Марина.

² Пабов" (нен. яз.) – бабушка (так обращаются к бабушке дети).

³ Сэрне (нен. яз.) – имя собственное женское (так бабушку Марину звали в детстве; традиционно у ненцев могло быть по два имени).

⁴ Небёв" (нен. яз.) – мама (так обращаются к маме дети).

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Владислав Бусов, г. Кашира, Подмосковье

Владислав Сергеевич Бусов родился 20 сентября 1946 года в Мариуполе. Сочинитель поэтических сборников «Библиотека современной поэзии» (Москва), «Серебро слов» (Коломна), альманаха «Золотое перо Московии». Публиковался в литературных журналах «Александръ», «Поэзия», «Бийский Вестник», «Причал». Лауреат областного литературного конкурса «Звёздное перо» им. Георгия Кольцова. Член каширского литобъединения «Зодиак» с 2015 года.

Фантастическая палитра восьмистиший

* * *

Клубами розового дыма
Восходит солнце на востоке.
Как зверь лесной, слегка пугливый,
Оно трепещет нежным оком

И посылает норду вызов,
Где блеск свинца ещё неясный,
Где сполохи полярных взрывов
В противоборстве тихо гаснут.

* * *

Солнце вышло из-за туч,
Тёплый дождь ушёл за реку.
Семицветный арки луч
Расписное выгнули веко.

Лес берёзовый дрожит
Мокрым листиком зелёным.
Капли падают с ланит,
Щебет птиц неугомонный.

* * *

В лучах заката пламенеют
Багряных клёнов кружева,
На обезлюдевших аллеях
Шуршит опавшая листва.

* * *

И живописную картину
На невесомом полотне
Рисует осень кистью зримо –
Прощальной красоты пленэр.

Кап да кап, по крыше дождь –
Барабан поры печальной.
Трепетная листьев дрожь,
Журавлиный клич прощальный.

* * *

Висит над лесом медный таз,
В морозном мареве висит.
Пока ещё он не погас
И крепок воздух, как нефрит,

За ненастьем вдруг придёт
На неделю бабье лето.
Красочный его приход
Будет в золоте воспетый.

Еловых веток бахрома
Нас хвойным запахом поит
И служит пищей для ума:
«Жив будет хоть один пиит».

* * *

Низкое солнце за рощей садится,
Стали короче ноябрьские дни.
На горизонте пылает зарница,
В небе вечером заката огни.

И замерзает в предзимье округа,
Полнится гулом берёзовый лес.
Поздняя осень – ненастью подруга,
С северным ветром гуляет окрест.

* * *

Как быстро отцветает вишня,
За ней черёмухи черёд.
И с Божьей благодатью свыше
И яблоня в саду цветёт.

* * *

Все реже лес,
Струится сизый дым.
Сверкает крест
Отливом золотым.

И лепестковая закружит
Метель, срывая белый цвет,
И зимнюю напомнит стужу
Ушедших безвозвратно лет...

Лебяжий пух
Слепящей белизны.
Гортанный звук –
Прощанье до весны.

* * *

Мне рисует на стекле
Сказочный узор Морозко.
Не увидеть в снежной мгле
Окоём зимы неброский.

* * *

Торжественной шеренгою
В лесу стояли ели,
И с утреннею негою
Соловухи запели.

Заметёт тропинки все
Круговерть в лесу и в поле.
Заискрится в вихре снег,
Из тенёт сбежав на волю.

Клубился пар над речкою,
Туман висел в дали.
Всходило солнце свечкою,
Лужайку озарив.

* * *

Серьги с берёз облетели,
Лето спешит за весной.
Вместо звенящей капли
Трель нарушает покой.

* * *

Крона старого вяза,
Удлиненная тень.
До краёв, словно ваза,
Переполненный день.

Солнце восходит так рано,
Будит поля и леса.
Колоратурным сопрано
Песню поют небеса.

И прощается солнце –
Ореол золотой
Отражается в кольцах
Хрустальной вазы той.

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Надежда Доронина

Хейкки и дух соснового бора

*Светлой памяти Хейкки
с Ниинисаари*

Это произошло много лет назад, в начале шестидесятых годов мрачного двадцатого века. Очень тихая история, в которую сложно поверить утратившим веру в необычное, далёкое от повседневности.

Хейкки было тогда двенадцать лет. Внешне он ничем не отличался от других финских мальчишек. Довольно высокий, крепкий. Русые растрёпанные волосы, глаза цвета воды из глубокого чистого озера. Хейкки больше нравилось общаться со взрослыми, чем со ровесниками.

Он хорошо учился в школе, но никак не мог определиться, кем стать в будущем. Может быть, полицейским? Достойная зарплата и уважение людей. Поддержание порядка в обществе! А всё-таки скучновато...

Нет, футболистом быть лучше! Восхищение болельщиков, поездки в другие страны на чемпионаты... Но если команда проигрывает? И часто. В таком случае это очень скверно.

Можно стать водителем автобуса. Хорошая профессия. Только однообразная. И бывает, что приходится работать даже ночью.

Парень ломал голову, а мать его утешала:

– Не волнуйся, сынок. В один прекрасный день ты найдёшь своё особенное предназначение!

Так оно и случилось. Внезапно. Закончился Юханнус, праздник в честь летнего солнцестояния. Хейкки ока-

зался в маленькой финской деревне, в гостях у деда и бабушки, которых очень любил. Они всегда радовались появлению внука. Он помогал старикам по хозяйству, играл и бегал вместе с рыжим псом Йиво.

– Хозяйственный внук у нас! – восклицал дедушка.

И просил внука набрать воды в большое ведро, помочь в огороде или подоить корову.

За старания Хейкки был щедро вознагражден бабушкиными угощениями: рыбным пирогом – калакукко, горячей картошкой с солью, маслом и укропом, свежей клубникой, ржаным печеньем.

Как-то вечером, когда небо окрасил закат редкой красоты, Хейкки в одиночку пошёл в сосновый бор. Он собирался искупаться в лесном озере.

На своей любимой полянке он увидел пустые банки из-под пива Koff, жестянки от консервов и окурки. Кто-то бурно отметил Юханнус. Насвинячили на природе. Жгли костёр в неподобающем месте.

Хейкки страшно возмутился.
Пришлось вернуться в дом, попросить у бабушки пустой пакет.

Хейкки довольно быстро собрал мусор и выбросил пакет там, где было положено это делать, – в большой бак на окраине деревни.

Потом искупался в чистом прохладном озере – Хейкки мечтал об этом целый долгий день.

Когда он выбрался из воды, то вдруг услышал тихий, приятный голос:

– Эй, парень! Я хочу тебя поблагодарить за уборку в моём бору!

– Кто ты? – вздрогнул Хейкки от неожиданности.

– Дух. Обитаю тут сотни лет.

Хейкки понял, что голос доносится из ствола высокой сосны. Улыбнулся.

– Рад помочь, – сказал он и даже поклонился.

Неужели сказки бабушки, которые мальчик слушал в детстве, – правда? Лесные духи и домовые – тонту существуют!

– Проси у меня один дар, которым хочешь обладать, – торжественно произнёс дух.

Хейкки немного задумался и потом радостно воскликнул:

– Надели меня способностью создавать нечто великолепное, а? Можешь?

Дух, похоже, немного смутился, но ответил:

– Хорошо, но что именно?

Мальчик вспомнил деревянные коттеджи неподалёку от деревни, около озера, где ему так нравилось купаться. Горожане с удовольствием селились там летом. Их не смущало то, что сооружения из простых брёвен были довольно неказисты. Главное – пейзажи вокруг! Заглядение! Растворение в природе.

– Дух, я хочу строить коттеджи. Но красивее, чем те, которые возвышаются на другом берегу озера! Я буду очень стараться!

Дух соснового бора издал звук, похожий на смех:

– Хороший выбор. Да будет так! Ты теперь сможешь определять, какая древесина – самая лучшая. Только долго, упорно учишься, мальчик...

– Папа, я наконец решил, кем хочу стать, – сказал подросток отцу, когда вернулся из деревни.

– Интересно, и какую же профессию ты выбрал?

– Буду строить коттеджи. Деревянные. Полицейские, футболисты, водители автобусов – люди хорошие, но

они ничего не создают, понимаешь?

– Светлая у тебя голова, – впечатлился отец. Он прекратил на мгновение смотреть футбольный матч по телевизору. – Имей в виду, строителю надо долго и старательно учиться.

– У него всё получится, – вступила в разговор мать. – Золотые руки! Совсем как у дедушки. Табуретку нам починил именно Хейкки.

Дух сдержал обещание.

Летели годы, Хейкки с отличием окончил школу, а потом – техникум. Стал строителем, и очень многие удивлялись, насколько хороши созданные с его помощью коттеджи. Они напоминали домики из волшебных сказок!

Хейкки довольно рано и очень удачно женился. Его второй половиной стала хохотушка Паула, очень бодрая и умная, умеющая превосходно готовить.

Так случилось, что пара переселилась на остров Ниинисаари в финской Карелии. Совсем недалеко от маленького городка под названием Пуумала.

К огромному сожалению родных и всех близко знавших Хейкки людей, он оставил этот мир в мае 2019 года. Но остались построенные им коттеджи с романтическими названиями... Их много. Аапола, Хессула, Каллиола, Коткала, Луотола, Лахтела, Рантала, названный в честь любимой жены – Паулала и другие. У туристов, желающих отдохнуть на Ниинисаари, прекрасный выбор. Паула трепетно хранит память о муже. И где-то неподалёку от Пуумалы до сих пор слушает вой ветра дух соснового бора. Там больше нет никакого мусора, кстати. Хейкки был бы очень рад это узнать!

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Юлия Тликенфрейд СТИХИ

***

Скрип качели за окном,
Капли дождевые.
Я пишу, борюсь со сном –
Мысли чуть живые.

Мне бы лечь, закрыть глаза,
Сон цветной увидеть...
Грохот – летняя гроза,
А за нею ливень.

И вода течёт ручьём
По дорогам пыльным.
Ей, воде, всё нипочём –
Бьёт потоком сильным.

Дождь слабеет, первый луч
Облако пронзает,
И на небо из-за туч
Солнце выползает.

Льёт лениво тёплый свет,
Греет наши лица.
Я стихи пишу в ответ –
Всё равно не спится.

***

Мы опять с тобою говорили –
Снова говорили ни о чём.
Так. Без напряжения, без усилий,
Проводя ладонью над свечой.

Мы давно друг другу всё сказали.
То, что не сказали, будет ложь.
Друг о друге ничего не знали,
А теперь и мимо не пройдёшь.

Не пройдёшь
и не опустишь взгляда,
Каждый жест понимаешь,
каждый звук.
И беседы наши, как обряды, –
Ритуалы выстроены в круг.

Мы опять с тобою говорили –
Так... о том о сём... о ерунде.
А потом молчали и курили,
Провожая кольца в темноте.

***

Дети – удивительные люди!
Их порою сразу не поймёшь.
Мы их любим, бесконечно любим:
Приласкаешь, с нежностью прижмёшь.

Как же не обнять тебя родного?
Как по волосам не потрепать?
Роста ты большого-пребольшого,
Свысока теперь глядишь на мать.

Только спишь по-прежнему ребёнком –
Щёчка от подушки с полосой,
Также долго тянешься спросонку
И на кухню топаешь босой.

И ловлю я каждое мгновение –
Хочется мне детство удержать.
И в своём безудержном стремлении
Забываю, что нельзя обнять.

Нет любви моей конца и края,
Всех на свете чувств она теплей.
Чтобы ощутить кусочек рая,
Чаще обнимайте сыновей!

***

Ну вот опять я, как всегда,
Тебя не вижу и не слышу,
Бреду неведомо куда,
Люблю тебя и ненавижу.

Люблю прямой и нежный взгляд,
Люблю улыбку неземную,
Люблю, когда глаза горят
От ожидания поцелуя.

И пусть обидные слова
Напрасно брошены тобою.
Увы, я тоже не права,
Но снова я готова к бою.

Я буду драться за тебя,
За ту судьбу, что мне досталась.
Тебя по-прежнему любя,
Я с каждым в жизни расставалась.

Я расставалась с каждым тем,
Кто нас оклеветать пытался,
Перебирая сотни тем,
Кто над тобою насмеялся.

Их больше в жизни нет моей,
Нет горьких шуток, нет ухмылок.
Да и тебя уж сотни дней
Здесь нет, но это было, было...

И ненавидеть не могу,
Да и любить кого – не знаю.
Один лишь стих, одну строку
Шепчу: «Люблю и проклинаяю!»

***

Вечер. Всё темнее и темнее.
Я бреду под лунным фонарём.
И закат на западе алеет,
Ярким светом заливая дом.

А наутро тёплое дыхание,
И рябины свежий аромат,
И в любви наивное признание,
Просьба отвести пытливым взгляд.

И дыхание чаще, чаще, чаще,
И словами ритм руководит,
И совсем я, видимо, пропащий,
И рябины запах так пьянит.

***

Как трудно делать первые шаги
И в страхе самому себе признаться.
А если пред тобою не враги?
Кем быть тебе? И кем тебе казаться?

И сколько бы
    молчание не лилось,
Ведь кто-то
    не удержит слово
        первым.
А если речь сдержать не удалось,
Жест вырвется,
    но будет кем-то прерван.

***

Женское счастье пишу на бумаге:
Рост, и характер, и шпоры, и шпаги.
Только начнёшь перечитывать строки,
Чувствуешь ноты тоски и тревоги.

Где это счастье? Ну где оно бродит?
И почему же ко мне не заходит?
Только чего же ко мне заходить –
Вместе ни выпить, ни покурить.

Шпаги и шпоры ржавеют в кладовке,
Рыцарь в автобусе без остановки.
Трапезе в полночь себя посвятит,
Хлопнет сто грамм, отвернётся и спит.

Как ни рисуй ты его на бумаге,
Нет ни коня, ни седла нет, ни шпаги...

***

Я учусь не разбираться в лицах,
Я хочу не видеть и не знать,
Что в душе у каждого таится,
Что готов от каждого скрывать.

Я мечтаю никогда не видеть,
Как меня обманет лучший друг,
Как меня заставит ненавидеть
Ложь и зависть «преданных» подруг.

Я хочу вам верить, но не верю.
Я любить хочу, да не люблю.
Я стою и слушаю за дверью:
Не вхожу, не плачу, не грублю.

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Антонина Косачёва

Апельсины для Фёдора, или Житейская мудрость

Они расстались в это горячее летнее утро почти как враги. Виктор уехал на свою базу на несколько минут раньше Марины, даже не предложив подбросить её до офиса. Просто молча хлопнул дверью и вышел.

День был испорчен, всё валилось из рук. Марина, хоть и встала рано, не успела ни позавтракать, ни накраситься. Кинула косметичку в сумку и побежала на службу в надежде, что обязательно выкроит минутку, чтобы привести себя в порядок.

Но такой минутки у неё не оказалось. Должность бухгалтера строительной фирмы, хоть и в райцентре, о чём-то да говорит. В разгар лета объектов было много, и не только в родном районе.

Едва Марина переступила порог кабинета, как её тут же вызвал к себе начальник и попросил сделать смету ремонта детского сада, а заодно и водопропускной трубы рядом с ним.

Слушая монотонный голос шефа, Марина растерянно повторила:

– Да-да.

– Что с вами, Марина Николаевна? – участливо спросил начальник, глядя на бледное лицо сотрудницы. – Вы, случайно, не заболели?

– Нет-нет, Сергей Львович, у меня всё хорошо. Спасибо.

Сказала, а самой хотелось крикнуть: «У меня всё плохо! Я с мужем поругалась!»

Глупости, конечно! Она никогда так не сделает. Да и кому нужны чужие проблемы?

Марина вернулась на рабочее место, включила компьютер, разложила на столе нужные папки и бумаги. Надо приниматься за смету, а квартальный отчёт пока подождёт. Но цифры не шли на ум: недавняя ссора с Виктором не выходила из головы.

«Какой упрямый! Какой мелочный, злопамятный человек! – думала она о муже. – Надо же, вспомнил события столетней давности! На себя бы посмотрел!.. Пусть скажет спасибо, что я из него человека сделала».

Собственная жизнь казалась исковерканной, брошенной под колёса КамАЗа. Слезы выступили на глазах.

А началось всё с безобидного пустяка. Накануне вечером позвонил сын Игорь и поделился успехами в учёбе и спорте – он учился в кадетской школе-интернате. О звонке Марина рассказала Виктору уже утром: он поздно с работы приехал – умылся, поужинал и сразу лёг спать. Заодно и про дочку Юлю вспомнила, что, мол, у той в университете всё отлично. Юля углубленно изучала английский, в числе лучших студентов ездила на стажировку в Америку, сейчас готовилась к защите диплома.

– Молодцы! Нашими детьми можно гордиться! Я рада, что они переняли мои качества – целеустремлённость и упорство.

Виктора как будто шилом кольнули, он сразу вскинулся:

– Так, значит, всё хорошее у них от тебя, а плохое от меня?

– Не передёрывай, пожалуйста. – Марина поморщилась. – Надеюсь, в наших детях нет ничего плохого. Как ты можешь так про них говорить?

– А ты как можешь так говорить?

– Как?

– Мать, ты себя слышишь? С твоих слов получается, что я вообще никчёмный человек.

– Я этого не сказала. Но ты же сам про себя всё знаешь.

– Ты на себя посмотри. Что у тебя на первом плане – семья или что другое? – Виктор уже был явно на взводе.

Марина тоже закусилась удила.

Раньше она старалась не упрекать мужа в том, что в молодости он бросил институт, увлекался спиртным и из-за этого часто оставался без работы. Что ей самой пришлось перевестись на заочное отделение и пахать, как проклятой, чтобы прокормить семью – тогда уже Юлька родилась.

Но сейчас взяла и высказала ему всё. Припомнила и его непонятные отлучки из дома, особенно дежурства в ДНД – добровольной народной дружине. Как потом выяснила Марина, эти дежурства выпадали только раз в месяц, а у Виктора они могли быть по несколько ночей подряд.

Марина понимала, что её понесло, но остановиться уже не могла. Виктор тоже в долгу не остался, предъявил свои счета. Там были и Маринины сессии, и курсы повышения квалификации, и санаторно-курортное лечение, и частые задержки на работе. В общем, любит где-то болтаться, лишь бы дома не быть.

– Да я годовой отчёт делала! – возмутилась Марина.

– С Сергеем Львовичем? – ехидно спросил Виктор. – Знаю я ваши отчёты.

Но это уж слишком! Дальше некуда! Да он что, не понимает, что её ценят начальство и коллеги, что она хорошо зарабатывает, платит кредит, чтобы учить детей! Всё это Марина выкрикнула Виктору в лицо, а он при этих словах как-то странно на неё посмотрел.

Сейчас, сидя в своём уютном кабинете, Марина заново переживала утреннюю сцену, пытаюсь понять, почему так произошло.

«Всё, хватит, – попробовала она успокоить себя, – помиримся». Хотя сложно представить, как это сделать. Так далеко они с Виктором ещё никогда не заходили.

На душе было горько.

Но... горюй не горюй, а работу делать надо. И Марина погрузилась в цифры. К обеду с заданием шефа управилась.

После обеда ей надо было сходить

в Пенсионный фонд, в администрацию района, в казначейство. Бумаги, бумаги, бумаги...

Только в конце рабочего дня принялась за квартальный отчёт. Но время летит быстро, уже слышно, как уборщица Наташа гремит ведром, стучит шваброй.

Жаль, почти ничего не успела. Может, остаться ещё поработать? Вспомнив упрек Виктора, засобиравшись домой. Взяла сумочку, запихнула туда папку с отчётом – дома доделает.

Подойдя к зеркалу, грустно констатировала:

– Не накрашенная!

Домой решила идти пешком: надо хоть немного развеяться.

Возле рынка, прямо у самого входа, Марина увидела, что с машины торгуют фруктами. Подошла поближе. Волнующий аромат напомнил детство, то незабываемое время, когда они с бабушкой ездили к её сестре в Джамбул и покупали апельсины на восточном базаре. Там на длинных прилавках горами лежали разные фрукты. Но бабушка выбрала именно апельсины. Тогда Марина их впервые и попробовала.

Здесь всё было упаковано в сколоченные из рейки ящики. Сквозь щели одного из них пробивался оранжевый цвет любимого лакомства.

– Мне килограмм апельсинов, – сказала Марина.

Продавец взвесил, получилось как раз пять штук. Большие, тёплые, с удивительным запахом, апельсины магически подействовали на Марину. Она вдруг успокоилась. Зашла в продуктовый магазин, купила ещё кое-что к ужину. Но всё равно продолжала прокручивать в голове ссору с мужем. И так и сяк на неё смотрела, пытаюсь понять, почему Виктор взрепился.

Уже почти полпути прошла, когда увидела эту бабушку. Могла бы и не заметить, пробежать мимо: старушка сидела поодаль от тротуара – прямо на земле, под тополем, спасаясь в его тени от палящего солнца.

Прохожие торопились по своим делам, никто на бабулю внимания не обращал. А она уместилась поудобнее и ножки вытянула. Возле себя поставила полную кошёлку, рукой придерживает, чтобы та не упала. Сама в тёмном ситцевом платье с длинными рукавами, на голове белый платочек. Лицо доброе, глазки выцветшие, бледно-голубые. Ну, чисто божий одуванчик!

Марина к ней с вопросами:

– Бабушка, что случилось? Вам помочь?

– Не надо! Я ж просто отдыхаю! Вот отдохну и пойду дальше.

– А почему вы не на автобусе?

– А ты почему не на автобусе?

– Я люблю пешком ходить.

– Так и я люблю!

И старушка рассмеялась. Марине она показалась забавной. Надо же, ей, наверное, уже под восемьдесят, а такая живая. И доброжелательная!

Захотелось сделать бабушке что-нибудь приятное, и Марина достала из сумки апельсин.

– Возьмите, это вам.

– Вот спасибо! Ах ты, какой красавчик, прям как солнышко! Я его Фёдор отдам.

– Это ваш внук?

– Да нет, старик мой.

Марина даже немного опешила от её слов.

– Что же вы со своим стариком как с ребёнком! Сами съешьте!

Но та ни в какую – отдам Фёдору, и всё. Марина улыбнулась:

– Тогда держите второй – себе.

И протянула ещё один апельсин. Старушка взяла.

– А что, старик, наверное, очень хороший? Поди, у вас до сих пор любовь? – Марина лукаво посмотрела на бабушку.

Но та отмахнулась:

– Кака любовь?! Пьёт, паразит!

Марина так и ахнула:

– Да вы что? Неужели?

Как-то это не вязалось с тем, что минутой раньше говорила бабуля. А она тут же принялась защищать своего старика:

– Ты не подумай ничего плохого, он у меня не запойный, нет! Ну, бывает, выпьет когда. А ему нельзя, желудок у него больной. Вот теперь в больнице лежит.

– Так это вы ему сумочку собрали?

– Ему, конечно же! А кому ещё? Ну, всё, отдохнула маленько, пойду дальше.

Марина помогла бабушке подняться, и они попрощались.

Странное дело, весь оставшийся путь весёлая старушка не выходила из головы. Марина не была уверена, что та второй апельсин оставит себе. Какая самоотверженная! Всё для старика, лишь бы не болел!

Марина не могла представить, что эта бабушка пилит своего мужа, упрекает в старых грехах, доказывает, какая она хорошая. Нет, она просто заботится о нём и, наверное, многое прощает.

И сразу пришла другая мысль, очень простая: «Апельсины для Фёдора! Вот она – житейская мудрость! Как же труд-

но современным замужним женщинам быть... за мужем. Он первый, а ты уже за ним. Оступился – поддержи! И... надо уметь прощать!»

«А у меня апельсины будут для Виктора!» – к такому логическому заключению пришла Марина. И так ей легко сделалось на душе, что захотелось тут же увидеть мужа.

Виктор был дома. Марина прямо с порога радостно сообщила ему:

– Витя, ты представляешь, какие я апельсины купила – как в моём детстве. Такие солнечные! Хочешь попробовать?

– Купила – ешь, – буркнул Виктор и вышел.

Марина стояла обескураженная. Все её надежды на примирение рухнули. «Какой чёрствый человек! Сухарь!» – других мыслей не было.

Она видела в окно, как Виктор подкатил прицеп к старенькой «Тойоте», положил в него литовку и грабли – поехал косить сено для своих кроликов.

«Ну и поезжай! А я буду одна дома, мне так лучше», – казалось, что это не она, а кто-то другой за неё думает.

На столе сиротливо лежали три апельсина – три солнышка. Житейская мудрость дала холостой ход.

Через два часа Виктор вернулся. В прицепе у него возвышалась солидная копка сена. Прежде чем начать его разгружать, он зашёл в дом.

– Держи, это тебе, – и Виктор протянул Марине букетик полевой клубники, перевязанный стебельком.

У Марины перехватило дыхание: именно так, в букетиках, ей в детстве привозил клубнику отец. А теперь вот Витя! Значит, он тоже переживал из-за этой дурацкой ссоры. Конечно переживал!

Марина прижалась к небритой щеке мужа. Житейская мудрость всё-таки работала!

ЖИВЫЕ СТИХИ

Анна Самойлова

***

Одноклассники уходят без прощальных,
пышных фраз.
Одноклассники уходят, молча оставляют нас.
Оставляют, оставляют, оставляют в тишине.
Одноклассники уходят, растворяясь в вышине.

Закрывают тихо двери, мол, спешить не надо всем.
Одноклассники уходят навсегда и насовсем.
Расстаёмся не прощаясь, повторяя имена.
Одноклассники уходят, оставляя память нам.

***

Пока ещё несколько дорожки –
Лишь первый снег кружится над землёй.
И мягким росчерком, совсем нестрогим,
Я город вижу в дымке снеговой.

Вот ручейки бегут по водостокам,
Тут листья сбились в луже, на краю,
Рябина, налитая алым соком...
А я акын – что вижу, то пою.

А как не петь «очей очарование»,
Коль небо белое и город мой под ним?
Врастают в небо, как вершины, здания,
И я в снегу – заблудший пилигрим.

Но снег пройдет, и голубые окна
Откроются среди белых облаков,
И отразятся светом в лужах мокрых,
И миг запишут в летопись веков.

Люкисая Нарьян-Мар

Солнце разлилось и не соберётся пока.
Сердце моё остаётся в суровых снегах –
На снегоходе летит в низовую метель.
Где ж ты, сияние, где обитаешь теперь?

Светишь кому ты и чьи исполняешь мечты?
Я улетаю домой. Улетаю. А ты?
Ветер прогнал облака, чтобы видела я:
Тундра под крыльями ловит прощальный мой взгляд.

Сколько имен у её заполярных снегов?
Сколько имен у ветров? У крутых берегов?
Дяденька-идол, исполни желание моё:
Дай мне ещё раз услышать, как север поет.

Дай мне услышать, чтоб никогда не забыть...
Я оставляю полярную ночь позади.
Вот оно, солнце! Взошло. И скоро мой дом.
Но почему, почему же так сердце щемит?..

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Маргарита Цвлева (Машина) СТИХИ

***

Хмурое небо,
Серые тучи.
Дождик так капает,
Мне так не лучше.

Осень на сердце,
Ветер уносит
Мысли о лете
«Куда?» и не спросит.

Мы не чужие,
Признайся же в этом!
Было так глупо
Расстаться. Так слепо!

В объятия хочется...
Хоть на мгновенье!
Но листья опали.
Выходит – забвеньё.

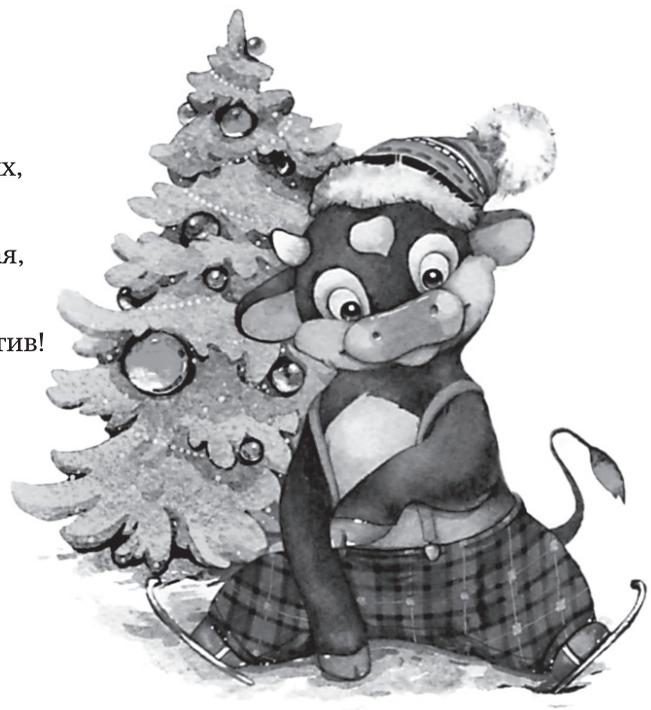
Полосатая жизнь

Жизнь – она полосатая,
Жизнь – она не чёрно-белая.
Никто из нас не виноват,
Никто из нас «не прогорел», ведь
То, что мы видим и слышим в других,
Есть отражение нас самих.

Жизнь – она разная, вкусная, сладкая,
Горькая, пошлая, низкая. Гадкая?
Перенастроиться нужно на жизнь!
Жизнь – это кайф и сплошной позитив!

Твои глаза

Твои глаза
Горят лишь для меня.
С ума схожу я, глядя в них.
Ты – сумасбродный. Я – артистка.
И наша без конца и края переписка
Останется в истории.
Мы так похожи.
Отбросив страх, признание лови –
Пишу тебе сегодня нежно о любви...

К маме

Я с детства привыкала к красоте байкальских гор.
Как в лес таёжный осенью ходили, помнишь, мама?
Как славно было там, где вместо витражей –
В ритме фокстрота двигались верха лесного храма.

Ночь под дождём в палатке, комары пищат.
Отец сухих поленьев в наш костер подбросит.
И в воздухе листов смородины прекрасный аромат
Объятая чая крепкого разносит.

Порой мне снится озеро, оно – как голубой магнит!
Притягивает и таит в себе загадку...
Устав, немногочисленный город спит.
Вокзал-корабль, к тебе спешу я на посадку.

Мы вместе выстроили замок из песка,
На берегу... Как жаль, что это лишь воспоминанья, мама!
В душе моей связь поколений глубока.
Ведь внучка я строителей – первопроходцев БАМа!

Я просто буду дальше петь

Уходят, оставляют не любя.
Мол, отгорело, всё остыло и забыто!
Мне нужен «кто-то», «где-то там» и сгоряча,
Я заблокирую тебя,
Чтоб поступление кислорода было перекрыто!

Не нужно сцен, истерик и страданий в трубку.
Достал, противен, не прощу!!!
Я просто буду дальше петь....
Да и, в конце концов, надену мини-юбку.
Уже на каблучках в объятия к другому я лечу!

Расставание

Каждый переживает по-своему расставание –
Горечь от мелких обид мучает,
А в овраге любви лишь тлеет твоё дыхание...
Захлёстывает ненависть.
Всё рухнуло.
Нет больше надежды, нет ожидания.

Я тебя допила до дна, ты перелистнул мою страницу.
Больше нам не встретится никогда.
Мы по две стороны корабля,
Две свободные птицы.

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Надежда Жигалова СТИХИ

***

Нечаянный гость

Гость негаданный, гость нечаянный
Заглянул ко мне на часок.
Угощу тебя, милый мой, чаем я,
А к нему подам сахарок.

Задушевно с тобою болтаем мы,
И беседа – как ручеек.
Почему же так таю, так таю я?
От тебя иль горяч чаёк?

Пролетают минуты отчаянно,
Миг разлуки уже не далёк.
Может, все же совсем не случайно ты
Заглянул на мой огонёк?

Может, просто об этом мечтаю я.
Долог вечер, когда одинок.
Ну а если на ночь останешься,
Сладок будет не только чаёк...

Осенняя грусть

Опять сентябрь роняет листья с клёнов,
И паутинки бабье лето ткёт,
И лес стоит уж не такой зелёный,
И птицы свой готовят перелёт.
Вновь я грущу об уходящем лете,
О буйстве красок, трелях соловья,
О самом лучшем времени на свете,
Когда сошлись в пространстве ты и я.

Через поле, через рощу
Убегает вдаль тропинка,
И по этой серой ленте
Я гоню велосипед.
Мне навстречу запах лета,
Он такой медовый, пряный.
Пахнет клевером и рожью,
И его вкуснее нет.

Я сижу, кручу педали,
Проезжая мимо рощи.
Вот за этим поворотом
Ждёт меня любимый сад,
Где растут принцессы розы
И красуются пионы,
Предлагая всей округе
Свой чудесный аромат.

Вот и шмель давно кружится
Над цветочным хороводом.
По нектарному он вкусу
Дегустатор ещё тот.
А на яблоневои ветке
О любви и о свободе,
Как волшебный колокольчик,
Птичка иволга поёт.

Закатать бы этот запах,
Эти звуки прямо в банку,
А зимой, когда ненастье
И когда нахлынет грусть,
Откупорить воздух летний
С ароматом трав цветущих
И услышать, как сквозь вьюгу
Лето шепчет: «Я вернусь...»

Шальная осень

Загуляла вдруг шальная осень,
Закрутив роман с бродягой летом.
Не было в прогнозах это вовсе,
Видимо, ошибка вышла где-то.

Весь сентябрь поэтому был жарким,
Страсть владыкой в нём была ночами.
Каждый день казался вспышкой яркой,
Позабылись холода с дождями.

Рощи и дубравы зеленели,
Краски были убраны до срока.
И летела за неделей неделя,
Лето не звала уже дорога.

Его осень нежно обнимала,
В её чувствах не было обмана.
И, счастливая, она не понимала,
Что не долговек у их романа.

В октябре заволновались птицы,
Стали собираться быстро в стаи,
Криками своими ворожили,
Полететь с собой кого-то звали.

И на зов тот лето востепенулось,
Поборов любовное томление,
С журавлиным клином потянулось
В дальние края без промедления.

Осень тосковала и грустила.
Так, казалось, счастье было близко.
Ветрами от горя в трубах выла,
Опускала тучи низко, низко,

Плакала холодными дождями,
Оголяла рощи и дубравы,
Птиц всех называла сволочами,
Ей хотелось мести и расправы.

Где-то в ноябре она остыла.
Поняла, зима не за горами.
Лето бесшабашное простила
И себя, умытую слезами.

Тут душа томиться перестала,
Одарила небо синевою.
Осень засмеялась и сказала:
– Как наивно быть такой шальнойю!

ЖИЗНЬ
ПРЕКРАСНАЯ
ШТУКА
КАКНИ
КРУТИ

Мы попали к разлуке в плен

Ты уходишь куда-то вдаль,
Все, что было, уже позади.
Не сложилось у нас, очень жаль.
Нас разлука ждёт впереди?

Говоришь, а в словах пустота,
Я смотрю, а в глазах нет любви.
И на улице днём темнота,
Дождик в лужах рисует круги...

Это серый, промозглый день
Настроение наше поймал.
Мы попали к разлуке в плен,
Это каждый из нас понимал.

Перекрыты назад все пути,
И обратной дороги нет.
Ты меня, если сможешь, прости.
И меня – прозвучало в ответ...

Случайная встреча

Ты теперь не так одинок,
Как когда-то тебе казалось.
Одна встреча, один звонок –
И всего-то. Такая малость.

Но от них в подарок тебе
Блеск в глазах и моя улыбка,
Летний вечер, луна в реке
И в траве кузнечика скрипка.

Ты в большой ладони своей
Нежно держишь мою ладошку,
Приоткрыли для счастья дверь,
Пусть и к нам зайдёт на немножко.

Одна встреча, один звонок...
Оказалось, совсем не малость,
Потому что от них тепло
На всю долгую зиму осталось.

Клубный дневник «НЕО-ЛИТ»

1. Зададимся вопросом: легко ли быть молодым?

Впрочем, давайте вопрос заострим: легко ли быть молодым литератором?

А ещё лучше, поставим вопрос ребром: легко ли быть молодым литератором и жить при этом на Алтае?

Нет, это не приглашение к экзистенциальной дискуссии. Да и желание утонуть в бесперспективных разговорах – отсутствует. Любая проблема решается не в разговорах, решение достигается практической деятельностью. Практика – вот достойный критерий истины. Так утверждал Карл Маркс, и с этим утверждением (сообщим, забегая вперёд) согласны молодые прозаики и поэты Алтая (надеемся, что зрелые – тоже).

А чтобы вышеназванная практическая деятельность имела необходимые компас и карту с маршрутами, паруса и попутный ветер в них – под крылом Союза писателей России создан Совет молодых литераторов.

Говоря конкретнее: «Совет молодых литераторов Союза писателей России создан для поиска, продвижения и творческого развития молодых писателей, а также для создания единого пространства современной молодой литературы».

Большое дело, важное дело!

Мало сказать: «Молодым везде у нас дорога» – в пути нужны ориентиры! Помощь в становлении, обучении и продвижении.

И в Барнауле теперь есть собственное отделение Совета молодых литераторов. Живёт, работает, укрепляет свои ряды.

2. Космос – таинственное и бесконечное пространство. Таинственное в своей непостижимости и бесконечное – в недостижимости.

Но, как говорится, нет ничего невозможного для человека с интеллектом.

И вот, опережая ещё не придуманные наукой космические корабли (что смогут совершать полёты не только в ближний космос), к далёким галактикам устремляется неудержимая мысль писателя-фантаста.

А мы – читатели, двигаясь следом за автором, становимся свидетелями жизнеутверждающего, полноценного диалога человека и космоса. Человек – он и в космосе человек.

«Сказки для детей!» – скажут предсказуемые скептики.

«Ну почему только для детей?! – возражим мы. – И для взрослых тоже».

«СВиД» – «Сказки для Взрослых и Детей», именно так называется некоммерческий проект (запущен в жизнь в 2005 году), занимающийся созданием аудиокниг на основе текстов преимущественно художественных жанров.

И победитель 2020 года – наш неолитовский автор Кристиан Бэд с рассказом «Место, где падают деревья».

Достойная победа Кристиана Бэда – человека не только с интеллектом, но и с безу-

словным литературным даром. А иначе в таких конкурсах, как проведённый на новом портале «Литмаркет» конкурс рассказов в жанре «Космоопера», и не побеждают.

Рассказ «Место, где падают деревья» опубликован в тринадцатом номере «Фантастической среды», а теперь – будет и аудиокнига.

Имеющие глаза – да увидят, имеющие уши – да услышат!

3. С научной точки зрения жизнь – это движение в одном направлении: детство, взросление, зрелость... Без права повторить пройденное.

Но человек способен вернуться в детство. И это не сказка – человек возвращается в детство, когда становится мамой или папой, а позже дедушкой или бабушкой.

А ещё – решившись стать детским писателем, то есть мамой, папой, дедушкой и бабушкой одновременно. В переносном смысле, конечно.

Возможно, кто-то скажет: «Ну, это уж чересчур! Даже и в переносном смысле...»

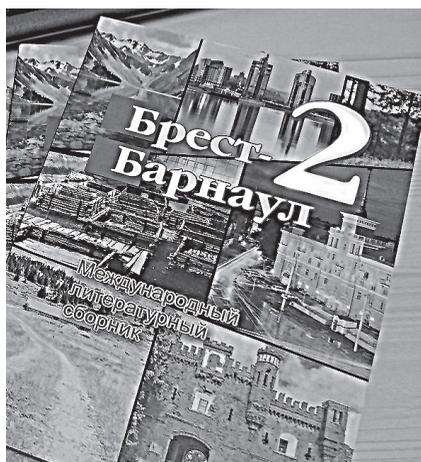
Но как утверждает наша Женя – Евгения Чернова-Гармс (ссылаясь на авторитетное мнение Корнея Ивановича Чуковского) – в детской литературе ничего не бывает чересчур! А в доказательство Женя приводит знаменитую фразу Корнея Ивановича: «Для детей надо писать так же, как для взрослых, только лучше».

Что значит: писать толково, тонко, точно. По максимуму!

И не случайно, что Женя, пройдя непростой конкурсный отбор (из 154 заявок была отобрана 31), стала участницей XII Всероссийского фестиваля молодых писателей «Как хорошо уметь писать!», проходившего с 9 по 11 октября в Санкт-Петербурге, в Доме детской книги.

Слово самой Жене: «Вернулась с фестиваля с чувством благодарности. Организаторам, мастерам, коллегам, Питеру. А ещё моей наставнице и редактору Анне Александровне Самойловой за писательское «воспитание» и поддержку на этом пути! Мою рукопись о носках-сыщиках хвалили и критиковали. Мастерам фестиваля повесть понравилась! Я краснела и всё записывала на диктофон. Кусочек, который переслушиваю: «Замечательная вещь получилась. Такой мир создан, из которого не хочется выходить. Это ярко, динамично, с характером!» Произведения нескольких участников опубликовали в журнале «Костёр». Меня тоже. Да, ещё по итогам издали сборник с произведениями участников».

Так держать, Женя, так держать!

4. В узких, но довольно просвещённых кругах принято считать Барнаул столицей мира. Утверждение не бесспорное.

А вот то, что Барнаул в области литературы город мирового значения, – сомнений не вызывает.

Тому есть подтверждения.

Вышел в свет второй выпуск альманаха «Брест – Барнаул 2» – и это событие, безусловно, международного масштаба. Точнее сказать, международно-литературного.

И раз есть второй выпуск – значит, это уже добрая традиция.

Барнаул (в общем-то условный Барнаул, мы ведь не страдаем столичной фанатией) в альманахе представил девять авторов – интересных и разных.

Впрочем, насколько они интересны, пусть судит читатель. Мы же назовём имена тех, кто представляет литературу Алтая на международной арене.

Елизавета Селиванова – несмотря на школьный возраст, пишет вполне «по-взрослому», о чём свидетельствуют победы в литературных конкурсах.

Аржан Салбашев – тоже только начинает свой путь в литературе, но делает это уверенно и достойно.

Елену Вознюк, Ларису Торощину и Яну Изотову с полным правом можно назвать постоянными авторами альманаха – они костяк и первого, и второго выпусков.

Наталья Гриневиц – поэт и прозаик с большим кругом читателей (и почитателей).

Борис Бондарев и Ольга Такмакова – члены Союза писателей России и в рекомендациях не нуждаются. Они задают в альманахе планку качества.

По сведениям из достоверных источников, и российская, и белорусская сторона сотрудничество прекращать не собираются.

Р. С. Альманах «Брест – Барнаул» не единственный международный проект. Но один из самых важных и добросердечных.

5. Нет ничего удивительного, что действительность (требуемое прилагательное к ней выберите сами: суровая, современная, текущая, окружающая, неумолимая, объективная...) вносит в писательскую жизнь свои коррективы.

И на вызовы действительности писатели отвечают (как нынче принято говорить в высших сферах) симметрично.

Именно так можно расценить онлайн-встречу с нео-литовским автором Натальей Ревковой, состоявшуюся при активном содействии сотрудников отдела абонементов Алтайской краевой библиотеки имени В. Я. Шишкова.

Наталья Ревкова – прозаик и поэт, она интересна читателям разнообразием своих творческих поисков, направленных на осмысление нюансов жизни современного общества и их литературное преображение.

Встреча Натальи Ревковой с читателями должна была состояться ещё в марте, в прекрасных (после ремонта) залах Краевой библиотеки. Но вмешалась та самая действительность, и вместо залов – платформа программы удалённых конференц-связей Zoom.

Но Наталья такой энергетически ёмкий человек, что и с экрана монитора чувствуется сила её человеческой природы и творческий магнетизм.

Вот небольшой отрывок онлайн-встречи:

«Вопрос: В своем рассказе «Каждому по мирам его» последней фразой вы определяете: «Писатель должен уметь жить в том мире, о котором пишет»... Всё ли устраивает вас в этом мире? Хотели бы вы что-то изменить?»

Наталья Ревкова (ответ): Мы меняем мир каждым своим словом. И сейчас время ускорило, и это особенно заметно. Раньше сделаешь человеку гадость, пройдет 20 лет, и у тебя начнутся какие-нибудь проблемы. А ты уже и не помнишь, за что это тебе так прилетело от судьбы. Ну а сейчас порой ещё гадость не доделал, глядь – а уже летит!

Потому, наверное, менять лучше себя. Есть надежда, что только от таких перемен мир действительно становится лучше».

6. Между этими фотографиями шесть с половиной лет.

Это своего рода «было – стало». Как говорится: найдите десять отличий. Отличия, условно, есть – слева скромный клубный журнальчик «Фантастическая среда», что вышел в свет к годовщине существования «Клуба любителей фантастики», а справа «Юность» – Всероссийский толстый литературный журнал с богатейшей историей.

Но есть и определённое сходство – и в одном, и в другом издании стихи и проза наших нео-литовских авторов, в том числе руководителя «Нео-Лита» Анны Самойловой.

«Клуб любительниц фантастики» представили в 10-м номере «Юности» Наталья Ревкова, Евгения Ткалич и Ольга Исупова (за упомянутые выше шесть с половиной лет – все трое приняты в Союз писателей России).

От студии «Бездна оптимизма» – Евгения Чернова-Гармс.

В целом публикации для неолитовцев в толстых журналах – не редкость.

В уходящем 2020 году в апрельском номере журнала «Сибирские огни» увидели свет рассказы Натальи Ревковой и Татьяны Блейзы.

В сентябрьском номере тех же «Сибирских огней» вышел рассказ Валерия Копнинова. Валерий – постоянный автор «Сибирских огней», но география его публикаций достаточно широка – только в 2020 году его статьи и рассказы напечатаны в кемеровских «Огнях Кузбасса», в альманахе «Полдень» (Санкт-Петербург), журнале «Берега» (Калининград), в газете «Литературная Россия» (Москва).

Альманах «45-я параллель» выбрал из шести алтайских авторов стихи Натальи Гриневич.

В декабрьском номере «Сибирских огней» выходит очерк неолитовца Сергея Матюшенко об алтайском художнике Юрии Лукашине, а у Валерия Копнинова в альманахе «Вятка литературная» статья о поэте Николае Заболоцком.

Так вот и живём, и на достигнутом – не останавливаемся!

7. Поздравляем с первой книгой!

Наш нео-литовский автор Елена Шагако в сезоне 2020 года приняла участие в конкурсе романов в жанре детектив, организованном на портале «Литмаркет» совместно с издательствами «АСТ» (редакция «Жанры») и «Автограф».

Роман Лены «Лесная корона», написанный на первом романном курсе Анны Самойловой, в числе десяти лучших романов вошёл в шорт-лист конкурса.

А для финалистов (вошедших в шорт-лист) издательство «Автограф» предусмотрело приз – бесплатное издание романа участника конкурса «Детектив».

Тираж небольшой, но победа Лены, её успех – значительны.

От имени всего «Нео-Лита» – обнимашки!

7. Срочно в номер!

Юность – прекрасная пора для писателя, чтобы попробовать на «вкус» различные литературные жанры, определить круг самых важных тем и окунуться в поиски неповторимого звучания авторского голоса.

Совсем ещё юный нео-литовский автор Лиза Селиванова – пробует, определяется, ищет. И частенько – находит. Да так удачно...

Рассказ Лизы «Эльфистоун» (кстати, опубликованный в журнале «Фантастическая среда» № 14) на Третьем заочном межрегиональном литературном конкурсе маринистики имени Константина Сергеевича Бадигина, который проводился Калининградским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», занял второе место (серебро) в номинации «Дебют» (проза)!

Вот вам и жанр, и тема, и авторский голос. Лиза, мы тебя поздравляем!

8. Интрига!

Новый, 2021 год уже вступил в свои права, и мы, безусловно, ждём от него преимущественно хороших новостей. Но было бы несправедливо только ждать и надеяться, мы и сами можем создавать хорошие информационные поводы.

Итак – хорошая новость 2021-го года от литературного агентства «Нео-Лит». В сентябре состоится (при любой погоде)

ВТОРОЙ нео-литовский ЛИТЕРАТУРНЫЙ семинар!

Первый мы провели в 2019 году, и семинар, как и ожидалось, собрал в себя людей из разных уголков нашей поистине огромной страны. География участников такова: Калининград, Нарьян-Мар, Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Красноярск, Новосибирск, Кемерово, Горно-Алтайск, Барнаул.

Разлёт по возрасту: от 16 до 67 лет.

Подведя итоги первого семинара, мы поняли, что необходимо двигаться дальше.

Разные семинары проводят с разной целью. Мы хотим, чтобы участники получили от нашего семинара как можно больше пользы. Мы мечтаем о том, чтобы у нас в стране появилось много интересных авторов. Мы хотим, чтобы русская литература снова заняла ведущие позиции в мире.

Место проведения второго семинара (место встречи изменить нельзя!) Горный Алтай, левый берег реки Катунь, турбаза «Сокол» (недалеко от озера Ая).

Руководителями семинара, по традиции, мы решили пригласить трёх замечательных писателей, чьи книги не только активно публикуют, но и активно покупают!

И такой уровень приглашённых мастеров необходим, для того чтобы вы могли получить от семинара как можно больше пользы. Чтобы вы могли перенять мастерство, приобрести опыт, узнать секреты писательского мастерства.

Мария Семёнова и Катя Матюшкина – уже были руководителями Первого нео-литовского семинара. И при их участии звёзды, как говорится, сошлись (а звёзды в Горном, в сентябре... ах!), поэтому, основываясь на взаимной симпатии, и Мария Семёнова и Катя Матюшкина приглашены на семинар вновь. И уже ответили согласием.

А кто же займёт место третьего руководителя? Да уж поверьте – не только писатель известный, но и человек весьма интересный... А кто, позвольте пока оставить его имя в секрете.

Интрига! И не в единственном числе. На том стоим!

Словом, следите за информацией, ознакомьтесь с правилами работы семинара и не пропустите урочный день и час.

Контакты: в WhatsApp +7-933-311-3661

почта: altay.neo-lit@yandex.ru

